

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет

[257]

**ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ**

**Серия II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(178)**

Редакционный совет:

*академик РАО, д.и.н., проф. Л.С. Белоусов (сопредседатель);
академик РАН, д.и.н., проф. С.П. Карпов (сопредседатель);
член-корр. РАН, д.и.н., проф. Л.И. Бородкин;
д.и.н., проф. А.Г. Голиков; д.и.н., проф. С.В. Девятов;
д.и.н. О.Е. Казьмина; д.и.н. А.Р. Канторович;
д.и.н., проф. Н.В. Козлова; д.и.н. Л.В. Кошман;
Н.В. Литвина; д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев;
член-корр. РАН, д.и.н., проф. С.В. Мироненко; к.э.н. С.В. Орлов;
академик РАН, д.и.н., проф. Е.И. Пивовар;
д.и.н. А.В. Подосинов; д.ф.н., проф. О.В. Раевская;
к.и.н., доц. Ю.Н. Роголев; д.и.н. С.Ю. Сапрыкин;
член-корр. РАН, д.иск., проф. В.В. Седов;
д.э.н., проф. В.В. Симонов; к.и.н. О.В. Солопова;
к.и.н. А.А. Талызина*

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет
Отделение историко-филологических наук РАН
Институт российской истории РАН
Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

РУСЬ, РОССИЯ

Средневековье и Новое время

Аннотации докладов всероссийской научной конференции
с международным участием

Выпуск 7

Седьмые чтения памяти академика РАН

Л.В. Милова

Москва — Владимир — Суздаль,
15–17 ноября 2023 г.

Владимир
2024

УДК 930
ББК 6.3.3
Р899

Конференция проводится при финансовой поддержке
Фонда «История Отечества» (проект № 33/2023/ФП–ММ)

*Печатается по решению Ученого совета исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова (протокол № 1 от 21 февраля 2024 г.)*

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ ОРГКОМИТЕТА

академик РАО, д.и.н., проф. Л.С. Белоусов, и.о. декана исторического факультета МГУ;
Е.В. Проничева, Генеральный директор
Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Б.Н. Флоря (*председатель*), В.А. Аракчеев, А.А. Голубинский,
А.А. Горский (*заместитель председателя*), Л.П. Горюшкина, С.П. Карпов,
Н.В. Козлова (*заместитель председателя*), К.А. Кочегаров, В.А. Кучкин, А.В. Лаушкин,
А.В. Малов, Т.А. Матасова, О.Л. Милова, Ю.А. Петров, О.В. Рыжков, А.Е. Тарасов,
Д.А. Хитров (*ответственный секретарь*), Д.А. Черненко, Е.Н. Швейковская

РЕЦЕНЗЕНТЫ

д.и.н., проф. Н.Н. Петрухинцев, д.и.н., проф. Н.Б. Селунская

РЕДАКТОР — А.А. Сорокина

Р899 Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 7: Седьмые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Аннотации докладов всероссийской научной конференции с международным участием. Москва — Владимир — Суздаль, 15–17 ноября 2023 г. – Владимир, 2024. – 182 с. – (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 257. Сер. II. Исторические исследования: 178)

Научный сборник представляет собой публикацию аннотаций докладов VII Чтений памяти академика РАН Л.В. Милова (1929–2007), крупной всероссийской конференции с международным участием, посвященной истории России X–XVIII вв. Доклады охватывают широкий круг проблем отечественной истории, прежде всего связанных с кругом интересов Л.В. Милова — историей древнерусской книжности и древнерусского права, социально-экономической историей России XVI–XVIII вв., источниковедением массовых источников.

ISBN 978-5-906608-64-2

УДК 930
ББК 6.3.3

© Редакционная коллегия, составление, 2024

© Коллектив авторов, тексты, 2024

Содержание

Пленарное заседание.

Творчество Л.В. Милова и современные представления об истории России. Осмысление особенностей географии и истории России современниками и историками

<i>Флоря Б.Н.</i> Об особенностях исторического пути Древней Руси и России в эпоху раннего и начала развитого Средневековья	15
<i>Швейковская Е.Н.</i> Историко-правовое направление в творчестве Л.В. Милова (отдельные аспекты)	17
<i>Степанова Л.Г.</i> Проблемы крестьянского землепользования в научном наследии Л.В. Милова и современных исследованиях	18

Публикация источников по истории России Средневековья и раннего Нового времени: проблемы и подходы

<i>Хазанова С.И.</i> «Пророчество Исайи, сына Амосова, о последних днях» и «Заветы двенадцати патриархов»: некоторые текстуальные параллели	23
<i>Богданов В.П.</i> «Охранные формулы» в записях на экземплярах старопечатных кириллических изданий: социальные аспекты традиции	24
<i>Козляков В.Н.</i> Из опыта публикации источников по истории частной жизни в России XVII в. (материалы церковных архивов)	25
<i>Бабич М.В.</i> Петр Великий в отечественной исторической картинке: сюжетные доминанты	25
<i>Давыдов М.И.</i> Дискуссионные вопросы оформления заголовков актовых и иных массовых источников по отечественной истории эпохи Средневековья и раннего Нового времени	26
<i>Алмазов А.С.</i> Проблема научной критики публикации документов в «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России» с точки зрения современной археографии	27
<i>Захаров В.Н.</i> Эвристический потенциал современной электронной базы данных «Sound Toll Register»	28

От Древней Руси к Российскому государству: традиции и новации

<i>Виноградов А.Ю.</i> Церковный устав Ярослава в контексте канонического права и политики середины XI в.	33
<i>Рудаков В.Н.</i> Правящая элита русских земель в годы нашествия Батыя	33
<i>Лукин П.В.</i> К вопросу о планах создания антимонольского союза во второй половине 40-х гг. XIII в.	34
<i>Вершинин К.В.</i> Древнее предисловие к Толковой Палее	35
<i>Введенский А.М.</i> Рабский статус в домонгольской Руси: вопросы номинации	35
<i>Горский А.А.</i> «Раздробленность» Руси и статус главного русского князя (к вопросу о политическом континуитете)	36

<i>Маслова С.А.</i> Обеспечение пребывания ордынских чиновников в русских землях (вторая половина XIII–XV в.)	37
<i>Селезнев Ю.В.</i> Летописание XIII–XVI столетий о гибели посадника Остромира	38
<i>Городилин С.В., Грязнов А.Л.</i> Московско-новгородская война 1398 г.: к вопросу о политико-географических аспектах	38
<i>Житенева А.М.</i> Псковская школа книжного письма XIV – первой четверти XV в. ..	39
<i>Грязнов А.Л.</i> Эволюция государственного аппарата во второй половине XV – начале XVI в.	39
<i>Петров К.В.</i> Пересуд и правый десяток	40
<i>Стефанович П.С.</i> «Оптимистический» и «пессимистический» взгляды на историю России, начало XVI в.	41

Темпоральная культура средневековой Руси

<i>Лаушкин А.В.</i> Об одной особенности календарной практики домонгольской Руси .	45
<i>Горюшкина Л.П.</i> Отпуски послов государем в XVI в.: хронологический аспект	45
<i>Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.</i> Напрестольный крест 1604 г. из Покровского монастыря в Суздале: идентификация вкладчика	46
<i>Кузнецов А.А.</i> От «обратного исчисления» к созданию предшественника Нижнего Новгорода в Нижегородском летописце в XVII в.	46
<i>Богомазова А.А.</i> Сезонность в судовом хозяйстве Соловецкого монастыря в XVII в.	47
<i>Закутерин Н.С.</i> Шатровые колокольни с башенными часами — символы темпорального своеобразия культуры России	48
<i>Никонов С.А.</i> Периодичность счета церковных старост Русского Севера в XVII в. ..	49
<i>Чаплыгина Д.А.</i> Сезонность промысловой деятельности кольских саамов в XVII–XVIII вв. (по материалам документов кадастра и статистических ведомостей)	49

Русские княгини и их приближенные в пространстве власти XIV–XVI вв.

<i>Конявская Е.Л.</i> Завещания русских княгинь (XV – начало XVI вв.)	53
<i>Лаврентьев А.В.</i> Великокняжеские вдовы и белокаменное строительство в Московском Кремле XIV–XV вв.	53
<i>Корзинин А.Л.</i> Женское окружение Елены Глинской	54
<i>Полехов С.В.</i> Василий Братошич и княгиня Ульяна: новые данные о знати Великого княжества Литовского первой трети XV века	55
<i>Матасова Т.А.</i> Была ли богата «византийская принцесса» Софья Палеолог?	55
<i>Масленникова И.А.</i> Дипломатический церемониал периода регентства княгини Елены Глинской в пространстве Кремлевского двorca	56
<i>Сергеев А.В.</i> Княгини и княжны в Московском государстве XVI в.: некоторые аспекты жизни	57

Проблемы истории русского епископата эпохи Средневековья

<i>Бояринов В.В.</i> К вопросу биографии первого смоленского епископа Мануила	61
<i>Давиденко Д.Г.</i> Архиерейские казначеи в XV – начале XVII в.	62

<i>Ульянов О.Г.</i> Эпитафия прп. Андрея Рублева († 17.10.1428) и свт. Арсений Элассонский († 29.04.1625)	62
<i>Печников М.В.</i> Архиепископ Иоанн (Стухин) как церковный и государственный деятель средневекового Новгорода	63
<i>Носов А.В.</i> Архиереи и основание новых монастырей в XV в.	64
<i>Городилин С.В.</i> Архиепископ Трифон Ростовский: биография и память современников	65
<i>Башнин Н.В.</i> Иван III и епископ Великопермский Филофей	65
<i>Манохин А.А.</i> Кампания против митрополита Зосимы и судьба 12 Слова Просветителя	66
<i>Манькова И.Л.</i> Сибирские архиереи и новые ритуальные практики в пространстве епархиального города XVII в.	67
<i>Устинова И.А.</i> Архитектурная деятельность русских архиереев в XVII в.	67
<i>Санников А.П.</i> Иркутский епископат XVIII в.	68
<i>Бусарев И.А.</i> Состав и структура Рязанского архиерейского двора во второй половине XVII в.	69
<i>Тарасов А.Е.</i> Архиепископ Афанасий Холмогорский и некоторые особенности богослужебной практики Соловецкого монастыря	70
<i>Крылов А.О.</i> Феофан (Прокопович) и Георгий (Дашков): 1725–1735 гг.	71

Государственное регулирование в экономике XVI–XVIII вв.

<i>Иванов Л.М.</i> Регулирование организации рыбного промысла на Верхней Волге в конце XV–XVII в.	75
<i>Юркин И.Н.</i> Возникновение рассеянной мануфактуры в оружейной промышленности России XVI–XVII вв.: роль государства	76

Лошади на войне в Русском государстве и у его соседей и партнеров в XV – 1-й четверти XVIII в.

<i>Сейдалиев Э.И.</i> Лошади на войне у крымских татар в XV–XVIII вв. по данным письменных источников (постановка проблемы)	79
<i>Курукин И.В.</i> Лошадиная «канфузия»: неожиданное завершение «Персидского похода» 1722 г.	79
<i>Моисеев М.В.</i> Кони и Ногайская Орда	80
<i>Малов А.В.</i> Конская терминология духовных и рядных служилых землевладельцев и вкладных монастырских книг XVI – 1-й половины XVII в.	80
<i>Тюменцев И.О.</i> Царские табуны по материалам русского архива Яна Сапеги	81
<i>Кабанов А.Ю.</i> «Конность» жильцов накануне Смоленской войны 1632–1634 гг. (по материалам жилецких сказок 1632 г.)	82
<i>Курбатов О.А.</i> Государевы драгунские лошади в кампаниях 1630–1640-х гг. на южных рубежах	83
<i>Когут Е.В.</i> Восточные боевые чалдары XVII в. из собрания Оружейной палаты	83
<i>Колосова В.Б., Курбатов О.А., Худин К.С.</i> Лечение дворцовых и строевых лошадей в XVII–XVIII вв.: медикаменты и практики	84

<i>Хацкевич М.В.</i> Наборы лошадей для армии в период русско-турецкой войны 1710–1713 гг.	85
<i>Раздорский А.И.</i> Курский конский торг в 1726 г.	86

Социальные и экономические структуры аграрного общества в России XVI–XVIII вв.

<i>Быков Д.А.</i> К характеристике социально-экономического и фискального содержания термина «судерев(ь)» в истории лесного пчеловодства XVI–XVII вв.	89
<i>Никулин В.Н.</i> «Не молот железо кует, а кузнец, что молотом бьет» — Уломский железоделательный промысел новгородских крестьян (XVI – первая половина XIX века)	89
<i>Гуляева А.О.</i> Эволюция фонда дворцовых земель в Тверском регионе в конце XVI – начале XVIII вв.: к иллюстрации концепции «служебной организации» общества .	90
<i>Семенов О.В.</i> Сибирские ямщики в социальной структуре России конца XVI–XVII вв.	91
<i>Черненко Д.А.</i> Опыт применения методов геоинформационного картографирования в работе с писцовой книгой Суздальского уезда	92
<i>Парфеня М.И.</i> К вопросу о «злоупотреблениях» старост и целовальников крестьянско-посадской общины Сибири XVII века	92
<i>Пугач И.В.</i> Вологодские подьячие второй половины XVII в.: служебный портрет ..	93
<i>Жиброва Т.В.</i> «По торговым делам»: некоторые страницы таможенной и кабацкой службы на юге России по материалам Азовской приказной палаты начала XVIII в.	94
<i>Черников С.В.</i> Родственные связи в среде правящей элиты 1725–1762 гг.	95

От царства к империи: внешняя политика России в раннее Новое время

<i>Жуков В.Д.</i> Организационные мероприятия 1644 года по обеспечению выкупа на валуйской размене	99
<i>Лазарева А.В.</i> «Ищут предлог для нарушения договора»: московская внешняя политика в представлениях немцев в середине XVII в.	100
<i>Рогожин А.А.</i> Феофан (Прокопович) и подготовка «Разсуждения какие законные причины...»	100
<i>Плате А.</i> «Особенный венский этикет»: о легитимации планов А.И. Остермана по престолонаследию (весна-лето 1739 г.)	101
<i>Дмитриев М.В.</i> О конфессиональных факторах в политике Московского государства в отношении мусульман России в XVI–XVII вв.	102
<i>Ермилов П.В.</i> Отношение к учреждению патриаршества в России на христианском Востоке в XVII–XVIII вв.	103
<i>Амброзяк Т.</i> Посольство Михаила Салтыкова в Речь Посполитую в 1591 г. в контексте внутренней и внешнеполитической ситуации Польско-Литовского государства	103
<i>Виноградов А.В.</i> Русско-крымские отношения в период династического кризиса в Крымском ханстве 1623–1628 годов	104

<i>Прудовский П.И.</i> Первые донесения бранденбургских дипломатов о России (1649–1656 гг.)	105
<i>Яфарова М.Р.</i> Бахчисарайский договор: его заключение и ратификация. Историко-текстологический анализ	105
<i>Домрачев Н.Е.</i> Судьба «смоленских пожалований» канцлера литовского князя Марциана Александра Огинского в контексте русско-польских межэлитных контактов	106
<i>Аваков П.А.</i> Таванский поход 1701 г. и имплементация 2-й статьи Константинопольского мирного договора 1700 г.	107
<i>Сень Д.В.</i> Коммуникация ногайских элит и представителей крымских ханов на Кубани с российскими региональными властями (конец XVII – начало XVIII в.)	108
<i>Беляков А.В.</i> Как возник интерес к сохранению матриц государственных печатей на рубеже XVII–XVIII вв.	109
<i>Ермасов Е.В.</i> Эволюция представлений о статусе русского государства в немецких публицистических изданиях первой половины XVIII века: от «Московии» к «Российской империи»	110
<i>Мустафазаде Т.Т.</i> Планы российского правительства по экономическому освоению и эксплуатации завоеванных в 1722–1735 гг. азербайджанских земель	111
<i>Носов Б.В.</i> Восстание Барской конфедерации и политика России в Речи Посполитой весной 1768 г.	112

Организация пространства в России XVI–XVIII вв.: территориальные связи и внутренние границы

<i>Ланской Г.Н.</i> Категории пространства и его психологического восприятия в работах Л.В. Милова	117
<i>Черный В.Д.</i> Исторические сравнения иностранцев городов и построек Московии в XVI столетии: «раньше и теперь»	117
<i>Дудин П.Н.</i> Империя и инородцы: право, границы и пространство монголоязычных народов в Российской империи и империи Цин (сравнительный анализ)	118
<i>Чеченков П.В.</i> Нижний Новгород и Гороховец в Средневековье и раннее Новое время: территориальные и социальные связи	119
<i>Шпирко С.В.</i> Система сельского средневекового расселения Северо-Западной Руси по материалам писцовых книг XV–XVI вв.: математическая модель двухуровневой иерархии	120
<i>Гаврилов П.В.</i> Сельское храмовое строительство в Тверской половине Бежецкой пятины в конце XV – 60-х годах XVI века	121
<i>Кутаков С.С.</i> Развитие административно-территориального деления Тверского уезда в конце XV–XVII вв.	122
<i>Степанова Ю.В., Фролов А.А., Карпова М.В., Гусак А.Д.</i> Историческая география Торопецкого уезда XVI–XVII вв.: источники и методы исследования	122
<i>Зинько М.А.</i> Битва «на Пчелне» 1607 г.: проблема локализации	124
<i>Глазьев В.Н.</i> Станы как территориальные единицы в Российском Черноземье в XVII в.	124

<i>Дудина О.В.</i> Белгородский разряд как административная единица и судебный округ в России в 1658–1708 гг.	125
<i>Жигалов В.М.</i> К вопросу периодизации военно-административного управления регионом Белгородской черты в контексте его оборонительного значения	126
<i>Калинин М.В.</i> Московско-Новгородский тракт в XVII веке	127
<i>Киселев М.А.</i> Проблема формирования «Екатеринбургского ведомства» в 1720-е гг.	128
<i>Лазарев Я.А.</i> Малороссия в системе имперского управления, 1708–1722 гг.	129
<i>Ибнеева Г.В.</i> Поездки императрицы Екатерины II по стране как способ организации имперского пространства	130
<i>Панкрат И.А.</i> Возникновение административной чересполосицы в процессе колонизации степных окраин (на примере Симбирского и Пензенского уездов в первой половине XVIII века)	131
<i>Хитров Д.А.</i> Павловская реформа административно-территориального деления ...	131

Город, горожане, городская жизнь в России XVII–XVIII вв.

<i>Беспалёнок Е.Д.</i> Попытка боярина А.Л. Ордина-Нащокина превратить дворцовое село Поречье в город европейского типа	135
<i>Пушков В.П.</i> Связь Белозерья с Московским печатным двором в XVII веке (по архиву Приказа книгопечатного дела)	136
<i>Черная Л.А.</i> Новые празднества в городской культуре петровского времени	137
<i>Наседкин Е.Н.</i> Неожиданные возможности таможни: история одного казуса, случившегося на Московской Большой таможе в 1753 г.	138
<i>Четырина Н.А.</i> Градообразующие элементы пространственной структуры Сергиевского посада XVIII–XIX вв.	138
<i>Козлова Н.В.</i> Отпуск на волю дворовых людей: законодательные нормы и применяемые практики в городской среде России XVIII в.	139
<i>Барсукова А.В.</i> Место «яблоневого сада» в социально-экономических отношениях коломенцев в XVII столетии	140
<i>Николаева М.В.</i> Иноземные мастера художественных профессий (резчики, токари, столяры) в Москве. Вторая половина XVII в.	141
<i>Редин Д.А.</i> Посады Двинского уезда и губернский бюджет (1711–1713 гг.)	142
<i>Ульянова Г.Н.</i> Торговля в Китай-городе в конце XVIII в. по ревизским и другим материалам по истории московского купечества	143
<i>Накишова М.Т.</i> Генерал-полицеймейстер Санкт-Петербурга А.М. Девиер: роль личности в системе городского управления	143
<i>Гущина Д.В.</i> Выборные заседатели городских магистратов и ратуш 1700-1760-х годов: социокультурный портрет	144
<i>Купченко К.В.</i> Ратуши и магистраты городов Смоленского региона XVIII в.	145
<i>Гуслистова А.Н.</i> Социальная стратификация вологодского посада в первой трети XVII в.	146
<i>Иванов А.Г., Иванов А.А.</i> Социально-экономическая структура города Козьмодемьянска в конце XVII – первой четверти XVIII в.	147

Бородина Е.В. Социальная структура Екатеринбурга во второй четверти XVIII в.: по материалам полицейской переписи 1738 г. 148

Русская дворянская усадьба в практиках, образах, смыслах

<i>Шемякина О.Д.</i> Власть земли и практики добровольного сплочения в сельском мире	151
<i>Путятин И.Е.</i> Проблема реконструкции сознания как основа сохранения и возрождения русского усадебного наследия	152
<i>Белоусова О.В.</i> Августейшие визиты в усадьбы гр. Шереметевых во второй половине XVIII–XIX в. в контексте развития коммеморативной культуры	152
<i>Вдовина Л.Н.</i> «На лоне сельской тишины»: русский дворянин в усадьбе во второй половине XVIII – начале XIX столетия	153
<i>Петриков К.А.</i> Русская дворянская усадьба второй половины XVIII века в работах Вольного экономического общества	153
<i>Кулакова И.П.</i> Усадебный образ жизни русского дворянина второй половины XVIII века в контексте развития культурных установок раннего Нового времени (по материалам описи усадьбы Н.И. Новикова Авдотьино)	154
<i>Лётин В.А.</i> Ориентальный дискурс художественного универсума русской усадьбы XVIII – начала XX вв.	155
<i>Смирнов А.В.</i> Медицинские книги в усадебной библиотеке А.Т. Болотова	156
<i>Клинко М.-В. М.</i> Хозяин городской усадьбы И.М. Шаден и его постояльцы-дворяне	157

Измерение и описание земель в XVII–XVIII вв: техника и технология

<i>Акашева А.А.</i> Землемерные работы по Генеральному межеванию Нижнего Новгорода и слободы Кунавиной в 1784 году	161
<i>Акманов А.И.</i> Экономические примечания к планам Генерального межевания земель по Оренбургской губернии: структура и основное содержание	162
<i>Голубинский А.А.</i> Новые источники по изучению Генерального межевания — материалы Московской губернской канцелярии	163
<i>Сорокина А.А.</i> О способах перевода в десятины смоленских единиц измерения земельной площади	163
<i>Фельдман Д.З.</i> Планы дач Генерального межевания как источники по истории еврейской земледельческой колонизации Северного Причерноморья в начале XIX в. ...	164

Освоение новых земель и защита окраин России в Средние века и раннее Новое время

<i>Володихин Д.М.</i> Причины возвышения М.Б. Шеина в царствование Бориса Годунова после битвы при Добрыничах: гипотеза	169
<i>Мишуков И.А.</i> Артиллерия и артиллеристы городов «в черте» в 1684 г.	169
<i>Круглова Т.А.</i> Межтекстовые связи «Записки о непорядках в Малороссии» Г.Н. Теплова: к вопросу о формировании исторического контекста	170

<i>Темушев С.Н.</i> Эволюция отношений Руси и литвы до образования Великого княжества Литовского	171
<i>Кирпичников И.А.</i> Дворяне и дети боярские на станичной и сторожевой службе (конец XVI – начало XVII в.)	172
<i>Камараули Е.В.</i> Модель служилого землевладения и ее влияние на формирование сельских поселений на Юге России в первой половине XVII в.	172
<i>Канищев В.В., Ляпин Д.А.</i> Исторические основы геоинформационной системы комплекса военно-оборонительных сооружений и поселений Белгородской черты в XVII – первой половине XIX в.	173
<i>Ляпин Д.А.</i> Хозяйственное освоение южных территорий Воронежского уезда в XVII – начале XVIII вв.	174
<i>Скобелкин О.В.</i> Южный форпост Московского государства (город Соленой в 80-х гг. XVII в.)	175
<i>Жиров Н.А.</i> Освоение Черноземных окраин Российского государства в XVII–XVIII вв. на примере Ливенского уезда Орловской губернии	176
<i>Мининков Н.А.</i> Крепость Святого Дмитрия Ростовского и крепостная документация	177
<i>Опарина Т.А.</i> Дипломатическая деятельность в Сибири Степана Александрова сына Греченина	178
<i>Багрин Е.А.</i> Нерчинский приказчик П.Я. Шульгин и его роль в укреплении позиций России в Даурии в 1670-е гг.	178
<i>Якушкин Г.Р., Якушкина М.М.</i> Торговые пути жителей села Нижний Ландех в XVIII – первой четверти XIX в. в рукописи крестьянина О.П. Голикова	179
Список сокращений	180

Пленарное заседание.

**Творчество Л.В. Милова и современные представления
об истории России. Осмысление особенностей географии и
истории России современниками и историками**

Об особенностях исторического пути Древней Руси и России в эпоху раннего и начала развитого Средневековья

При рассмотрении вопроса об особенностях исторического пути Древней Руси в эпоху раннего, а затем России — в эпоху развитого Средневековья следует исходить из того, как представляется, серьезно обоснованного положения, что в Центральной и Восточной Европе в эпоху раннего Средневековья функционировал единый тип социальной организации общества. В таком обществе господствующей социальной группой была так называемая «большая дружина» — сообщество воинов, подчиненное правителю, образующее аппарат управления и являющееся главной вооруженной силой в стране. Это сообщество воинов содержалось за счет доходов от централизованной эксплуатации сельских общин и зарождавшегося городского населения. Для удовлетворения разнообразных потребностей воинов-дружинников была создана путем предоставления особого статуса части подданных так называемая «служебная организация». В рамках этой модели церковные учреждения содержались за счет десятины от доходов правителя.

Заметной особенностью исторического развития домонгольской Руси выступает существование таких городов-государств, как Новгород и Полоцк, когда централизованную эксплуатацию населения осуществляют совместно княжеская власть и община города — главного центра «земли», — определяющая условия своего сосуществования с княжеской властью. Вопрос о причинах таких отклонений от общей модели заслуживает особого внимания, тем более что в странах Центральной Европы подобные явления не фиксируются.

Вторая половина XII–XIII вв. стала временем, когда в странах Центральной Европы произошла серьезная перестройка социальной организации общества. Церковные учреждения (епископства, монастыри, соборы), а затем и воины-дружинники превратились в землевладельцев со своими владениями, подданными, источниками доходов. В состав этих владений пошла значительная часть земельного фонда. Владения эти приобрели широкий податный и судебный иммунитет, «служебная организация» распалась, поселения со «служебным» населением стали объектом жалований. Это означало, что, нуждаясь в деньгах, власть должна была добиваться согласия землевладельцев на сбор налогов. Произошло заметное сближение социальной структуры общества стран Центральной Европы с социальной структурой общества их западных соседей.

В Восточной Европе церковные учреждения и дружинники в течение XIII–XIV вв. также превратились в землевладельцев, обладавших судебно-административной властью над зависимым населением, о чем говорят уже наиболее ранние сохранившиеся жалованные грамоты. Однако характер отношений этих слоев населения с государственной властью заметно отличался от тех отношений, которые сложились в странах Центральной Европы. Их владения продолжали нести значительный объем налогов и повинностей в пользу государственной власти, а судебный им-

¹ Флоря Борис Николаевич, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), член-корр. РАН.

мунитет таких владений был, как правило, ограниченным. Как показало изучение документальных архивов Великого княжества Литовского, вплоть до XV в. в руках представителей знати не было крупных, компактно расположенных комплексов. Владения представителей московской знати были также невелики и разбросаны по разным территориям.

В руках государственной власти по-прежнему были сконцентрированы большие материальные ресурсы. Правители сохранили право патроната по отношению к виднейшим церковным учреждениям, а большая часть земельного фонда продолжала находиться в руках государственной власти. «Служебная организация», сошедшая со сцены в странах Центральной Европы, продолжала во многих своих компонентах сохраняться на всей территории Восточной Европы не только в XIV–XV вв., но и в первой половине XVI в.

Как представляется, весьма важно было бы сосредоточить усилия специалистов по русской истории, археологов и ориенталистов на рассмотрении вопроса, в какой мере формирование охарактеризованных выше различий при отходе от первоначальной общей модели было связано с татаро-монгольским завоеванием и подчинением древнерусских земель Золотой Орде. На этом общем фоне снова выделяется Новгородская земля. Именно во время ее зависимости от Золотой Орды в жизни новгородского общества и государства происходят изменения, которые сближают развитие этого общества и его институтов с развитием государств Центральной Европы. Действие каких факторов способствовало такой эволюции новгородского общества?

Если в XIV в. есть основания, хотя и с некоторыми оговорками, рассматривать Восточную Европу как единое социокультурное пространство, заметно отличное от аналогичного пространства в странах Центральной Европы, то в XV в. ситуация в разных частях Восточной Европы начала становиться принципиально различной. Согласно привилею 1447 г., все «благородные» землевладельцы Великого княжества получили для своих владений освобождение «от всего даниа и заплаты». Одновременно землевладельцы приобрели всю полноту власти над своими подданными. Лишенный постоянных налогов великий князь оказывался в зависимости от «доброй воли» землевладельцев. Тем самым социально-политический строй Великого княжества приближался к центрально-европейской модели.

Перемены, ведущие в противоположном направлении, имели место в Русском государстве на рубеже XV–XVI вв. Согласно грамотам о земельных пожалованиях этого времени, землевладельцы получают судебную власть (кроме случаев разбоя и душегубства), но никаких освобождений от обязанностей по отношению к государству. Грамот иного содержания нет. Знать, вероятно, обладала податными и судебными привилегиями, но основная масса светских землевладельцев их явно не имела. Таким образом, на протяжении сравнительно короткого периода времени в двух частях Восточной Европы, еще недавно достаточно близких друг к другу по своей социально-экономической и социально-политической структуре, выработались две совершенно разные модели отношений между государственной властью и формирующимся в обоих государствах дворянским сословием.

Под воздействием каких факторов формировались эти различия? Почему в Великом княжестве Литовском успехов добилось дворянство, а в России — государ-

ственная власть? Вопрос о быстром формировании столь глубоких и радикальных различий со всей остротой встал перед М.К. Любавским, когда он завершал свой курс истории Великого княжества. Как представляется, поиски ответа на этот вопрос имеют важное, принципиальное значение. Важно попытаться выяснить, почему успехи дворянства последовали вскоре после усиления центральной власти в Великом княжестве Литовском в правление Витовта и почему политика Ивана III, направленная на укрепление его власти, завершилась успехом и не столкнулась с организованным сопротивлением.

Е.Н. Швейковская¹

**Историко-правовое направление в творчестве Л.В. Милова
(отдельные аспекты)**

Историко-правовая тематика присутствовала в исследованиях Л.В. Милова на протяжении всего творческого пути, о чем свидетельствуют статьи, вышедшие в 1963–2000 гг. Его научный руководитель М.Н. Тихомиров привлек своего ученика после защиты им в 1958 г. кандидатской диссертации об Экономических примечаниях к Генеральному межеванию к иной сложной и ответственной работе. Она состояла в подготовке фундаментальной публикации важного древнерусского правового памятника, а именно Закона Судного людем, причем выполненного по трем редакциям: краткой, пространной и сводной. Этот фундаментальный труд вышел в 1961 г. двумя самостоятельными томами: «Закон Судный людем краткой редакции» (Т. 1), «Закон Судный людем пространной и сводной редакции» (Т. 2).

Участие вместе с М.Н. Тихомировым в этой публикаторской деятельности, несомненно, потребовало от Л.В. Милова погружения в тематику и время, совершенно другие в сравнении с его штудиями по XVIII в. Это обстоятельство потребовало от молодого ученого выработки и применения аналитических приемов, несколько отличных от прежних. В целом они составили единый метод, в котором совмещались разные практики и процедуры: правовые, археографические, источниковедческие — конечно же, в их сочетании.

Совокупность статей Л.В. Милова по проблемам древнерусского права, объединенных цельностью замысла, собрана теперь в специальном труде монографического характера «Исследования по истории памятников средневекового права» (М., 2009), вышедшем под редакцией Б.Н. Флори и А.А. Горского. В нем находятся работы, тематически и источниковедчески едино связанные между собой. Следует согласиться с точкой зрения публикаторов, что статьи ученого «в совокупности представляют собой цельное исследование». Предметом его изучения стали важные правовые источники: Закон Судный людем, Эклога — византийский кодекс законов VIII в., существующий в южнославянском и древнерусском переводах, Мерило Праведное. Ис-

¹ Швейковская Елена Николаевна, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), д.и.н., elnikshv@yandex.ru.

торико-правовые штудии ученого, безусловно, заслуживают того, чтобы стать предметом глубокого историографического штудирования.

Данный доклад есть скромная попытка в этом направлении. В нем я сосредоточилась на нескольких статьях Л.В. Милова, опубликованных на протяжении 1960–1970-х гг. Они тематически и логически объединены изучением в основном Закона Судного людем. Обратясь к этому сложному правовому памятнику, ученый для его текстологического разбора впервые в отечественной историографии применил уже во второй половине 1970-х гг. методы математического анализа.

Статьи Л.В. Милова, созданные в указанный период, удостоверяют в его полном проникновении в содержание изучаемых древнерусских источников, об органической логике восприятия и трактовки самих текстов. Это обстоятельство указывает на глубокое видение внутренней взаимосвязи в самих конкретных текстах и их между собой. Тем самым обеспечивается включенность в источниковый контекст того временного периода, когда они активно бытовали или сами становились источником для разработки правового документа другой эпохи.

Л.Г. Степанова¹

Проблемы крестьянского землепользования в научном наследии Л.В. Милова и современных исследованиях

Среди важнейших тем, поднимавшихся в работах известного российского историка, доктора исторических наук, академика РАН Л.В. Милова, особое внимание уделялось проблемам крестьянского землепользования. Земля имела огромную ценность в любом аграрном обществе. Для великорусского пахаря ценность земли проявлялась не только в наличии удобных пашен и больших просторов, но и в ее качестве, умении вознаградить труд земледельца, работающего на ней в поте лица своего в сложных климатических условиях и при природных катаклизмах. Еще в своей кандидатской диссертации, которая легла в основу монографии «Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.)» Л.В. Милов высказал предположение, что для методов проведения Генерального межевания большое значение имела исторически сложившаяся система крестьянского землепользования. Землемеры учитывали естественные границы земельных владений, для прекращения споров земля межевалась к селениям и пустошам. В работах Л.В. Милова ставился вопрос о необходимости учитывать качество и плодородие земли при изучении систем обложения. Особенно это касалось материалов новгородских писцовых книг конца XV – начала XVI в., традиционная статистическая обработка которых выявила парадоксальную ситуацию, когда хозяйства с меньшей земельной запашкой должны были бы платить с обжи как единицы обложения значительно больше, чем дворы с большей запашкой. Большое значение ученый придавал оценке роли переложных земель в зем-

¹ Степанова Лилия Геннадьевна, Кубанский государственный университет (РФ, Краснодар), д.и.н., liliya_stepanova@list.ru.

леделии во второй половине XVIII в. В фундаментальном труде «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» Л.В. Милов уделил внимание особенностям крестьянского землепользования на различных территориях Российского государства, акцентируя внимание на пестроте почв и подчеркивая, что почвы наряду с климатом в российской истории сыграли далеко не позитивную роль.

В современных условиях изучение истории крестьянского хозяйства в России невозможно представить вне его связи с природной средой и вне изучения исторического опыта крестьянского землепользования. Вопросы крестьянского землепользования ныне оказываются в поле зрения учеников и последователей Л.В. Милова, работающих с материалами писцовых книг и Экономических примечаний к планам Генерального межевания, использующих современные методы исследования, создающих на основе массовых источников по истории России геоинформационные системы (ГИС) и базы данных.

**Публикация источников по истории России Средневековья
и раннего Нового времени: проблемы и подходы**

**«Пророчество Исайи, сына Амосова, о последних днях» и
«Заветы двенадцати патриархов»: некоторые текстуальные параллели**

Апокрифическое «Пророчество (или «Слово») Исайи, сына Амосова, о последних днях» представляет собой рассказ от имени ветхозаветного пророка Исайи о грядущих бедствиях в наказание за грехи. Памятник сохранился только на славянском языке в списках XV–XVII вв., но сохранились и два списка XIV в. Некоторые списки опубликованы еще дореволюционными исследователями. Апокриф изучен недостаточно, происхождение его до сих пор остается неясным. Скорее всего, это компиляция, созданная изначально на славянском языке. Ее источниками могли послужить другие переводные сочинения. В.М. Истрин усматривал влияние на «Пророчество Исайи» апокрифических видений Даниила. И. Франко отмечал заимствования из «Епистолии о неделе».

Но при рассмотрении «Пророчества Исайи» можно заметить некоторое сходство с апокрифическими «Заветами двенадцати патриархов». Для сравнения привлечены два списка последних: Троицкая Палея 730 и Архивский хронограф 279. Эти два списка содержат полный текст апокрифа и ближе всего к греческому оригиналу, опубликованному М. Йонжем. До него вышло критическое издание «Заветов» Р. Чарльза. Так как составитель «Слова Исайи» обращался не к греческому оригиналу, а к переводу, то будет привлечен именно переводной текст «Заветов».

В «Пророчестве Исайи»: «Наведу на вы рать иноплемени и порадуются о вас врази ваши». В «Завете Иуды»: «Наведе же на ны Господь разори между собою и рати части боудоуть въ Израили». В «Завете Иуды»: «Дщери ж и сыны свободна поработають». В «Слове Исайи»: «И поработають сынове ваши и дщери ваши». В «Завете Завулона»: «И пленять вы врази ваши». В «Пророчестве Исайи»: «И пленять погании дома ваши». В «Пророчестве Исайи»: «Возлюбиша неправду паче правды, светъ оставльше, а тму восприясте». В «Завете Асира»: «Аще бо душа хочеть на добро, и все дело ее ес в правдоу». Далее в «Завете Асира»: «Пищу живота смерть приемлетъ, славоу бесчестье, день и ноць, и светъ тмоу». Сходство в чтении «Пророчества Исайи» и «Заветах двенадцати патриархов» необязательно говорит о зависимости одного апокрифа от другого, оно может свидетельствовать об общем источнике. Им могли быть апокрифические «Видения Даниила». О сходстве «Заветов» и «Видений Даниила» писал А. Смирнов. Обнаруженные текстуальные параллели между «Пророчеством Исайи» и «Заветами двенадцати патриархов» помогают выявлению источников обоих апокрифов.

¹ Хазанова Софья Игоревна, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., hazanovasi@mail.ru.

**«Охранные формулы» в записях на экземплярах старопечатных
кириллических изданий: социальные аспекты традиции**

«Охранные формулы» — речевые обороты, запрещающие несанкционированное пользование книгой, — встречаются во вкладных и владельческих записях представителей разных социальных слоев. В рамках доклада автор пытается проследить, с какими социальными группами в большей степени связана традиция «охранных формул».

На материале 337 записей, охватывающих период с 1575/76 по 1898 гг., выявлены 130 случаев, когда указан социальный статус инициатора записи, и 101 случай, когда известна социальная принадлежность автора. При этом катоконимы (именования типа «ярославец», «москвитин» и т. д.) не учитывались.

В 50 случаях инициаторами создания записей с указанными речевыми оборотами были священнослужители (в 33 случаях — представители черного духовенства и в 17 — белого). Доля других социальных слоев более скромная: одна запись с «охранной формулой» имеется на царском вкладе, 13 подобных записей иницированы боярами, 34 — дворянами, 8 — купцами и 24 — крестьянами.

При этом «охранные формулы» наиболее часто встречаются в записях, не только оформленных, но и иницированных священнослужителями. На долю духовенства приходится 54 автографа с «охранными формулами» (10 совершены монахами и 44 — священниками), т.е. доля священнослужителей в категории «автографы» еще выше (53%), чем среди инициаторов записей (38%).

Все это позволяет говорить, что именно представители духовенства были носителями традиции «охранных формул».

В то же время статистика показывает, что «охранные формулы» не были обязательным элементом вкладных или владельческих записей: они могли встречаться в записях одного члена семьи и не встречаться у остальных, один и тот же инициатор мог их поместить в одной записи и не включить в другую (что хорошо прослеживается на примере вкладов князей Пожарских). Наибольшее распространение указанные «охранные формулы» получили в 1630–1640-х гг., однако отдельное их употребление фиксируется и в XIX в. (наиболее поздняя запись была иницирована крестьянином-старообрядцем).

¹ Богданов Владимир Павлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., vpbogdanov@gmail.com.

**Из опыта публикации источников по истории частной жизни
в России XVII в. (материалы церковных архивов)²**

Документы церковного суда XVII в. до недавнего времени практически не исследовались. Причина — в преимущественном внимании историков к изучению экономики и землевладения по материалам церковных архивов. Отдельные труды посвящены древнерусским княжеским уставам, Кормчей и Стоглаву. Л.В. Милов также изучал рукопись еще одного церковно-юридического памятника — Мерила Праведного. Делопроизводство церковных судов XVII в. при этом осталось в стороне от внимания историков, мало интересовавшихся бытовой стороной жизни. Есть лишь немногие работы в рамках изучения гендерной истории, семейных отношений и разводов, где используются судебные дела, разбиравшиеся в «святительском суде». Правда, массовыми такие источники становятся преимущественно начиная с XVIII в.

В докладе освещается опыт подготовки к публикации одного из уникальных источников — записных книг Судного приказа Рязанского архиерейского дома 1660–1670-х гг., хранящихся в Государственном архиве Рязанской области. При анализе судебно-следственных материалов церковного суда, сохранивших около 1000 записей, возникает немало источниковедческих проблем, связанных с организацией получения информации, ее полнотой и достоверностью. Необходимо знание «номенклатуры» дел церковного суда и классификации преступлений по памятникам церковного права. «Духовные дела», с одной стороны, рассматривались как спорные дела священников, дьячков и людей церкви, а с другой — в эту группу источников входили дела о нарушениях семейно-брачных отношений, прав наследования и о насильственных преступлениях в отношениях между полами. В докладе будут показаны перспективы дальнейшего изучения документации церковных судов как источников по истории частной жизни в России XVII в.

**Петр Великий в отечественной исторической картинке:
сюжетные доминанты**

Визуальный образ Петра (в отличие от вербального) всегда позитивен, хотя его академические репрезентации и противоречат изображениям, укореняемым учебниками, Интернетом и т. п. Противоречие снимается через понятие «историческая картинка», которое объединяет все живописные, графические и иные (кроме собственно портретов) рассказы о нем, когда-либо бывшие фактом нашей культуры.

¹ Козляков Вячеслав Николаевич, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., vpkozliakov@yandex.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00850 «Частная жизнь в России XVII в. (по материалам церковного суда)».

³ Бабич Марина Виленовна (РФ, Москва), д.и.н., mbabich1@yandex.ru.

Таковых выявлено свыше 1800 в 30 сюжетах. Из десяти, заданных еще в XVIII в., доминирует «Петр на войне» (около 450 единиц), шедевры которого не закрыли темы, поддержанной ритуализацией доблести царя и в XIX в., и в установке СССР на одоление внешнего врага, и в новейшей монументальной декоративности. Стабильны и масштабные (до 100) сюжеты «Петр в Голландии» и «Петр и Екатерина». Кризис падения с середины XVIII в. количества и качества работ разрешился смещением в начале 1840-х гг. визуального ракурса с утверждения России Петром как мировой державы на его путь царя, пройденный как подобает, при опоре на скромный сюжет «Петра-спасателя». Показ спасения терпящих бедствие на Лахте, стоило ли оно жизни или просто было ее последним событием, вошел в резонанс с общими представлениями о положении души «за други своя» как подвиге высшего порядка. Не делая героя святым, такое завершение земного существования выстраивало все это существование по логике иконного жития, сообщавшей и другим «поступкам» положительные коннотации, что ярко проявилось в литографии 1839 г. с «клеймами» Петра-спасателя, победителя, труженика и отца Отечества вокруг «средника» с Медным всадником. Приятие же «образца», где Петр не мог быть «плохим», обращало и большие, и малые грехи лишь в оттенки удвоившихся за XIX в. сюжетов, аккумулировавших разные биографические мотивы.

XX в. выдвинул «Петра-основателя флота», «Петра и сподвижников» и тему «Здесь был Петр», а XXI в. отмечен почти 300 проектами, которые ниже дореволюционных и советских эталонов, но отражают сегодняшние воззрения на красоту, подтверждая тем самым творческий потенциал петровской картинки.

М.И. Давыдов¹

Дискуссионные вопросы оформления заголовков актовых и иных массовых источников по отечественной истории эпохи Средневековья и раннего Нового времени

Несмотря на накопленный российскими археографами значительный опыт работы с массовыми источниками XIV – начала XVIII столетия, в эдиционной практике наблюдается сильная вариативность не только в подходах к передаче текста или организации раздела легенды, но даже в таком чисто техническом аспекте, как оформление заголовков.

В частности, речь идет о структуре заголовка и ее внутреннем наполнении. По общему правилу минимальный набор элементов заголовка включает в себя дату и собственно подготовленный составителем заголовок документа. В то же время широкое распространение получила практика включения в текст заголовка дополнительных элементов: самоназвания документа в кавычках, а также уточняющих сведений — о включенных актах, подтверждениях, явках и т. п. При этом наблюдается известная избирательность: например, позднейшие явки документа в те или иные учреждения в

¹ Давыдов Матвей Ильич, Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник (РФ, Владимир), к.и.н., davydov@vladmuseum.ru.

составе заголовка почему-то никогда не фиксируются, хотя сам характер таких явок наглядно свидетельствует о длительном сохранении документом своего юридического значения.

Постепенно вышла из употребления традиция указания в особом подзаголовке информации об источнике, положенном в основу публикации. Наверное, это все же правильно; подобные сведения не должны быть отделяемы от легенды.

Спорными представляются рекомендации о включении в заголовки информации о месте выдачи документа, поскольку та не являлась обязательным элементом даже для отдельных разновидностей жалованных грамот, не говоря уже о частноправовых актах. В этой связи уместно обратиться к опыту архивистов XVII в., придававших важное значение приписям дьяков на правительственных документах, и задуматься о необходимости фиксации этого элемента в заголовках.

Дополнительной проработки заслуживают частные, но не менее важные аспекты оформления заголовков. Так, для документов, составившихся не единомоментно, а в течение определенного диапазона времени, следует принимать во внимание палеографические особенности источника (почерк, чернила) и, уже исходя из этого, уточнять саму датировку. Говоря об архивах духовных корпораций, логичнее соотносить выдачу им соответствующих грамот не с личностью конкретного руководителя (епископа, игумена и т. п.), а с институцией как таковой. Наконец, следуя принципу *ex ipso fonte bibere*, массовые источники (писцовые, межевые, переписные, приходо-расходные книги и т. п.) кажется уместным всегда именовать исключительно во множественном числе, даже если речь идет об отдельном документе.

А.С. Алмазов¹

**Проблема научной критики публикации документов
в «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России»
с точки зрения современной археографии**

«Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией» (далее — Акты ЮЗР) — издание, представляющее собой собрание документов по истории России, Украины и Белоруссии за период 1361–1678 гг. Для второй половины XIX в. эта грандиозная по объему публикация была большим шагом вперед, поскольку облегчила исследователям доступ к документам, извлеченным как из московских, так и некоторых зарубежных архивов. Редакторами томов выступили Н.И. Костомаров и Г.Ф. Карпов. Издание завоевало большой авторитет у историков и до сих пор широко используется в научных работах.

Однако на сегодняшний день Акты ЮЗР уже не соответствуют современному уровню развития археографии. В результате те ученые, которые не обращают внимания на археографические особенности этого издания и не проверяют текст публикации на наличие ошибок, порой делают ошибочные выводы.

¹ Алмазов Александр Сергеевич, Государственный академический университет гуманитарных наук (РФ, Москва), к.и.н., al.almazov@yandex.ru.

Изучение заявленной темы позволило выявить следующие недостатки публикаций документов в Актах ЮЗР — на основе обращения к фондам 124 (Малороссийские дела) и 229 (Малороссийский приказ) РГАДА: 1) отдельные опубликованные документы неверно датированы (в одних случаях это следствие опечаток, в других — результат неверной интерпретации их содержания); 2) некоторые источники, опубликованные частично, содержат пропуски, которые никак не оговариваются и не обозначаются отточиями; 3) имеются ошибки и неточности в передаче текстов документов. Кроме того, в ряде томов остались неясными принцип и методы отбора документов для публикации, поэтому в докладе предпринята попытка их реконструкции.

Также выявлены следующие особенности Актов ЮЗР, которые не соответствуют современным принципам археографии: 1) не всегда соблюден хронологический принцип издания документов; 2) источники, составляющие в подлиннике единый комплекс (столбец или книгу), разделены на отдельные друг от друга группы (номера) или перемешаны с иными документами; 3) в отдельных томах публикаторами при публикации текстов документов использовались книги, в более краткой форме повторяющие содержание соответствующих столбцов, в результате чего остались неопубликованными некоторые интереснейшие документы; 4) почти отсутствуют комментарии к документам.

Выявление археографических особенностей и недостатков издания позволит не только облегчить в будущем возможную работу по переизданию Актов ЮЗР на современном научном уровне, но и избегать ошибок при использовании издания в исторических исследованиях.

В.Н. Захаров¹

Эвристический потенциал современной электронной базы данных «Sound Toll Register»

Колоссальный комплекс записей о взимании пошлин с торговых кораблей, проходивших через Зундский пролив, обнимающий период с конца XVI до середины XIX вв., хранящийся в Государственном архиве Копенгагена, давно известен исследователям как один из основных источников по истории экономических связей между западом и востоком Европы. Многих останавливала исключительная трудоемкость выявления и обработки тысяч записей о проходивших кораблях и товарах, на них нагруженных. В течение XX в. было предпринято несколько попыток по систематизации и публикации этих данных в виде таблиц, разработанных по специальной форме. Наиболее успешными можно считать, имея в виду уровень развития инфраструктуры науки того времени, труды датских историков Н.Э. Банг и К. Корста в начале XX в. и Х.К. Йоханссена во второй половине XX в. В XXI в. усилиями группы голландских ученых во главе с Я.В. Велувенкампом и С. де Воуде был осуществлен проект обработки всего массива записей о взимании Зундской пошлины на основе современных

¹ Захаров Виктор Николаевич, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., v.zakharov@inbox.ru.

информационных технологий. В результате создана электронная база данных, размещенная в Интернете, которая содержит практически всю имеющуюся в записях информацию: даты регистрации кораблей в Зунде, имя капитана, наименование товаров и их количество, взятая пошлина, порт отправления и порт назначения. База данных содержит целый набор инструментов, которые позволяют быстро выявлять и систематизировать нужную информацию, важную для изучения истории международной торговли, в том числе в отношении ассортимента товаров, направления торговых связей, организации торгового судоходства и по многим другим аспектам.

**От Древней Руси к Российскому государству:
традиции и новации**

**Церковный устав Ярослава
в контексте канонического права и политики середины XI в.**

Устав о церковных судах Ярослава Владимировича неоднократно становился предметом исследования, в т.ч. и Л.В. Милова. Однако остался ряд непроясненных моментов, связанных с этим текстом. Во-первых, в докладе, на основании новых находок, касающихся митрополита Илариона, предложена уточненная датировка Устава. Во-вторых, продемонстрированы другие варианты понимания и перевода загадочного выражения «сложил есмь гречьский номоканун». В-третьих, путем сравнения с памятниками византийского права уточнен правовой характер Устава. В-четвертых, отдельно рассмотрена русская специфика Устава и связанные с ней новации. В-пятых, уточнен вопрос о юрисдикции и наказаниях в Уставе, включая принцип двойного наказания (вирой и епитимьей). Наконец, дана попытка ответить на вопрос, почему Устав был принят именно в этот момент правления Ярослава.

Правящая элита русских земель в годы нашествия Батыя

Батыево нашествие нанесло серьезный удар по правящей элите русских земель, однако о соотношении потерь мало что известно. В свое время В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов предположили, что «процент потерь дружинников едва ли был меньше доли погибших среди князей». Проведенный анализ информации ранних летописных источников о нашествии позволяют более точно оценить пропорции и предположить, что потери лиц не княжеского достоинства были существенно выше, чем потери среди князей. Связано это было с тем, что воеводы, дружинники, а также представители городского управления приняли гораздо более активное участие в сопротивлении завоевателям, нежели правители русских земель. В рассказах о нашествии Новгородской первой летописи старшего извода, Ипатьевской и Лаврентьевской летописей (далее — НПЛ, Ипат., Лавр.) поименно названы 10 светских лиц не княжеского достоинства (5 воевод и 5 представителей городского управления). Все они участвовали в сопротивлении, при этом 9 из 10 (90%) погибли и лишь один — защищавший Киев в отсутствие князей тысяцкий Дмитр — уцелел по милости врага (согласно сообщению Ипат., Батый «не убиша его мужьства ради его»). Тот факт, что летописи в контексте рассказов о нашествии упоминают людей не княжеского достоинства, весьма показателен: как правило, «главными героями» летописных повествований являлись князья, а главными сюжетами — именно их поступки. Что же касается княжеской корпорации, то из 37 упомянутых за период 1237–1240 гг. князей лишь 13 человек погибло (35%), остальные в силу разных причин сохранили свои жизни: 1 (3%) попал в плен,

¹ Виноградов Андрей Юрьевич, НИУ «Высшая школа экономики» (РФ, Москва), д.ф.н., к.и.н., ampelios@gmail.com.

² Рудаков Владимир Николаевич, журнал «Историк» (РФ, Москва), к.ф.н., ps-rudakov@yandex.ru.

5 (13%) во время нашествия находились в безопасном месте и 18 (48%) спаслись бегством (на спасение бегством пятерых из них есть прямые указания источников и о бегстве еще 13 мы можем весьма определенно судить по косвенным данным). Есть основания полагать, что спасение бегством было приоритетным способом поведения большинства могущественных правителей русских земель. Помимо Михаила Черниговского с сыном и Даниила Галицкого с братом и сыном, к числу спасавшихся таким образом князей можно отнести и владимирского князя Юрия Всеволодовича, чье бегство, впрочем, окончилось неудачно. Это заставило создателей рассказа, дошедшего в Лавр., скорректировать ту версию его гибели на реке Сити, которая сохранилась в НПЛ. Как правило, бегство от врага князя совершали «в малѣ дружинѣ», большая же часть дружинников, скорее всего, погибала вместе с горожанами, обороняя города.

П.В. Лукин¹

К вопросу о планах создания антимонгольского союза во второй половине 40-х гг. XIII в.

Ряд заслуживающих доверия источников (папские грамоты, «История монгол» дель Пано Карпини) позволяют предполагать, что во второй половине 1240-х гг. планировалось создание антимонгольского союза между Западом и русскими землями под эгидой папы. Важнейшие работы на эту тему принадлежат Дж. Линду и А.А. Горскому. В докладе предполагается развить и отчасти скорректировать их наблюдения на основании анализа лексики латинских документов и исторического контекста.

Упоминание в переписке между папой римским Иннокентием IV и Александром Невским согласия отца последнего Ярослава Всеволодича признать истинность католической «матери-церкви» и власти папы, согласия самого Александра на строительство во Пскове католического собора (*cathedralem*), отказ Александра ехать в Каракорум, а также однотипные послания папы орденским властям, Даниилу Галицкому и Александру Невскому показывают, что эти планы носили более далеко идущий характер, чем это обычно предполагается, и находились уже на стадии согласования.

В то же время были и факторы, не способствовавшие такому сближению (в частности, заинтересованность влиятельных католических кругов в прозелитизме и экспансии на Руси). Тем не менее будущее не было предопределено, и агрессивные замыслы монгольского хана Гуюка, планировавшего новый большой европейский поход, объективно способствовали сближению Запада и Руси. Главной военной силой со стороны Запада в этом случае должны были стать рыцари Тевтонского ордена.

Такой союз не состоялся по ряду «объективных» и «субъективных» причин. Среди последних важнейшую роль сыграло довольно случайное обстоятельство — неожиданная смерть Гуюка в 1248 г., за которой последовало «междоусобие» в Каракоруме и приход там в 1251 г. к власти сторонника более реалистичных подходов и

¹ Лукин Павел Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., lukinpavel@yandex.ru.

союзника Батыя Мункэ. В результате планы большого европейского похода были отставлены, острота ситуации смягчилась, и интерес Запада к союзу с русскими землями ослаб. Внешнеполитическая ситуация была тесно связана с борьбой за власть в самой Руси, в которой, как показывают источники, принимали активное участие уже в конце 1240-х гг. братья Александр и Андрей Ярославичи. Это, впрочем, должно быть темой отдельного исследования.

К.В. Вершинин¹

Древнее предисловие к Толковой Палее

В начале новгородского лицевого сборника последней четверти XIV в., одна из частей которого теперь известна как Александро-Невский список Толковой Палеи, фрагментарно сохранился текст, справедливо охарактеризованный Ю.А. Грибовым как введение к названному памятнику. Благодаря спискам XVI–XVIII вв., сделанным до того, как древняя рукопись оказалась повреждена, текст может быть восстановлен целиком. Он до сих пор не подвергался специальному исследованию. Между тем он, как выясняется, имеет пересечения с предисловием к сборнику Мерило Праведное, будучи частично основан на тех же источниках (Григорий Богослов, Василий Великий, Мефодий Олимпийский и др.). Пересечения таковы, что исключают использование одним памятником другого и могут быть объяснены лишь обращением к общим черновым материалам. Поэтому становится возможным датировать предисловие к Палее концом XIII – началом XIV в. Таким образом, перед нами неизвестный памятник древнерусской книжности, относящийся к редкому не только для отечественной, но и для византийской словесности жанру — прологам к сборникам.

А.М. Введенский²

Рабский статус в домонгольской Руси: вопросы номинации

В домонгольской Руси существовало несколько терминов для обозначения рабов — людей, находящихся в собственности другого человека. Самыми частотными терминами для раба были *холоп* и *челядин*. Вопрос о различии данных категорий населения является в науке дискуссионным. Для обозначения же холопского статуса женщины использовалось слово *раба*.

Люди, поступавшие в услужение, могли иметь как рабский, так и свободный статус. К примеру, *ключники* и *тиуны* — высокопоставленные слуги — могли являться как рабами, так и свободными людьми. Как кажется, умышленную замену в тексте Ипатьевской летописи при обозначении матери князя Владимира слова *ключница* на

¹ Вершинин Константин Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., vershkv@yandex.ru.

² Введенский Антон Михайлович, НИУ «Высшая школа экономики» / Санкт-Петербургский институт истории РАН (РФ, Санкт-Петербург), к.ф.н., 3103104@mail.ru.

милостницу следует рассматривать как тенденцию, что категория *ключник/ключница* чаще воспринималась как указание на рабское положение человека.

Термин *милостник*, несмотря на высказываемую в историографии гипотезу о возможном его применении при обозначении человека рабского статуса, не подтверждается, да и сама этимология слова свидетельствует о милостях, главная из которых для человека, находящегося в зависимом положении, — это дарованная ему свобода.

Еще одним термином для обозначения раба, который использовали в домонгольской Руси, был *паробок*. В некоторых контекстах это слово обозначает совокупность людей, часть из которых точно не являлись рабами, и, скорее, используется как уничижительный термин. Как представляется, в некоторых случаях *паробок* обозначает слугу, который не был холопом, но эта проблема требует дальнейшего изучения. Употребление термина *паробок* в письменности домонгольского времени в большинстве контекстов следует рассматривать как слово для обозначения человека рабского статуса.

Еще два термина встречаются в источниках — *кощей* и *чага*, которые в историографии рассматриваются как слова для обозначения рабов и рабынь. Как представляется, это историографическое заблуждение, которое базируется на фразе из «Слова о полку Игореве», в котором *чага* и *кощей* рассматриваются как наиболее дешевые пленные. Однако этимология обоих слов, как показали исследования П.М. Мелиоранского и А.И. Попова, свидетельствует, скорее, о том, что *чага* — это ‘женщина с ребенком’, а *кощей* — ‘военный слуга, обозный’.

Таким образом, термины для обозначения раба в домонгольской Руси можно разбить на несколько групп. В первую группу войдут слова, которыми точно обозначали людей рабского статуса: холоп, челядин. Во вторую группу — *паробок*, *ключник/ключница* и *тиун*, которые могут быть как рабами, так и свободными, причем первые два термина тяготеют к обозначению людей именно рабского статуса. Третья группа: *милостник*, *чага* и *кощей* — «рабские» значения которых являются плодом историографии, а на практике в таком значении не использовались.

А.А. Горский¹

«Раздробленность» Руси и статус главного русского князя (к вопросу о политическом континуитете)

С наступлением в XII столетии т.н. «политической раздробленности» Русь разделяется на несколько фактически самостоятельных государственных образований — «земель». Но при этом сохранялось представление о верховном («старейшем» по тогдашней терминологии) русском князе. Для его обозначения существовало определение «князь всея Руси».

В XII – начале XIII в. «князьями всея Руси» продолжали считаться князья киевские. После Батыева нашествия Киев и формальное главенство над всеми русскими князьями получили по воле монгольских правителей главные князья Суздальской зем-

¹ Горский Антон Анатольевич, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., gor-ks@mail.ru.

ли (чьей столицей был Владимир) — Ярослав Всеволодич, затем Александр Невский и его преемники. К началу XIV в. Киев был выведен Ордой из-под власти владимирских князей, но общерусское старейшинство они сохранили. К определению «князь всея Руси» с этого времени добавляется эпитет «великий» — «великий князь всея Руси». В конце XIV в. великокняжеский стол во Владимире закрепляется за московскими князьями, и они таким образом обретают статус наследственных верховных правителей всей Руси. Это давало основание претендовать на объединение под своей властью русских земель, включая те, что отошли во второй половине XIII – начале XV в. в состав Великого княжества Литовского.

Таким образом, с точки зрения политической традиции московские правители не основывали никакого нового политического образования — Российское государство, сложившееся к концу XV – началу XVI в., соотносилось с тем же «великим княжением всея Руси», что и домонгольская Русь. Статус главного русского князя сохранялся без перерывов, несмотря на «раздробленность» и подчинение власти ордынских ханов.

С.А. Маслова¹

Обеспечение пребывания ордынских чиновников в русских землях (вторая половина XIII–XV в.)

Система ордынского господства над русскими землями подразумевала пребывание на территории Руси (длительное или краткосрочное) представителей ханской администрации. Содержание ордынских чиновников, находящихся на территории русских земель, являлось обязанностью князей. В источниках зафиксировано несколько наименований выплат, собираемых в пользу завоевателей с целью обеспечения их пребывания на Руси. Среди них — «корм», «питье», «подвода», «проезд татарский», «туска». Эти подати, кроме туски, предстают натуральными выплатами.

«Корм» в качестве повинности известен с домонгольских времен. Так называлась особая подать — содержание населением воинских контингентов или должностных лиц государственного управления. «Питье» как наименование ордынской повинности зафиксировано только в двух ханских ярлыках, выданных русским митрополитам. В этих документах слово «питье» предстает не реально существовавшей выплатой, а искусственным налоговым термином. «Подвода» — транспортная повинность. Вероятно, она представляла собой обязанность предоставлять только лошадей без транспортных средств. «Проезд татарский» — обеспечение ордынских посланцев, пребывающих в русских землях. «Туска» — издавна существовавший у монгольских племен обычай предоставлять еду отправляющимся в путь. Во время завоеваний Чингисхана так называлось обеспечение, прежде всего провиантом, монгольских войск на покоренной территории. На Руси туска представляла собой денежный сбор. Регулярным налогом, взимаемым с русских земель, туска не стала.

¹ Маслова Светлана Алексеевна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., sveta2687@yandex.ru.

Летописание XIII–XVI столетий о гибели посадника Остромира

В центре внимания доклада находятся противоречивые сведения русских летописей о гибели новгородского посадника Остромира. Последний вошел в историю как заказчик одной из древнейших русских рукописных книг, так называемого Остромирова Евангелия. Именно приписка к данному величайшему памятнику отечественной книжности ставит под сомнение иные даты похода новгородских войск на чудь и гибель посадника ранее 1057 г. Однако датировки описываемых в источниках событий второй половины 1050-х гг. во Владимирском летописце несколько отличаются от хронологии иных летописных памятников. Это обстоятельство позволяет более внимательно отнестись к свидетельствам данного источника, точнее рассмотреть последовательность событий и выявить дополнительные аргументы в пользу той или иной даты.

С.В. Городилин, А.Л. Грязнов²

Московско-новгородская война 1398 г.: к вопросу о политико-географических аспектах

Московско-новгородский вооруженный конфликт 1398 г., вызванный переходом Двинской земли Великого Новгорода под покровительство великого князя Московского Василия Дмитриевича, представляется значимым эпизодом истории Новгородской республики, Русского Севера и даже в целом русского Средневековья. Необычен как сам повод (самостоятельный переход крупной «волости Новгородской» в иную политическую подчиненность с оговоренным заранее сохранением ее весьма необычной политической структуры), так и то, что разгоревшийся в результате военный конфликт резко отличается от стандартных к тому времени великокняжеско-новгородских столкновений, предполагавших поход на Торжок и далее на Новгород, как по своему сценарию, так и по своему итогу — полному поражению Василия Дмитриевича в результате масштабной северной экспедиции новгородской рати.

Вместе с тем до настоящего времени этот крупный и весьма напряженный военно-политический конфликт не был предметом специального исторического исследования. Одним из важных вопросов в этой сфере, имеющим и самостоятельное научное значение, представляется вопрос о ходе военных столкновений в их географическом и политическом аспектах. Уточнение маршрута следования новгородского войска, решение вопроса о составе и целях его противников на каждом из этапов вооруженных столкновений, а также характеристика состава территорий, составивших признаваемую к началу 1398 г. московской властью Двинскую землю, позволит более де-

¹ Селезнев Юрий Васильевич, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), д.и.н., orda1359@mail.ru.

² Городилин Сергей Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), sergey.v.gorodilin@gmail.com; Грязнов Анатолий Леонидович, НП «НИЦ "Древности"» (РФ, Вологда), rubicon-2@yandex.ru.

тально представить характер противостояния 1397–1398 гг., позицию и цели каждой из противоборствующих сторон, а также реальные результаты, достигнутые в итоге конфликта, и последствия в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

А.М. Житенева¹

Псковская школа книжного письма XIV – первой четверти XV в.

Как известно, прямые свидетельства об организации процесса обучения писцов-профессионалов в Древней Руси в источниках, введенных в научный оборот, отсутствуют и восстанавливаются исключительно эмпирическим путем. Палеографические наблюдения Л.В. Милова в работах, посвященных исследованию тверской школы книжного письма второй половины XIV в., стали основой для ценнейших выводов об особенностях процесса обучения древнерусских каллиграфов.

В процессе работы с массивом пергаменных рукописных книг, создававшихся в XIV–XV вв. в Псковской земле, на основании результатов комплексного (палеографического, графико-орфографического, текстологического и др.) анализа удалось атрибутировать ряд текстов уже известным псковским писцам, выявить круг книгописцев, трудившихся в мастерской при псковском Троицком соборе, проследить процесс профессионального становления отдельных мастеров от начального, ученического, уровня до уровня квалифицированного каллиграфа-наставника. Исследование позволило развить тезисы, сформулированные в трудах Л.В. Милова, и продолжить воссоздание процесса обучения искусству книгописца в Древней Руси.

А.Л. Грязнов²

Эволюция государственного аппарата во второй половине XV – начале XVI в.

Прямые сведения непосредственно о государственном аппарате XV в. (великокняжеской канцелярии и казне) крайне фрагментарны, тем не менее исследование деятельности этих учреждений, их эволюции, может идти по двум направлениям: анализ их непосредственного продукта — документов, происходящих из этих канцелярий, и выяснение биографий сотрудников канцелярий, сферы их компетенции, социальных связей, статуса. Представляется, что наиболее продуктивным в настоящее время может быть исследование, нацеленное не столько на анализ сведений, содержащихся в документах, уже многократно осуществленное в историографии (наиболее обстоятельным исследованием такого плана на сегодняшний день является монография Ю.Г. Алексеева, в которой уделено должное внимание как приемам оформления документов, так и социальному статусу и роли в государственном управлении канце-

¹ Житенева Анна Михайловна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., zhiteneva@cosmos.msu.ru.

² Грязнов Анатолий Леонидович, НП «НИЦ "Древности"» (РФ, Вологда), rubicon-2@yandex.ru.

лярских служащих), сколько на изучение самих этих документов, в первую очередь подлинников, для выявления новых сведений о делопроизводственной практике, применяемых процедурах, персональном составе аппарата управления и сферах компетенции различных чиновных групп.

В правление Ивана III прослеживается несколько категорий канцелярских служащих, которых можно разделить на несколько страт. Самая высшая страта — дьяки, которых в правление Ивана III упоминается около 70 человек. Они заняты во всех сферах управления, связанных с составлением документации (внешнеполитические сношения, писцовые описания, судопроизводство и земельные отношения), а используемая в источниках терминология отражает их специализацию на определенных сферах. Есть отдельная категория дьяков, которые одновременно заведуют великокняжеским архивом, управлением личным имуществом князя и княжескими финансами. Существует ограниченный круг дьяков, упоминаемых в разрядной документации как отдельный чин в составе великокняжеского двора. С этой группой пересекается круг дьяков, заверявших княжеские грамоты, персональный состав которых выясняется на основе отождествления их почерков.

Более низкой стратой канцелярских служащих являлись подьячие. Они занимались непосредственным изготовлением документов, были младшими товарищами в судебных коллегиях и писцовых комиссиях. В количественном плане их было в несколько раз больше, чем дьяков, но по именам в источниках упоминаются только некоторые из них.

В целом, по самым минимальным подсчетам, ежедневное «производство» исходящей документации в великокняжеской канцелярии составляло не менее десятка документов. На всем протяжении правления Ивана III отчетливо прослеживается интенсификация делопроизводства, выражающаяся в увеличении номенклатуры и объема производимой канцелярскими документами. Изменяются принципы описания земли. Системный характер принимает работа по контролю над правами собственности, а великокняжеский архив выполняет функции кадастровой палаты.

К.В. Петров¹

Пересуд и правый десяток

Сохранившиеся книги судных пошлин XVII в. в числе основных судебных пошлин указывают следующие: государства пошлина, пересуд и правый десяток. Традиционно под пересудом понимается пошлина за пересмотр судебного решения, под правым десятком — за действия пристава в процессе суда. Пересуд упоминается с XIII в., в том числе в записи «что тянет душегубством к Москве». Основная проблема заключается в том, что вплоть до второй половины XVI в. в отечественной судебной практике отсутствовал институт пересмотра вынесенного судебного решения. В случае вынесения судом несправедливого решения предусматривался процесс по обвине-

¹ Петров Константин Васильевич, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., к.ю.н., lpetrov_kv@mail.ru.

нию судьи в неправосудии. Следовательно, историографическую традицию в понимании пересуда следует пересмотреть в пользу мнений, высказывавшихся еще в дореволюционной науке.

П.С. Стефанович¹

**«Оптимистический» и «пессимистический» взгляды на историю России,
начало XVI в.²**

В докладе сопоставляются два взгляда на место России во всемирной истории, понятой в эсхатологическом духе. Оба взгляда выражены в текстах начала XVI в. Согласно одному, России как православному государству суждено особое призвание (миссия) в сохранении истинной веры и тем самым спасении мира. Другой взгляд выставлял Россию как государство, предшествующее царству Антихриста, ложное в своих основаниях.

«Оптимистический» взгляд предлагает Русский Хронограф редакции 1512 г. Идея всемирного значения (миссии) Русского государства выражены, в частности, в известных словах заключительной части Хронографа («Плаче о Падении Царьграда»): «...наша же Росиская земля Божию милостью и молитвами Пречистыя Богородицы и всех святых чудотворец растеть и младѣть и возвышается. Ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и разширяться и до скончания века». Этот взгляд, в сущности, легитимизировал московскую государственность.

«Пессимистический» взгляд на судьбу России видим в так называемой Псковской третьей летописи в заключительном пассаже рассказа о падении Псковской республики в 1510 г. Этот пассаж выражает не радостное приветствие светлого будущего, а горестное ожидание последних времен, отсылая к пророчествам Откровения Иоанна Богослова. В нем просматривается осуждение московского единодержавия, построенное как пародирующий отклик на приведенные слова Хронографа.

В докладе предлагается разъясняющий комментарий к обоим пророческим высказываниям в контексте соответствующих сочинений (Хронографа и псковской летописи) и эсхатологических воззрений эпохи.

¹ Стефанович Петр Сергеевич, НИУ «Высшая школа экономики» / Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., petr.stefanovich@mail.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01032 «Русь и соседние народы в XIII–XV вв.: идентичности и политические отношения».

Темпоральная культура средневековой Руси

Об одной особенности календарной практики домонгольской Руси

Календарная практика древнерусской элиты домонгольского времени с очевидностью указывает на то, что календарь в молодом христианском социуме уже с первого столетия после Крещения выступал не только инструментом измерения и организации времени, но и своего рода коммуникативным средством, с помощью которого князья и епископы обращались к Всевышнему и к своим современникам. Проявлялось это в приурочении важных светских и церковных церемоний к значимым вехам литургического времени, в чем прочитывается и духовно-мистическое, и социосимволическое содержание. Чаще всего выбор организаторов церемоний падал на особые дни минейного, триодного и/или недельного циклов богослужений либо их кануны. Отмечены случаи выбора дней, наполненных для участников события родовыми или личными коннотациями. Однако интерес представляет и еще одна выявляемая в источниках грань этой календарной практики — назначать однодневные и многодневные церемонии и торжества на «литургические поля» великих церковных праздников: их пред- и попразднства, установленные бытовавшим на Руси Студийско-Алексиевским типиконом.

Отпуска послов государем в XVI в.: хронологический аспект

Материалом для доклада послужили содержащиеся в летописях и посольских книгах за первую половину – середину XVI в. точные даты, относящиеся к отправлению государями Василием III и Иваном IV дипломатических представителей разного уровня в соседние страны.

Несмотря на то, что отпуск мыслился церемониальным действием и мог предполагать участие государя, сведения о «рамочных» датах отправляемых из России посольств фиксировались не систематически и не единообразно. В связи с началом миссии возможно указание на объявление либо представление отправляемых посланников представителям другой стороны, собственно отпуск и отправление из Москвы (реже — других пунктов).

Даты непосредственно отпусков с разной полнотой фиксируются в посольских материалах, при этом различия связаны в большей степени с географией (страна назначения посольства), нежели с хронологией (период в работе канцелярии). Обращение к сохранившимся датам говорит о меньшем внимании к символике в связи с отправлением собственных послов.

Отдельно рассматриваются известия об объявлении отправляемых послов, а также об отправлении их «вместе» с отпускаемыми обратно миссиями из других

¹ Лаушкин Алексей Владимирович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., laushkin@list.ru.

² Горюшкина Людмила Павловна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), alae@mail.ru.

стран. Стратегии несколько разнятся для разных направлений, но чаще говорить о полном совпадении дат и реальном следовании «вместе» не приходится.

А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский¹

Напрестольный крест 1604 г. из Покровского монастыря в Суздале: идентификация вкладчика

Доклад посвящен вопросам атрибуции знаменитого восьмиконечного крестомощевика, сделанного из серебра (с золочением) и украшенного с лицевой стороны чеканными изображениями. Согласно вкладной надписи на артефакте, крест был пожертвован в суздальский Покровский монастырь в 1604 г., при этом характер лицевых изображений, растительного орнамента и мастерство исполнения однозначно свидетельствуют о столичном происхождении этого литургического предмета. До сих пор личность вкладчика считалась неустановленной, хотя надежно прочитываемая надпись содержит его имена и все необходимые сведения для их интерпретации. Историко-ономастический анализ текста надписи не только позволяет уверенно идентифицировать владельца этого драгоценного образчика ювелирного искусства начала XVII в., но и высказать ряд догадок об обстоятельствах совершения пожертвования, а также уточнить наши сведения о практиках имянаречения, принятых на Руси в XVI столетии.

А.А. Кузнецов²

От «обратного исчисления» к созданию предшественника Нижегородского летописца в Нижегородском летописце в XVII в.

«Обратное исчисление» — процедура, с помощью которой средневековый книжник/летописец датировал события по косвенным данным в привлекаемых источниках, переводил даты с мартовского на сентябрьский стиль и т. п. В памятнике нижегородского летописания XVII в. — Нижегородском летописце — содержится уникальное сведение о городе, предшествующем основанию Нижнего Новгорода. Он был поставлен «суздальскими князьями» на правом берегу Оки (Нижний Новгород основан на правом берегу Волги ниже устья Оки); под ним была слобода, которую завалило оползнем. Долгое время в этом сообщении видели искаженное сообщение Симеоновской летописи от 1370 г.: снег с гор завалил дворы, но над Волгой. Лишь недавно в Мазуринском летописце в сведении 1597 г. об оползне, погубившем Печерский Вознесенский монастырь в Нижнем Новгороде, обнаружено сообщение о катастрофе, уничтожившей слободу под Городом на верхнем правом берегу Оки. Текстовые дета-

¹ Литвина Анна Феликсовна, НИУ «Высшая школа экономики» (РФ, Москва), к.ф.н., annalitvina@gmail.com; Успенский Федор Борисович, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН (РФ, Москва), член-корр. РАН, fjodor.uspenskiy@gmail.com.

² Кузнецов Андрей Александрович, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (РФ, Нижний Новгород), д.и.н., nalbuz@mail.ru.

ли этого сообщения свидетельствуют, что оно и было использовано в Нижегородском летописце. В нем же указывается, что катастрофа произошла за 400 лет до 1597 г., т.е. в 1197 г. (за 25 лет до основания Нижнего Новгорода). Составитель Нижегородского летописца использовал это вычисление для создания оригинального сведения о русском предшественнике Нижнего Новгорода. В докладе представлен творческий механизм формирования этого сведения.

А.А. Богомазова¹

Сезонность в судовом хозяйстве Соловецкого монастыря в XVII в.²

Сведения приходо-расходных книг Соловецкого монастыря XVII в. позволяют рассмотреть следующие вопросы, связанные с сезонностью в хозяйстве обители: 1) начало и окончание навигации; 2) период, за который выполнялись заказы на изготовление нового судна.

Основной период навигации морских судов, особенно крупных — лодий, начинался в середине – второй половине мая и заканчивался в сентябре. Именно в эти месяцы совершалось наибольшее число рейсов монастырских лодий. Тем не менее монастырские суда преодолевали морские воды и в другое время, ранее и позднее основного периода навигации. Приведем примеры. Самая ранняя точная дата отправки человека с Соловков, встретившаяся нам в приходо-расходных книгах Соловецкого монастыря, — 14 января. Именно в этот день в 1654 г. в Москву был послан черный поп Иаков Филосов по грамоте патриарха Никона. В казначейских приходо-расходных книгах мы находим и другие случаи отъезда с Соловков или прихода на Соловки в январе – начале февраля. Самая поздняя дата прихода лодьи на Соловки — 14 ноября по старому стилю, когда лодья пришла из Варзуги в монастырь: 14 ноября 1615 г. из Варзуги старец Козма прислал на лодье с старцем Тимофеем «рыбных денег» 269 руб., 14 ноября 1626 г. из Варзуги же старец Никандр прислал на лодье с старцами с Константином и Михаилом 100 руб. «рыбных денег». В большинстве случаев в казначейских приходо-расходных книгах не указано, на каком судне старцы приходили в монастырь в конце навигации. Самая поздняя дата отправки человека с Соловков — 2 декабря.

Заказывали строительство судов чаще всего летом, а выполнен заказ должен был быть к следующему лету. Так, например, 11 июля 1645 г. Соловецкий монастырь нанял подужемцев «Ипатко Аксенова сам-четверть с товарищами» «зделати им на монастырской обиход сойма новая по записи», а сделанное судно мастера должны были поставить «под монастырем у пристани на Троицын день» 1646 г. На строительство соймы отвели год. Скорее всего, построили ее гораздо быстрее, но на Соловки могли поставить только в период навигации. До осени 1645 г. не успели бы, следовательно, должны были ее привести к монастырю поздней весной 1646 г., когда море

¹ Богомазова Анастасия Александровна, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., anabogomazova@yandex.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-78-10060-П «Церковное и монастырское строительство в России XIII–XVII вв. как фактор развития общества и государства в XIII–XVII вв. и начале XXI в.: история, культура, архитектура, наука».

освободится ото льда. Но изготовление судна монастырь мог заказать и осенью (под зиму). Так, в октябре 1650 г. монастырь заказал подужемцу Науму Ярафееву («приговорен на соборе») сделать сойму, авансом ему заплатил 4 руб., «а в деле взята на него память», в мае 1652 г. ему доплатили 1 руб.

Н.С. Закутерин¹

Шатровые колокольни с башенными часами — символы темпорального своеобразия культуры России

В русской архитектуре шатровые колокольни получили распространение в XVI–XVII вв. параллельно с развитием на Руси часового дела, проявившего себя на начальных этапах именно в башенных часах, которыми эти колокольни и «украшали». Рассвет и зенит русского шатрового зодчества пришелся на Средние века, хотя встречаются церковные объекты, построенные в данном архитектурном стиле и в XIX–XX вв.

Можно с уверенностью сказать, что установка башенных часов на колокольнях данного архитектурного стиля привнесла свои особенности в их конструкции, которые в наше время активно изучаются и которые по праву помогают пролить дополнительный свет на развитие часового дела в целом. Шатровые колокольни — характерный только для Руси и России архитектурный стиль, в Европе они встречаются довольно редко. В настоящее время шатровые колокольни активно восстанавливаются, при этом восстановленные колокольни являются доминантой своей местности, ее архитектурной и туристической привлекательности. География таких объектов с башенными часами очень обширна, и их по праву можно считать уникальными строениями, из которых невозможно найти два полностью идентичных.

Поскольку характеристика модели времени является ключевым критерием идентификации как типа архитектуры, так и этапа развития технологии, то она выступает важнейшим условием понимания смысла исторического развития страны в целом. Исследование концепта времени как фактора динамики культуры и науки нашей страны на примере таких архитектурно-технологических объектов, как шатровые колокольни с башенными часами, имеет ярко выраженную научно-теоретическую и социально-практическую значимость.

В докладе автор наглядно представляет историю развития часового дела на примере появления башенных часов в конструкциях шатровых колоколен, а также пытается ответить на вопрос, являются ли данные объекты с башенными часами символами темпорального своеобразия культуры Руси.

¹ Закутерин Николай Сергеевич, часовая мануфактура «Константин Чайкин» (РФ, Владимир), nikolay.zakuterin@mail.ru.

Периодичность счета церковных старост Русского Севера в XVII в.

В историографии давно обращено внимание на участие крестьян Русского Севера в управлении церковью и церковным имуществом. Эта практика сохранялась без изменений до 1680-х гг. Учреждение Холмогорской и Важской епархии (1682 г.), охватившей уезды Русского Севера, лишь скорректировало ее, поставив деятельность старост под контроль местного духовенства и архиерейской власти. Церковные старосты были выборными должностными лицами, занимавшимися ведением финансов и хозяйства церковного прихода. Срок занятия должности составлял год, но известны и исключения, когда крестьянин был старостой несколько лет подряд. Обязанности старост были широкими: они давали в аренду церковную землю и взимали плату за пользование ею, давали в долг деньги и зерно (по кабале), покупали необходимые к церковному делу предметы, нанимали работников для строительства церкви, домов причта и хозяйственных помещений, заказывали написание икон и богослужебных книг. Имея на руках значительные суммы денег, натуральные продукты, староста обязан был давать отчет в расходах и доходах. Документальной основой отчета были приходо-расходные книги.

Этот, казалось бы, очевидный и хорошо известный факт не получил исследования в научной литературе. Неясными остаются периодичность таких отчетов (раз в год или реже), время и место их проведения, состав участников. Для разработки проблемы были использованы архивные документы Богоявленского Ухтостровского прихода: приходо-расходные книги и счетные списки церковных старост. Исследование этих вопросов позволит раскрыть механизмы управления церковным приходом, контроль мира за деятельностью старост. Немаловажным представляется и выявить развитие процедуры счета церковных старост в условиях создания Холмогорской епархии.

Д.А. Чаплыгина²

Сезонность промысловой деятельности кольских саамов в XVII–XVIII вв. (по материалам документов кадастра и статистических ведомостей)

Тема доклада находится на стыке таких актуальных направлений исторической науки, как история массовых источников и региональная история. Исследование документов кадастра и статистических ведомостей позволило раскрыть сезонный характер таких традиционных промыслов кольских саамов, как олениводство, рыболовство, морская и сухопутная охота. Новизна исследования связана с отсутствием в историографии специальных работ по сезонности промыслов кольских саамов в XVII–XVIII вв. Объектом исследования стали писцовая книга Алая Михалкова и статисти-

¹ Никонов Сергей Александрович, Мурманский арктический государственный университет (РФ, Мурманск), д.и.н., snikonov-77@mail.ru.

² Чаплыгина Дарья Александровна, Государственный архив Мурманской области / Мурманский арктический государственный университет (РФ, Мурманск), dariabeattis@mail.ru.

ческое описание Архангелогородской губернии 1785 г. Первый источник представляет писцовую книгу, составленную в 1608–1611 гг. Описание охватило весь Кольский уезд, включает информацию о русских и саамских поселениях, дворах, вежах, владельцах хозяйств, промыслах. Второй источник — ведомость 1785 г., составленная по распоряжению архангельского и олонцкого генерал-губернатора Т.И. Тутолмина. По Кольскому уезду сохранились описания как поморских волостей, так и саамских погостов. В них содержится ценная информация о хозяевах дворов и веж, грамотности населения, хозяйстве, традициях.

**Русские княгини и их приближенные в пространстве власти
XIV–XVI вв.**

Завещания русских княгинь (XV – начало XVI в.)²

В докладе для изучения роли русских княгинь в системе властных структур рассмотрен материал их сохранившихся завещаний XV – начала XVI в. Это завещания вдовы Владимира Андреевича Серпуховского Елены Ольгердовны (в иночестве Евпраксии) (1433 г.), вдовы великого князя Василия Дмитриевича Софьи Витовтовны (1451 г.), вдовы Бориса Васильевича Волоцкого Ульяны Михайловны (1503 г.). Анализ этих источников дает возможность получить значимые данные по статусу, владениям и властным прерогативам русских княгинь. В ряде случаев княгини располагали полученными от своих мужей после смерти последних селами в станах и волостями за пределами станов. В полной мере княгини имели возможность распоряжаться своими куплями. На службе у них состояли бояре, слуги и др. Среди передаваемых потомкам вещей особо выделяются статусные предметы и церковные ценности. Также представлены наблюдения относительно формуляра завещаний.

**Великокняжеские вдовы и белокаменное строительство
в Московском Кремле XIV–XV вв.**

Среди белокаменных храмов Московского Кремля известны только две церкви, возводившиеся на средства великих княгинь, причем не при жизни мужей, а исключительно во вдовьем статусе. Это храм Рождества Богородицы, выстроенный вдовой Дмитрия Донского на дворе великих княгинь и освященный в 1394 г., и собор женского Вознесенского монастыря. Последний, единственный в своем роде кремлевский «долгострой», возводился 60 лет, причем урывками (заложен той же Евдокией Дмитриевной в 1407 г., продолжил строиться, но не был завершен при следующей вдове московского дома, жене великого князя Василия Дмитриевича Софье Витовтовне, и достроен при третьей по очередности вдове, супруге Василия Васильевича Марии Ярославне, в 1467 г.). Все три вдовы, в отличие от вдов-предшественниц и тех, что появятся позднее, занимали по воле супругов совершенно исключительные позиции в семьях после кончины мужей и располагали серьезными финансовыми возможностями для ведения дорогостоящих строительных работ.

¹ Конявская Елена Леонидовна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.ф.н., ekonyavskaya@gmail.com.

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

³ Лаврентьев Александр Владимирович, НИУ «Высшая школа экономики» (РФ, Москва), к.и.н., laurentius@list.ru.

Женское окружение Елены Глинской²

Женское окружение великой княгини Московской Елены Глинской, состав ее боярынь до настоящего времени не стали объектом специального научного исследования, хотя этот интересный сюжет отчасти получил отражение в работах М.Е. Бычковой и М.М. Крома. Однако далеко не все вопросы, касающиеся состава, порядка иерархии, идентификации боярынь решены. К настоящему времени оказалась исследована лишь верхушка женского двора Елены Васильевны.

Источниками для реконструкции женского окружения великой княгини служат свадебные разряды Василия III и Елены Глинской (1526 г.), князя Андрея Ивановича Старицкого и княгини Е.А. Хованской (1533 г.), родословная память князей Глинских (1532–1534 гг.), список боярынь на похоронах Василия III (декабрь 1533 г.), приеме казанского хана Ших-Али (Шигалея) и его жены Фатьмы-салтан (январь 1536 г.).

Проведенное исследование женского окружения Елены Глинской показало существенное отличие женской свиты великой княгини от состава бояр изучаемого времени. Большинство жен великокняжеских бояр не входило во двор Елены Васильевны. Близкие к великой княгине придворные дамы не были женами бояр и окольничих, зато были связаны родственными узами с московским правящим домом. Важно, что мужья этих боярынь входили в ближний круг придворных Василия III. В окружении Елены Глинской в последние годы жизни Василия Ивановича следует отметить жен И.А. и В.А. Челяднинных, М.Ю. Захарьина, признанных фаворитов великого князя.

В 1526–1533 гг. верхушка женского двора Елены Васильевны была представлена боярынями из рода Бельских: Ириной, женой князя Ф.И. Бельского, затем ее невесткой Марфой, женой князя Д.Ф. Бельского. После смерти Василия III с начала декабря 1533 г. место Бельских заняли княгиня Анастасия Мстиславская, двоюродная сестра Ивана IV, и княгиня Мария, родная сестра Елены Глинской, жена князя И.Д. Пенкова.

Однако костяк женского двора в годы самостоятельного правления Елены Васильевны остался таким же, как и при ее муже. Наиболее стабильную часть окружения составляли жены И.А. и В.А. Челяднинных. Женский двор Елены Васильевны в миниатюре напоминал Боярскую думу, дворцовый аппарат, ведомство казны. Среди боярынь великой княгини фигурировали не только жены бояр и окольничих, но также дворецких и казначеев.

¹ Корзинин Александр Леонидович, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (РФ, Санкт-Петербург), д.и.н., alex.kor77@gmail.com.

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

**Василий Братошич и княгиня Ульяна: новые данные
о знати Великого княжества Литовского первой трети XV века**

В докладе рассматривается новый источник по истории знати Великого княжества Литовского, недавно введенный в научный оборот, — серебряные ковши пана Василия Братошича и княгини Ульяны с надписями, найденные в Беларуси в составе клада и хранящиеся в частном собрании. Сопоставление с данными письменных источников позволяет выявить матримониальную стратегию, стоявшую за заключением их брака, и уверенно датировать сокрытие клада декабрем 1432 г. — периодом династической войны между Свидригайлом Ольгердовичем и Сигизмундом Кейстutowичем. В условиях преобладания литовской католической нетитулованной знати (боярства) в правящей элите Великого княжества Литовского, что было закреплено ограничениями для православных в Городельском привилее 1413 г., высокое положение Братоши и его потомков давно отмечалось историками как исключение; женитьбу Василия Братошича на княгине — по всей видимости, православной — правомерно рассматривать как способ укрепления позиций его самого и его рода среди высшей знати Великого княжества (вероятные аналогии рассмотрены в докладе). В свою очередь, из состава клада, в который входили также несколько тысяч пражских грошей и знаменитые драгоценные поясные наборы, так называемые «пояса Витовта», можно сделать выводы о материальном благосостоянии светской политической элиты Великого княжества Литовского первой трети XV века.

Была ли богата «византийская принцесса» Софья Палеолог?³

Вопрос об имуществе Софьи Палеолог в московский период ее жизни в историографии никогда специально не рассматривался. Чаще всего исследователи ограничивались «общими размышлениями» о том, что Софья была весьма обеспеченной невестой, поскольку была наследницей византийских императоров и потому привезла в Москву значительные материальные ресурсы (в том числе знаменитые 6000 дукатов из папской казны). Этот аргумент нередко приводится как доказательство ее политического могущества в Москве. Тем не менее пристальное знакомство с источниками обнаруживает совершенно другую, во многом противоположную картину. Ее отцу Фоме Палеологу — яркой и благородной, но все же печальной фигуре истории греческого мира — нечего было оставить дочери в наследство, кроме нескольких икон и

¹ Полехов Сергей Владимирович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РФ, Москва), к.и.н., sergey.polekhov@gmail.com.

² Матасова Татьяна Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., tamatt2009@gmail.com.

³ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

подобных вещей (имевших важное символическое значение, но не слишком ценных материально). Оказывается, что 6000 папских дукатов предназначались именно для Ивана III и в конечном итоге попали именно в государеву казну. Софья не могла ими распоряжаться. Нам почти ничего не известно и о земельных владениях Софьи. Сохранившиеся в источниках отдельные свидетельства не дают никакой возможности предполагать, что Софья распоряжалась какими-либо значительными, обширными территориями. Софье, таким образом, просто не на что было содержать свой «двор», у нее не было «материальной автономии», и потому у нее не получалось занимать сколько-нибудь независимую позицию при государевом дворе.

Собранные воедино свидетельства о реальном имуществе Софьи существенно дополняют устоявшееся представление о ней: она вовсе не была (и не могла быть!) самостоятельным игроком на политической сцене. Важно иметь в виду, что подобная ситуация, резко контрастирующая с материальным положением других княгинь (в т.ч. Евдокии Дмитриевны, Софьи Витовтовны, Марии Ярославны и некоторых других) имеет свое объяснение. Русская средневековая княгиня могла действительно получить значительные владения (и вместе с ними — серьезное влияние), но только в том случае, если ей завещал имущество отец и/или она оказывалась в трагическом и одновременно почетном статусе вдовы и княгини-матери. Софье же в этом статусе оказаться было не суждено. В Москве она и ее приближенные («двор», весьма немногочисленный!) составляли особую и важную часть двора Ивана III — подлинного хозяина всех благ Московской Руси второй половины XV столетия.

И.А. Масленникова¹

**Дипломатический церемониал периода регентства
княгини Елены Глинской в пространстве Кремлевского дворца**

Кремлевский дворец был построен по заказу великого князя Ивана III итальянскими мастерами в период с 1499 по 1508 г. Ни сам князь, ни его супруга, княгиня Софья Палеолог, не дожили до окончания строительства дворцового комплекса, которое завершило грандиозную программу переустройства Московского Кремля в новый центр власти, соответствующий уровню визуальной репрезентации европейских резиденций рубежа XV–XVI столетий. Последующие русские правители имели возможность использовать пространство нового дворца для организации парадного церемониала. Современная исследовательская реконструкция древнего ансамбля позволяет локализовать посольский церемониал периода регентства княгини Елены Глинской, описанный в исторических источниках.

¹ Масленникова Ирина Александровна, Музеи Московского Кремля (РФ, Москва), к.и.н., iak9@mail.ru.

**Княгини и княжны в Московском государстве XVI в.:
некоторые аспекты жизни**

В докладе приведена оценка степени изученности «женской части» существовавших в Московском государстве XVI в. княжеских фамилий; охарактеризованы источники, содержащие сведения о княжнах и княгинях (родословные, вкладные монастырские книги, духовные грамоты, иные акты, писцовые книги, свадебные разряды); рассмотрены отдельные стороны жизни княжеских семей: служебная деятельность, землевладение, отъезды за рубеж, опалы, вдовство, сиротство, отношения с другими служилыми фамилиями, утрата и приобретение княжеского титула.

В качестве примера разобрана история «женской части» фамилий Ярославской ветви Рюриковичей. Выбор данной ветви обусловлен тем, что она была самой большой в роду Рюриковичей и в социально-политической эволюции входивших в нее княжеских фамилий нашли отражение разнообразные аспекты этого процесса.

¹ Сергеев Антон Вадимович, Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., sergeev1967@inbox.ru.

Проблемы истории русского епископата эпохи Средневековья

К вопросу биографии первого смоленского епископа Мануила

В докладе уточняются важные биографические сведения о первом смоленском епископе Мануиле (1136 – не ранее 1168, до 1180). Биография владыки тесным образом переплетена с судьбой возглавляемой им кафедры. В деле образования новой кафедры всегда были задействованы две силы — княжеская и церковная власти. Новый епископ должен был заручиться поддержкой как князя, так и митрополита. Особого внимания заслуживает фигура первого смоленского епископа Мануила. В скудной на факты биографии владыки есть две интересные детали, которые обращают на себя внимание.

Первая — известие Ипатьевской летописи: «в лето 6645 (1136) поставлень бысть скопец Мануйло». В этой короткой фразе кроется большая каноническая проблема. Согласно 22-му Апостольскому правилу и 1-му правилу I Вселенского собора, оскопивший себя не может быть принят в клир. Однако 21-е Апостольское правило допускает возможность поставления епископом оскотенного при условии, что это было с рождения или над ним кто-то учинил такое насилие.

Вторая — возможное родство смоленского епископа и византийского поэта и писателя XII в., учителя Анны Комнины Феодора Продрома, которому Мануил мог приходиться дядей.

По всей видимости, Мануил сделал неплохую карьеру в Византии, о чем косвенно может свидетельствовать упоминание о его «скопчестве». Это точно не было типичным для Руси, но, видимо, таланты Мануила в деле церковного пения, знание греческого языка вкупе с навыками владения византийскими политическими приемами перевесили канонические препятствия для его поставления.

Что касается родства Мануила и Феодора Продрома, то, во-первых, последний с гордостью упоминал о своем дяде, «проедре земли Русской». Во-вторых, можно предположить, что дядя и племянник состояли в переписке. По крайней мере, пассаж про сседографию, упоминаемый в «Алексиаде» Анны Комниной и Послании Климента Смолятича, имеет сходные оценки. Сам принцип обучения греческому языку претерпевал изменения. Схожие идеи циркулировали как среди интеллектуалов Византии из окружения Феодора Продрома, так и в Смоленской земле и на Руси в целом — не в последнюю очередь благодаря Мануилу и его сторонникам.

Таким образом, перед нами рельефнее предстает церковно-политическая борьба за образование новой епископии и противостояние смоленского архиерея с киевской митрополией в лице Климента Смолятича. Кроме того, приведенные факты косвенно свидетельствуют об уровне грамотности в Смоленской земле и интеллектуальных возможностях представителей ее элиты.

¹ Бояринов Владислав Витальевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., bvv0205@yandex.ru.

Архиерейские казначеи в XV – начале XVII в.

Как видно из названия должности, архиерейский казначей в первую очередь отвечал за денежную казну епархии, формировавшуюся в том числе и из архиерейской дани, поступавшей с мест от десятинников и поповских старост.

Митрополичьи казна и ризница упоминаются в Повести о Митяе в связи с событиями 1379 г. Систематически митрополичьи казначеи упоминаются со второй половины XV в. в копийной книге митрополичьего дома как исполнители самых разнообразных функций. Это послушество на записи-обязательстве, данной митрополиту, покупка земли в митрополичий дом, приложение печати, участие в разъезде митрополичьей земли наряду с другими представителями митрополичьего двора.

Известны ситуации, когда в обязанности архиерейского казначея входило отслеживание строительства храмов.

Почти всегда архиерейский казначей был носителем священного сана. Иногда митрополичьи казначеи на других этапах своей карьеры исполняли иные обязанности по церковному управлению. Так, казначей митрополита Макария Кассиан ранее был архимандритом Можайского Лужецкого монастыря. Под 1567 г. отмечен казначей полоцкого архиепископа Трифона старец Тихон Хворостинин, который позднее займет настоятельские должности в Николо-Угрешском и Иосифо-Волоцком монастырях, а затем и Казанскую кафедру.

Под 1577/78 г. упоминается казначей Коломенского владыки Постник Тимофеев. Судя по тому, что он упомянут без сана и с некалендарным именем, можно думать, что он был светским лицом, хотя случаи назначения светских лиц на эти должности нетипичны. Примерно в те же годы светское лицо выступало казначеем Новгородского архиерея, что также было редкостью.

Возможно, назначение на должность архиерейских казначеев представителей духовенства (главным образом черного) было связано с тем, что оно имело меньше родственных связей и тем самым меньше мотивов для казнокрадства.

С конца XVI – начала XVII в. при патриарших казначеях постоянно функционировали дьяки.

Эпитафия прп. Андрея Рублева († 17.10.1428) и свт. Арсений Элассонский († 29.04.1625)

Важнейшим источником для Жития прп. Андрея Рублева является описание надгробной доски над местом погребения всемирно известного иконописца в Андрониковом монастыре. Этот архивный документ впервые введен в научный оборот

¹ Давиденко Дмитрий Григорьевич, Институт археологии РАН (РФ, Москва), к.и.н., dgd975@yandex.ru.

² Ульянов Олег Германович, Высшая школа культурологии (РФ, Москва), д.и.н., professor.ulyanov@gmail.com.

П.Д. Барановским в докладе 1947 г. на юбилейном заседании в Институте истории искусств АН СССР. Автором описания, по его словам, был историк XVIII в. Герхард Миллер, который зафиксировал сохранившийся текст эпитафии: «...лета 6938... чен[...]ка Игнат... Богоносца... с суббот... ноши... ны... Андрей... прозв... Рублев... схиме... зело украшен... Быша в сем...» (ГНИМА. Ф. Р–XIV. КПоф 4559/960).

Барановский предложил датировку надгробной доски, опираясь на данные Г.Ф. Миллера, что надписи эпитафии были вырезаны. В качестве ближайших аналогий им были указаны надгробные доски 1518 и 1561 гг. на паперти Спасского собора с эпитафиями Д.Д. и Ф.Д. Загряжских. Странно, что группа авторов (Л.А. Беляев, А.Г. Авдеев, Б.Н. Дудочкин) рассматривает данный источник вне исторического контекста и не принимает во внимание указание Барановского, что «над могилой Андрея Рублева, кроме такой настенной надписи, должна была быть еще надгробная плита». Барановский в письме к Ю.П. Спегальскому от 3 января 1960 г. подтвердил свое мнение с учетом новых открытий. В их числе «Алфавит российских чудотворцев» инока Ионы 1807–1819 гг. с уникальными сведениями о мощах прп. Андрея Рублева «под старою колокольнею, которая в недавнем времени разорена, и место сравнено з землею» (ОР ЯМЗ. № 15544. Л. 256 об.).

Эта колокольня, по данным монастырской описи 1763 г., была при соборе и размещалась к северо-западу от западного портала собора. Она была снесена в 1781 г., согласно обнаруженному нами в архиве Московской синодальной конторы делу 1795 г. Следовательно, эпитафия прп. Андрея Рублева могла просуществовать лишь до 1781 г. (*terminus ante quem*).

Строительство же упомянутой колокольни в конце XVI в., согласно агиографическим источникам, связано с греческим свт. Арсением Элассонским. Причастность греческого святителя, известного своим интересом к русскому иконописанию и составлению эпитафий, к строительству колокольни над могилой прп. Андрея Рублева позволяет предположить его авторство и для рублевской эпитафии. В греческом месяцеслове 17 октября празднуется память сщмч. Герона, ученика свт. Игнатия Богоносца (в эпитафии «...чен[...]ка Игнат... Богоносца»). Нам удалось установить единственно возможную для конца 20-х гг. XV в. дату, когда этот день пришелся на субботу, — 17 октября 1428 г. Сама эпитафия коррелирует со всеми источниками, что датирует представление прп. Андрея Рублева в «мале времени» до кончины прп. Никона Радонежского († 17 ноября 1428).

М.В. Печников¹

Архиепископ Иоанн (Стухин)

как церковный и государственный деятель средневекового Новгорода

Личность архиепископа Новгородского Иоанна, занимавшего кафедру на рубеже XIV–XV вв. (в 1389–1415 гг., умер в 1417 г.), мало привлекала внимание исследо-

¹ Печников Михаил Викторович, Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» (РФ, Москва), к.и.н., mihpechnikov@yandex.ru.

вателей, несмотря на его довольно яркую политическую биографию. Иоанн пользовался безусловным авторитетом в своей епархии, в период его архиерейства практически неизвестны внутренние конфликты в Новгороде. Именно Иоанна, не называя по имени, имел в виду Жильбер де Ланноа, посетивший город на Волхове зимой 1413–1414 г. и назвавший местного архиерея «как бы сувереном» Новгорода. Бывший хутынский игумен, поставленный митрополитом Пименом в Москве, Иоанн имел сложные отношения с последующими митрополитами Киприаном и Фотием, продолжая принятый на новгородском вече в 1385 г. курс на отказ от выплат в Москву апелляционных пошлин.

Выступая как идеолог новгородской независимости задолго до Евфимия II, он благословил поход в Подвинье против великого князя московского и владимирского Василия I Дмитриевича, который по традиции считался и новгородским князем. В начале XV в. архиепископ был задержан на три года митрополитом Киприаном в Москве (фактически арестован), очевидно, по политическим причинам.

Представляет интерес и начатое в конце XIV в. по благословению Иоанна и отчасти на средства Софийской казны строительство целого ряда новых новгородских оборонительных сооружений, предпринятая им реформа «Божия суда», призванная заменить при разрешении спорных случаев крестоцелование, а также начало осуществления монастырской реформы в его епархии, предусматривающей возникновение отдаленных от Новгорода обителей, устроенных по афонскому общежительному образцу.

А.В. Носов¹

Архиереи и основание новых монастырей в XV в.

В докладе рассматривается проблема роли епископата в создании новых монастырей в представлениях агиографов: в чем заключалось участие архиерея в основании обители и насколько эти житийные свидетельства соответствуют реальности. Поставленные вопросы практически не исследовались. Многочисленные жития преподобных, создавших обители в XV в., свидетельствуют, что подвижники брали благословение у иерарха на строительство церкви и антиминос для ее освящения. Епископ не участвовал в освящении монастырской церкви, это делали новопоставленные игумены или присланные иерархом священники. Именно такой порядок подтверждают архиерейские храмозданные грамоты (грамота митрополита Фотия Павлу Обнорскому (1414 г.), акты XVI–XVII вв.). Благословение епископа на основание самого монастыря в житиях упоминается редко. Судя по актам, оно давалось в устной форме. В отдельных случаях архиерей способствовал монастырскому строительству: давал милостыню или заручался поддержкой вотчинников. Рассматриваемые житийные известия отличаются композицией, событийным рядом и локальным своеобразием, поэтому позволяют относиться к ним с определенным доверием. Мотив получения благословения у епископа не является общим местом во всех житиях преподобных.

¹ Носов Артём Владимирович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., js32r@yandex.ru.

Архиепископ Трифон Ростовский: биография и память современников

Казус ростовского архиепископа Трифона таков, что даже обычные биографические сведения об этом владыке приобретают особое значение с учетом той, вне сомнения, серьезной личной роли, которую он сыграл в отечественной политической истории, когда, будучи настоятелем Кирилло-Белозерского монастыря, снял в конце 1446 г. с ослепленного и сосланного в Вологду великого князя Василия клятвы, данные тем перед собравшимися на церемонию его примирения с великим князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой архиереями и архимандритами. Важность его поступка была признана и самим великим князем, на всю оставшуюся жизнь приблизившим к себе Трифона, и тайными и явными недоброжелателями кирилловского настоятеля. Ощутим также личный вклад ростовского владыки в историю Кирилло-Белозерского, Толгского и Спасо-Ярославского монастырей, определенные выводы возможно сделать и о его интересах в сфере древнерусской книжности. Несмотря на это, до сих пор не имеется ни одного монографического исследования, посвященного этой яркой и, вне сомнения, значимой личности позднего русского Средневековья. В настоящем докладе привлекается имеющийся летописный, агиографический, актовый и сфрагистический материал, связанный с жизнью и деятельностью Трифона на всех этапах его биографии, позволяющий несколько точнее расставить акценты в оценках ряда ее важнейших эпизодов.

Иван III и епископ Великопермский Филофей³

В докладе на основании летописных и актовых источников исследованы обстоятельства возникновения и существования земельных владений Пермской архиепископской кафедры в связи с политической ситуацией на Руси в конце XIV–XV в. Образование Пермской епархии в 1383 г. при великом князе Дмитрие Ивановиче Донском и присоединение к ней Вологды при Иване III раскрывает механизм укрепления единого Русского государства на севере, когда путем установления промосковской церковной власти над землями, платившими дань Великому Новгороду «мягкой руклядью», закреплялась политическая власть Москвы и великого князя на этих обширных территориях (около 250000 км²).

Изучение источников показало, что, вероятно, право собственности у пермских владык на земельные угодья возникло в 1380-х гг., а подтверждение его в 1490 г.

¹ Городилин Сергей Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), sergey.v.gorodilin@gmail.com.

² Башнин Никита Викторович, Санкт-Петербургский институт истории РАН (РФ, Санкт-Петербург), д.и.н., selishe@mail.ru.

³ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-78-10060-П «Церковное и монастырское строительство в России XIII–XVII вв. как фактор развития общества и государства в XIII–XVII вв. и начале XXI в.: история, культура, архитектура, наука».

и дополнительная регламентация были обусловлены пограничным статусом епархии. Для Ивана III земельные вопросы в этом регионе имели большое значение. Он стремился соблюсти баланс между светскими землевладельцами и церковной кафедрой с монастырями, поскольку ситуация в регионе была беспокойной, а эти территории были стратегически важны, так как через них проходил путь на Урал и в Сибирь. Иван III стремился усилить великокняжескую власть на этих территориях, именно поэтому епископ Филофей получал поддержку Москвы, но при этом ему было запрещено «отнимать» земли у местного населения. Великокняжеская грамота от 19 ноября 1490 г. фактически законсервировала земельные владения Пермской кафедры: в XVI и XVII вв. не произошло увеличения архиерейских вотчин в этом регионе.

А.А. Манохин¹

Кампания против митрополита Зосимы и судьба 12 Слова Просветителя²

Исследователями не поставлен вопрос о том, почему Иосиф Волоцкий начал борьбу с еретиками. В настоящем докладе показано, что удалось отвергнуть атрибуцию считавшегося первым Послания о Троице Иосифу Волоцкому. В нашем распоряжении есть три иосифовских послания, в которых упоминается анонимный еретик-сквернитель митрополичьего престола. Первым идет Послание архимандриту Евфимию. Из него можно узнать, что Евфимий начал борьбу с Зосимой ранее Иосифа Волоцкого. Иосиф пишет, что митрополит-еретик «зле вооружается и ухищряет многие козни». Подобное Зосима мог делать только в бытность митрополитом, что делает Послание первым антиеретическим произведением Иосифа. Мотив Послания к брату Вассиану — страдание за веру, что также намекает на всесильность противника. Третье Послание, Нифонту Суздальскому, не могло быть написано при Зосиме. Но настоящее время текста делает невозможным и написание при Симоне. Таким образом, первые два послания написаны при Зосиме, а Послание Нифонту — в промежуток между митрополитами.

В Послании Нифонту дана полная характеристика еретическим воззрениям митрополита. Сквозным мотивом через все три текста проходят обвинения в иконоборчестве и иудаизме — обвинения, характерные для Соборного приговора 1490 г. Уникальным обвинением является лишь содомия. Она и была корнем оскорблений в адрес митрополита. Имя Зосимы появляется только в Сказании о ереси, там же есть пассаж о пострадавших от него и о тех, кто утешал их посланиями. Это Евфимий и Вассиан, адресаты посланий Иосифа. Здесь же дана аннотация 12 Слова Просветителя. Однако в прижизненных списках оно отсутствует. Можно предполагать, что оно удалено учениками Иосифа, не разделявшими его ненависти к Зосиме. Само же 12 Слово в дошедшем до нас виде представляет собой монтаж Нифонта (Кормилицына). Он полностью удалил любые намеки на Зосиму из Просветителя.

¹ Манохин Александр Александрович, Российский государственный гуманитарный университет (РФ, Москва), к.и.н., mnoh@inbox.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00218 «Институты управления Русской церковью в XVI в.».

Сибирские архиереи и новые ритуальные практики в пространстве епархиального города XVII в.

Сибирская и Тобольская епархия была создана в декабре 1620 г. На протяжении XVII в. ею управляли архиепископы Киприан (1621–1624), Макарий (1624–1635), Нектарий (1636–1640), Герасим (1640–1650) и Симеон (1651–1664), митрополиты Корнилий (1664–1677/78), Павел (1678–1692) и Игнатий (1692–1700). В докладе будут рассмотрены два ритуала, появившиеся благодаря преосвященным: встреча прибывшего в Тобольск архиерея и принесение чудотворной иконы Богородицы «Знамение» с Абалака в Тобольск. Оба ритуала были связаны с движением по территории и окрестностям Тобольска, поэтому неизбежно должны были учитывать сложный рельеф и культурный ландшафт города. Первый ритуал проводился по царским указам и приспособлялся к предлагаемым обстоятельствам. Церемония встречи архиереев, прибывавших в Тобольск, изменения маршрутов следования процессии реконструируются на основе сведений из «записных тетрадей» дьяка Семена Хломова и Сибирского летописного свода, а также чертежей С.У. Ремезова. Второй ритуал был создан сибирскими архиереями. Он анализируется по «Сказанию о явлении и чудесах Абалакской иконы Богородицы», документам Сибирского приказа. Архиепископы Нектарий и Симеон приложили усилия к прославлению чудотворной Абалакской иконы Богородицы «Знамение». Архиепископ Корнилий ввел традицию ежегодного принесения ее в Тобольск. Став митрополитом, он установил новый регламент крестного хода с этой святыней, акцентируя внимание на объектах православного ландшафта (часовни, Ивановский монастырь). Итогом доклада стала гипотеза о смысловых значениях рассмотренных ритуалов.

Архитектурная деятельность русских архиереев в XVII в.

Одним из важных направлений деятельности представителей епископата всегда была строительная, прежде всего, храмоздательная деятельность. В XVII в. наблюдается значительная активизация архитектурного творчества русских архиереев. В первые десятилетия после Смуты в епархиях велась большая работа по восстановлению разрушенных храмов, монастырей, архиерейских домов, возведению памятных культовых объектов. В середине – второй половине века наблюдается масштабное строительство архиерейских резиденций, крупных соборных храмов в епархиальных центрах. Архиереи всё чаще выступают инициаторами и активными участниками этого процесса — жертвуют личные средства на строительство, непосредственно контролируют ход работ. Среди них появляются увлеченные творческие зодчие, авторы

¹ Манькова Ирина Леонидовна, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (РФ, Екатеринбург), к.и.н., ilman.08@mail.ru.

² Устинова Ирина Александровна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., ilustinova@yandex.ru.

масштабных архитектурных проектов (наиболее яркие примеры — патриарх Никон, митрополит Ростовский и Ярославский Иона (Сисоевич) и многие другие).

А.П. Санников¹

Иркутский епископат XVIII в.

21 января 1727 г. была учреждена самостоятельная Иркутская и Нерчинская епархия. В течение XVIII в. из небольшой области, объединявшей 42 церкви и 4 монастыря, она превратилась в самую большую российскую епархию, простиравшуюся от Приенисейского края до берегов Тихого океана и Русской Америки, включавшую более 130 церквей и 6 монастырей. В течение XVIII в. здесь сменилось четыре епископа: Иннокентий (Кульчицкий) (1727–1731), Иннокентий (Нерунович) (1732–1747), Софроний (Кристалевский) (1753–1771), Михаил (Миткевич) (1772–1789). В отличие от соседней Тобольской митрополии, у истоков которой стоял великороссийский епископат, Иркутская епархия формировалась исключительно под малороссийским влиянием.

Оказавшись в новом для себя крае, архиереи пытались принести максимальную пользу делу распространения православия и усиления позиций церкви в силу своих сил и возможностей. Что отличало прибывших в Иркутск епископов:

1. Уровень образованности. Все они являлись выпускниками Киево-Могилянской духовной академии. Столкнувшись с реалиями Сибири, они попытались создать основы церковного образования через школу при Иркутском Вознесенском монастыре, архиерейскую школу и наконец смогли добиться открытия в Иркутске духовной семинарии (Михаил (Миткевич)).

2. Преданность делу церковного служения. С назначением первого архиерея иркутяне стали регулярно слышать слова проповеди (Иннокентий (Кульчицкий), удалось сформировать хор певчих и обеспечить «церковное пение» (Иннокентий (Нерунович)), были организованы регулярные крестные ходы и — с поставкой в Иркутск колоколов — регулярные колокольные звоны (Софроний (Кристалевский)).

3. При непосредственном участии архиереев развернулась христианизация коренных народов, которой епископы придали импульс, в том числе и личным примером.

4. Все они оставались на своем посту до самой кончины. Иркутская епархия стала вершиной их карьеры и одновременно последним прибежищем.

Но были и факторы, сдерживавшие их деятельность. 1) Отсутствие поддержки со стороны архиереев «великороссийских епархий». Все попытки обращения к ним напрямую не находили должного понимания или поддержки. 2) Приходилось действовать, опираясь на правительство и синодальные власти. 3) Не всегда удавалось найти понимание у гражданской администрации, а иногда и вмешиваться в возникав-

¹ Санников Александр Павлович, Иркутский государственный университет (РФ, Иркутск), к.и.н., aps.72@mail.ru.

шие конфликты (дело вице-губернатора Жолобова, следственная комиссия Крылова и др.).

Как бы то ни было, все перечисленные епископы остались в памяти иркутян, а двое из них — Иннокентий (Кульчицкий) и Софроний (Кристалеvский) — были канонизированы Русской православной церковью.

И.А. Бусарев¹

Состав и структура Рязанского архиерейского двора во второй половине XVII в.²

Доклад посвящен изучению внутренней структурной организации Рязанского архиерейского дома. В Государственном архиве Рязанской области были найдены записные книги Рязанского архиерейского дома, с ними автор работает в рамках реализации проекта «Частная жизнь в России XVII в. (по материалам церковного суда)» под руководством В.Н. Козлякова. Книги содержат информацию о рассмотренных делах в Судном приказе Рязанского архиерейского дома и упоминания о службах «домовых» дворян и детей боярских, на основании которых автор предпринимает попытку реконструкции структуры Рязанского митрополичьего двора во второй половине XVII века.

В структуре Рязанского митрополичьего двора можно выделить «домовых» дворян и детей боярских, подьячих, приставов, «домового» сыщика, стряпчих, домового певчего дьяка, домового детеныша, домового дьяка, домового конного мастера, домового мельника, домового «архиепископьева старца» и главу Судного приказа архиерейского дома — «приказного человека» Льва Терехова. Особый интерес представляют архиерейские дворяне и дети боярские, являвшиеся важными исполнителями воли правящего архиерея.

В ходе анализа записной книги 1660-х гг. было выделено порядка 58 имен дворян и детей боярских при 39 различных фамилиях. Записная книга 1670-х гг. содержит имена 38 дворян и детей боярских, при этом за 10 лет произошли существенные перемены в дворянском составе Рязанского архиерейского дома, и из 58 дворян в 1660-х гг. на службе в 1670-х гг. остался 21 человек.

Проводя сравнение с верстальной новичной десятной рязанского архиерея 1604 г., можно заметить, что из поверстанных на службу дворян и детей боярских в 1604 г. в 1660–1670-х гг., согласно записным книгам, служили представители 5 фамилий, две другие фамилии не упомянуты в чине дворян и детей боярских, однако также присутствуют на страницах записных книг.

Некоторое количество дворян несли службу целыми семьями, например, отец и сын Котовы, братья Курдюковы. В зависимости от выполняемых служилым человеком обязанностей он мог по-разному фигурировать в записных книгах, например, Андрей Белкин упомянут в качестве сына боярского, слуги, пристава.

¹ Бусарев Иван Алексеевич, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), асп., busarev1978@mail.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00850 «Частная жизнь в России XVII в. (по материалам церковного суда)».

Сопоставление данных записных книг Рязанского архиерейского дома, рязанских десятен, писцовых книг может позволить в наиболее полном объеме восстановить состав, земельные наделы и пожалования, служебные назначения, семейные и родственные связи рязанских «домовых» дворян и детей боярских.

А.Е. Тарасов¹

Архиепископ Афанасий Холмогорский и некоторые особенности богослужебной практики Соловецкого монастыря²

Летом 1683 г. архиепископ Холмогорский Афанасий (Любимов) совершил первую поездку в Соловецкий монастырь, годом ранее перешедший из подчинения Новгородской митрополии в состав «новоучиненной» Холмогорской и Важской епархии. Еще В.М. Верюжский отмечал, что «здесь он заметил много недостатков» и многократно поучал братию. Основные события этой поездки отражены в т.н. «Чиновнике» кафедрального холмогорского собора в честь Преображения Господня, представляющем не подборку чинопоследований архиерейских богослужений, а своеобразный дневник богослужебной и пастырской деятельности владыки. Создание «Чиновника» О.В. Панченко связывает с ключарем Холмогорского собора, священником Алексеем Золотаревым.

Как свидетельствует «Чиновник», архиепископ Афанасий уже с первых недель пребывания на кафедре (приехал в Холмогоры 18 октября 1682 г.) уделял особое внимание взаимосвязи литургического времени с природным. Составитель «Чиновника» неизменно указывал время благовеста, т.е. извещающего о начале богослужения звона, в холмогорском Преображенском соборе. Более того, 11 ноября и 26 декабря 1682 г., а затем несколько раз в течение 1683 г. владыка давал распоряжения о времени смещения благовеста. Очевидно, он стремился наилучшим образом синхронизировать богослужения суточного круга с изменяющейся продолжительностью светового дня и ночи.

Свидетельства «Чиновника» о времени благовеста в Соловецком монастыре в период пребывания здесь Афанасия (с 17 июня по 3 июля) показывают, что звон к богослужениям в эти дни в целом соответствовал указаниям архиепископа, принятым в Холмогорах для времени Петрова поста 1683 г., но противоречил правилам звона, установленным в Обиходнике самого Соловецкого монастыря. И хотя автор «Чиновника» не раскрывает, существовало ли особое распоряжение владыки на этот счет, есть основания считать, что оно могло быть. Во-первых, распространение общих правил способствовало единообразию церковных порядков в епархии. Во-вторых, изменение благовеста можно рассматривать как одну из мер «исправления» иноческой жизни в условиях после недавнего Соловецкого «сидения». Вмешательство архиепископа Афанасия в устои обители подтверждается обращением к нему соловецкого ар-

¹ Тарасов Аркадий Евгеньевич, МГУ имени М.В. Ломоносова / Российский государственный гуманитарный университет (РФ, Москва), к.и.н., arkady.tarasov@yandex.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00218 «Институты управления Русской церковью в XVI в.».

химандрита Фирса в сентябре 1690 г. за разъяснениями о братской пище и литургии Преждеосвященных Даров. Владыка затребовал соловецкий Обиходник и дал распоряжение «литургию противь оустава пѣти в среду и в пятокъ, а стол на братию поставляти противь обиходника во вторникъ и в четверток» (РНБ, Сол. 1123/1232. Л. 283 об.).

А.О. Крылов¹

Феофан (Прокопович) и Георгий (Дашков): 1725–1735 гг.

После кончины Петра I в России началась борьба за власть, которая затронула и церковь. Тем самым вопрос о будущем петровской церковной реформы 1720–1724 гг. оказался переплетен с интересами российских вельмож и иностранных дворов. Первым и одним из самых значительных конфликтов этого периода стала борьба архиепископа Георгия (Дашкова) за первенство в Синоде, а в перспективе — и патриаршество. После стремительного падения Феодосия (Яновского), главным противником ростовского архиепископа стал Феофан (Прокопович). Однако, несмотря на неблагоприятные политические обстоятельства и непрестанные обвинения в ереси, ученый архиерей смог сохранить свое положение, а Георгий (Дашков) окончил свои дни в далеком Нерчинске. Причину этого следует видеть в том, что высокое положение и авторитет Феофана (Прокоповича) не зависели от политической конъюнктуры. Архиерей-интеллектуал воплощал в себе принцип важности образования для занятия постов в церковной иерархии, установившийся в петровское царствование. Но еще важнее была искренняя приверженность Феофана (Прокоповича) идеалу православной Римской империи и первенству императора во «внешних» делах сообщества христиан. Добровольный отказ от участия в политической борьбе делал Феофана (Прокоповича) важным фактором политической стабильности. Потому противники ученого архиерея были вынуждены выдвигать обвинения в тайном протестантизме или лихоимстве, которые Феофан (Прокопович) с блеском опровергал.

¹ Крылов Алексей Олегович, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (РФ, Москва), к.и.н., dismal.enigma@gmail.com.

Государственное регулирование в экономике XVI–XVIII вв.

Регулирование организации рыбного промысла на Верхней Волге в конце XV–XVII в.

В докладе рассмотрены инструменты регулирования, применявшиеся властями на территории Ярославского Поволжья в кон. XV–XVII вв.

Не позднее 80-х гг. XV в. правительством Ивана III были организованы специализированные ловецкие Рыбная и Борисоглебская слободы на Волге, напротив владений Андрея Большого Углицкого — центров волостей Усть-Шексны и Романова городка. После смерти Андрея в заточении его удел был ликвидирован, а рыбные ловли поэтапно переданы правобережным слободам.

Рассмотрение записи 1527/1528 г. из документов Приказа тайных дел в комплексе с известиями 1563–1572 гг. свидетельствует, что в правление как Василия III, так и Ивана IV правобережные Рыбная и Борисоглебская слободы продолжали числиться в числе левобережного Романовского уезда в Пошехонье и длительное время управлялись воеводской администрацией с левого берега Волги. В случае с Рыбной слободой это могло происходить благодаря переданным в нее от Усть-Шексны рыбных ловель (езов). Вероятно, на левом берегу Волги за ними оставались и закрепленные участки «езового» леса.

При этом издавались указы, касающиеся разделения в податном статусе и переселения на правый берег в слободы рыбных ловцов — такова грамота ноября 1613 г. царя Михаила Федоровича, выданная взамен грамот царей Ивана Васильевича и Федора Иоанновича романовским посадским людям.

Властью также определялись границы рыболовных угодий. Например, в период между 1632 и 1676 г. было произведено перераспределение угодий по Мологе. Вольский ез на Шексне, на котором еще в конце XVI в. велась добыча осетровых, к 1676 г. перестал возобновляться, а рыбные ловли вверх по Шексне до Песьесельского еза были закреплены к 1679 г. за Рыбной слободой. Власть при этом регулировала и размер натурального рыбного оброка, который к 1676 г. был увеличен для ловцов Рыбной слободы, а в 1678 г. вновь введен для рыбных ловцов посада Мологи.

Рыбный рынок в устье Шексны ряд историков считал имеющим всероссийское значение. Первые упоминания о нем восходят к 60-м гг. XV в. Известна грамота Ивана Васильевича 1534 г. с пожалованиями льгот Троице-Сергиеву монастырю для закупки рыбы на этом рынке, в 1627 г. на нем закупали недостающую для уплаты оброка рыбу ловцы Борисоглебской слободы. Логично поэтому, что с Рыбной слободы началось ограничение лова и торговли «красной рыбы» на Верхней Волге, Шексне и Мологе в пользу ловецких слобод. Причиной вводимых ограничений могло быть не столько истощение рыбных запасов, сколько возрастающий объем потребления царским двором.

¹ Иванов Леонид Михайлович, Рыбинская археологическая экспедиция (РФ, Рыбинск), lmivanov@yandex.ru.

**Возникновение рассеянной мануфактуры
в оружейной промышленности России XVI–XVII вв.: роль государства**

Выгода специализации мастеров на выполнении отдельных операций при массовом производстве изделий очевидна. Но в производстве, где труд разделен, пройти по технологической цепочке невозможно без согласования действий. Умозрительно можно представить, что система, обеспечившая согласование, возникла а) путем самозарождения в ремесленной среде, б) благодаря административному творчеству лица, с этой средой тесно связанного, в) будучи организована по инициативе государства и с его помощью. По мнению автора, разделение и согласование разделенного труда в производстве оружия могло возникнуть только благодаря усилиям государства.

Это показывают данные об эволюции производства огнестрельного оружия в Туле и промышленном селе Павлове (Горбатовский уезд Нижегородского края). На развитом этапе своей промышленной истории эти центры существенно различались по формам организации коллективного труда: в первом существовала казенная слобода с развитой системой самоуправления, во втором действовали независимые специализированные работники, разделенный труд которых координировали скупщики. Автор прослеживает роль государства в формировании системы управления производством на начальном, установочном его этапе. За отсутствием типовых процедур ответа на возникавшие вызовы вопросы решались, вероятно, ситуативно. В Туле формирование слободского самоуправления осуществлялось посредством командирования туда на протяжении нескольких лет (1614–1622 гг.) специалистов из профильных столичных ведомств и привлечения административного ресурса воеводской власти. Что происходило на этапе формирования рассеянной мануфактуры в Павлове, мы не знаем. Но тот факт, что прежде, чем стать владельческим, оно принадлежало государству, позволяет предполагать, что разделение труда и система его согласования возникли в этом центре также благодаря целенаправленным действиям московских властей.

¹ Юркин Игорь Николаевич, Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН (РФ, Москва), д.и.н., к.т.н., ig-yurkin@yandex.ru.

**Лошади на войне в Русском государстве
и у его соседей и партнеров в XV – 1-й четверти XVIII в.**

Э.И. Сейдалиев¹

**Лошади на войне у крымских татар в XV–XVIII вв.
по данным письменных источников (постановка проблемы)**

Сведения об использовании крымскими татарами лошадей на войне содержатся в разного рода письменных источниках. Традиционно их можно поделить на записки путешественников, куда относятся труды Гийома де Боплана, Михалона Литвина, Эвлии Челеби и т. д. Кроме того, сведения о лошадях содержатся в русских источниках. Материалы посольских книг и другие официальные документы также предоставляют такие данные. Часть сведений можно почерпнуть из так называемых «кадиаскерских тетрадей». В письменных источниках содержатся богатейшие сведения о непосредственном использовании крымскотатарскими воинами своих лошадей в бою, на марше и длительных переходах. Есть информация о виде крымскотатарских коней, их породе, отдельных элементах сбруи и т. д. В то же время сведения письменных источников следует коррелировать и дополнять данными, полученными в ходе археологических раскопок, что существенно дополнит знания о крымскотатарской коннице и использовании лошадей в военном деле Крымского ханства.

И.В. Курукин²

**Лошадиная «канфузия»:
неожиданное завершение «Персидского похода» 1722 г.**

Персидский поход 1722 г. стал последним масштабным предприятием Петра I и первым большим проектом имперского расширения на Восток. Петр рассчитывал перенаправить на Волгу и в Петербург поток азиатских товаров и основать в устье Кумы новый центр восточной «коммерции».

Пехотный корпус был высажен на дагестанском берегу в Аграханском заливе. 10 тысяч драгун подошли через северокавказские степи; вместе с ними прибыли 12 тысяч украинских и 4300 донских казаков. Армия, почти не встречая сопротивления, двинулась вдоль побережья на юг и без боя заняла Дербент. Но уже через несколько дней поход пришлось прекратить. Основной причиной стало крушение кораблей с провиантом. Однако документы походной канцелярии формального командующего Ф.М. Апраксина свидетельствуют о массовом падеже конского состава. В итоге сам Апраксин с императором делили оставшихся и запасных казацких лошадей между регулярными частями и обозом. Остается вопрос — была ли данная проблема вызвана длительным маршем или все же непривычными местными условиями и «ядовитой травой», о которой сообщают источники.

¹ Сейдалиев Эмиль Исаевич, Крымский инженерно-педагогический университет (РФ, Симферополь), к.и.н., codexcummanicus@gmail.com.

² Курукин Игорь Владимирович, Российский государственный гуманитарный университет (РФ, Москва), д.и.н., kurukin@mail.ru.

Кони и Ногайская Орда

В истории Ногайской Орды кони играли заметную роль. В докладе рассмотрены вопросы торговли конями, а также роль коней во внутренней жизни ногаев. Кочевое скотоводство рассматривалось ногаями как престижный образ жизни. В ходе внутренних неурядиц враждующие стороны в первую очередь вытапывали пастбища противника и угоняли коней. Все это подрывало экономическую базу, а также оборонноспособность. Бий Ногайской Орды Исмаил не раз писал Ивану Грозному, что его враги, отгоняя у его подданных коней, срывали тем самым его военные походы. Кони являлись для ногаев главным экспортным товаром. В годы кризиса именно продажа коней позволяла им нивелировать недостатки своей экономики. В такие периоды увеличивалось количество мелких поставок на русский рынок. В целом, кони могут служить своего рода символом Ногайской Орды. Это и военная мощь, и процветание; кроме того, культура лечения и ухода за конями привела к тому, что ногайские «коновные мастера» высоко ценились, и русские власти прилагали усилия, чтобы добиться их выезда в Русское государство.

А.В. Малов²

Конская терминология духовных и рядных служилых землевладельцев и вкладных монастырских книг XVI – 1-й половины XVII в.

Проблема истории лошади на войне многогранна, она не только затрагивает, но и пронизывает насквозь самые разные области исторического знания. В эпохи Средневековья и Нового времени значение лошадей в истории человечества — в развитии общества и становлении государств, в повседневной жизни людей и культуре этих эпох вообще, а в военном деле особенно, — трудно переоценить. К тому же, роль лошади в истории человечества представляется совершенно недостаточно изученной и явно не соответствует современному уровню развития исторической науки ни в России, ни в мире.

Русская поместная конница XVI–XVII вв. служила на «аргамаках», «конях» и «меринах». Но что означали эти понятия, насколько они идентичны современным? В отечественной исторической литературе существует расхожее мнение, что «аргамак» — конь польского или турецкого происхождения, «конем» же на Руси назывался боевой конь ногайской породы, а «мерином» — конь местного, русского происхождения. Мнение это сложилось на основе записок иноземцев, некритично прочитанных коллегами. Насколько соответствуют употреблявшиеся в XVI–XVII вв. в отношении лошадей термины и понятия их смысловому наполнению, до сих пор встречающемуся в исторической литературе по истории Московского государства этого периода? На наш

¹ Моисеев Максим Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., maksimmoiseev@yandex.ru.

² Малов Александр Витальевич, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., supilluliuma@yandex.ru.

взгляд, только массовый документальный материал может достаточно репрезентативно определить смысловое содержание терминов и понятий, называвших различные типы и виды использовавшихся в Московском государстве лошадей.

Большое значение для разрешения этих вопросов имеют частновладельческие документы, описывающие движимое имущество служилых землевладельцев, содержащие и описание их лошадей, в первую очередь, т.н. «седельного стада». Это духовные и рядные служилых землевладельцев и вкладные книги монастырей, которым они завещали часть своего имущества. Духовные и рядные грамоты называют в составе седельного и кобыльего стада «лошадей», «коней», «лошаков», «меринов», «кобыл», «свиреп», «аргамаков», «иноходцев», «жеребцов» и «жеребят». Нами просмотрены и обработаны все опубликованные и введенные в научный оборот духовные и рядные и вкладные книги за период XVI – 1-й половины XVII в., которые дают достаточно репрезентативный материал, позволяющий по описаниям и словоупотреблению сделать ряд наблюдений и аргументированных выводов.

И.О. Тюменцев¹

Царские табуны по материалам русского архива Яна Сапеги

В архиве Я.П. Сапеги удалось выявить четыре документа, свидетельствующих о примерных размерах царских табунов, их конском составе, маршрутах передвижения и содержании. Видимо, после прорыва приверженцев Лжедмитрия II к Москве, табуны из западных уездов страны перегнали за Волгу, в Поморские города. Описывается отчаянная ситуация, в которую попали царские слуги и их табуны, после прорыва сапежинцев в Замосковные и Поморские города, их захвата и разграбления. Наемники без зазрения совести забирали себе лучших лошадей. Их слуги-пахолики подчистую забирали фураж в захваченных селах и деревнях, обрекая царские табуны на бескормицу.

Жалобы приказчиков Конюшого приказа Лжедмитрию II не помогли. Весной 1609 г. тушинские бояре именем Лжедмитрия II попытались спасти остатки табунов, приказав казакам выбрать 200 лучших лошадей для перегона в Тушино, а остальных продать. Они буквально умоляли Яна Сапегу не отбирать отправленных в Тушино лошадей и не препятствовать продаже остальных, так как деньги от реализации поголовья предполагалось пустить на жалование наемникам. Поскольку в последующих документах Смуты царские табуны не упоминаются, скорее всего, они были разграблены в ходе братоубийственной войны в Замосковных и Поморских городах.

¹ Тюменцев Игорь Олегович, Южный научный центр РАН (РФ, Волгоград), д.и.н., tijumencev@mail.ru.

**«Конность» жильцов накануне Смоленской войны 1632–1634 гг.
(по материалам жилецких сказок 1632 г.)**

Жильцы представляются к настоящему времени наименее изученной частью Государева двора. Изначально это были молодые люди, которые «жили» при дворе, охраняли царскую семью, выполняли отдельные поручения. Обычно чин жильца был первой ступенью служебной карьеры. В жильцы попадали младшие дети московских дворян, дьяков, стрелецких голов, старшие сыновья отдельных дворцовых служителей, выборных дворян, реже — потомство дворовых и городских детей боярских. После смерти патриарха Филарета в жильцы была переведена значительная часть патриарших стольников.

Как правило, после определенного периода службы в жильцах, служилый человек либо получал пожалование в дворяне московские, стряпчие, а иногда и в стольники, либо пополнял состав уездных дворянских корпораций. В первой трети XVII в. функционал жильцов расширился — они всё чаще привлекаются к береговой службе. Как правило, их службы проходили в составе сотен Государева полка. Головами у них могли быть стольники, стряпчие, московские дворяне, а также наиболее опытные сослуживцы из состава жильцов. Обычно жильцы участвовали в военных действиях в конном строю. Хотя бывали и исключения. Например, при отражении штурма Москвы войсками королевича Владислава часть жильцов сражались пешими. В этой связи представляется важным и актуальным изучение конского состава, который мог использовать жилецкий корпус в бою.

Смоленская война 1632–1634 гг. стала первым крупномасштабным военным конфликтом Московского государства с окончания Смутного времени и первой серьезной проверкой состояния вооруженных сил страны. Поэтому представляется важным изучение состава и боеспособности различных частей русского войска того периода.

Уникальным источником для изучения проблемы служат жилецкие сказки, поданные в марте 1632 г. во время смотра чинов Государева двора боярам князьям Д.М. Черкасскому и Б.М. Лыкову, а также дьяку Разрядного приказа А. Данилову. Общее число жильцов в тот период, по оценкам исследователей, составляло 750–900 человек. До нас дошло 628 жилецких сказок. Таким образом, мы имеем данные о «конности» как минимум двух третей списочного состава жильцов. Комплекс жилецких сказок позволяет в полной мере оценить состояние этой части элитного корпуса войска Московского государства — Государева двора.

¹ Кабанов Андрей Юрьевич, Кинешемский художественно-исторический музей (РФ, Кинешма), к.и.н., kabanov37@bk.ru.

Государевы драгунские лошади в кампаниях 1630–1640-х гг. на южных рубежах

Строительство в России нового типа вооруженных сил, который принято называть «регулярная армия», в XVII столетии пережило несколько этапов. Государство постепенно брало на себя все больше и больше обязательств по снабжению ратных людей казенным имуществом для ведения боевых действий. Одним из таких важных и доселе неизвестных в историографии эпизодов стал процесс обеспечения конским составом полков драгунского строя, созданных для обороны южных рубежей в 1630–1640-х гг.

Первые массовые наборы лошадей в части «драгунского строя» произошли в 1638 г.: сначала «со властей и с монастырей», а затем, видимо, их пополнили «дворцовыми» лошадьми — в общей сложности для 5000 строевых драгун. На зиму 1638–1639 г. драгунские лошади были «разданы на прокорм» по монастырям и посадам южнорусских уездов. В 1639 г. число драгун в армии сократилось до 3000, то есть новых сборов не потребовалось; осенью «драгунских лошадей» организованно отправили в Москву. В 1641 г. вместо натуральной повинности с властей и монастырей взяли «за лошадей» деньги. В 1646 г. сбор повторился примерно на 7500 драгун и стрельцов; монастыри и Конюшенный приказ обеспечили их седлами и прочей конской сбруей. Осенью лошадей раздали на прокорм, а в 1647 г. некоторую часть снова мобилизовали в драгунские роты. Только летом 1649 г. воеводы отчитываются о сборе их с монастырских вотчин и отправке в Москву, в распоряжение приказной администрации. «Государевы драгунские лошади» упоминаются в столице по крайней мере до 1653 г.

Столь массовые наборы привели к развитию системы приказного учета лошадей и их организованного лечения — прообраза ветеринарной службы. Но в дальнейшем правительство отказалось от столь сложной и расточительной практики — вплоть до эпохи петровских реформ. С 1648 г. все драгунские полки стали исключительно поселенными, и драгун обязали содержать лошадей для полковой службы в качестве основной обязанности.

Е.В. Когут²

Восточные боевые чалдары XVII в. из собрания Оружейной палаты

Доклад посвящен группе чалдаров из трех частей каждый, хранящейся в собрании Музеев Московского Кремля. Чалдар — разновидность конской попоны, отличительной чертой которой является то, что она покрывает не только боковые части, но и шею и/или грудь лошади. Пять чалдаров имеют пришитые на бархатную основу железные детали, скрепленные кольчужными кольцами. Шестой чалдар выполнен из коричневого бархата с ажурными, очень крупными железными розетками и изогнутыми

¹ Курбатов Олег Александрович, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., olegkurbatov@yandex.ru.

² Когут Екатерина Викторовна, Музеи Московского Кремля (РФ, Москва), к.и.н., nikia@mail.ru.

листьями. Наличие на данных чалдарах накладок не из золота и серебра, а из железа, достаточно плотно расположенных или скрепленных кольчужными кольцами, свидетельствует о том, что данные чалдары выполняли защитную функцию и являются конным доспехом.

По всей видимости, один из чалдаров (Инв. № К-668/1-3) был поднесен царю Михаилу Федоровичу в сентябре 1644 г. турецким послом Арасланом Ага от себя со следующим описанием в приходной книге: «Щиты конские по таусинному бархату...». Такое обозначение предметов подтверждает функцию чалдаров.

Остальные пять чалдаров поступили в Мастерскую и Оружейную палату из Придворной конюшенной канцелярии в 1736 г., возможно, четыре из них были ранее конфискованы у князей Долгоруких.

О восточном происхождении чалдаров свидетельствует ряд факторов. Во-первых, один из них был поднесен послом турецкого султана, другой имеет определение «турецкий» в описи. Близкие по конструкции, но не по расположению металлических пластин предметы хранятся среди турецких трофеев в Национальном музее Бададена. Растительный орнамент, которым украшены чалдары, близок группе восточного доспеха, происхождение которого определяется широко — Ближний Восток.

Необходимо отметить, что более распространенным типом турецкого конного доспеха был кольчато-пластинчатый доспех, покрывающий почти все тело коня. Его можно увидеть как в музейных собраниях, так и на османской миниатюре. Однако конструктивно рассматриваемые предметы близки парадным трехчастным турецким чалдарам, украшенным вышивкой золотными нитями и серебряными пластинами.

Таким образом, хранящиеся в Оружейной палате чалдары относятся к редкому типу восточного, возможно, османского конского доспеха, представляющего собой, безусловно, его парадную разновидность.

В.Б. Колосова, О.А. Курбатов, К.С. Худин¹

**Лечение дворцовых и строевых лошадей в XVII–XVIII вв.:
медикаменты и практики**

Доклад посвящен сравнению способов лечения строевых и дворцовых лошадей в России раннего Нового времени, которое показывает непрерывность ветеринарной традиции на всем протяжении XVII и XVIII вв. Более поздние книжные памятники XVIII в. позволяют раскрыть механизмы применения лекарств, использование которых фиксируется документами XVII – первой половины XVIII в. Животные, обслуживавшие высшие социальные группы, постоянно сортировались, отбраковывались и при этом получали зачастую сложное, фактически «человеческое» лечение. Их благополучие становилось результатом длинной технологической цепочки и требовало зна-

¹ Колосова Валерия Борисовна, Европейский университет в Санкт-Петербурге / Институт лингвистических исследований РАН (РФ, Санкт-Петербург), к.ф.н., chakra@eu.spb.ru; Курбатов Олег Александрович, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., olegkurbatov@yandex.ru; Худин Кирилл Станиславович, Европейский университет в Санкт-Петербурге (РФ, Санкт-Петербург) / Российский государственный гуманитарный университет / Институт всеобщей истории РАН / РГАДА (РФ, Москва), khudin1988@yandex.ru.

чительных затрат и скоординированных усилий ветеринаров, аптекарей, конюших, переводчиков и чиновников. Отметим, что одни и те же препараты использовались для лечения как животных (причем не только лошадей, но и, например, собак), так и людей. Важно оговорить, что использование этих лекарств для людей можно надежно фиксировать лишь в медицинских рецептах. Кроме того, мы обнаруживаем «серую зону» упоминаний в других источниках (например, челобитных) — в таких ситуациях невозможно с полной достоверностью отнести эти препараты к человеческой медицине или ветеринарии, и требуется дополнительная проверка и изыскания.

М.В. Хацкевич¹

Наборы лошадей для армии в период русско-турецкой войны 1710–1713 гг.

К завершению первого десятилетия XVIII в. фискальный аппарат Российского государства обрел первые относительно четкие контуры. Опыт проведения регулярных общегосударственных рекрутских наборов свидетельствует о том, что имевшиеся институты в целом справлялись со своими функциями.

Вместе с тем ко времени русско-турецкой войны 1711–1713 гг. произошли изменения в административном устройстве центральной власти (создание Сената) и властей на местах (создание губерний).

В этом отношении интересно обратить внимание на другие, не менее важные фискальные мероприятия — наборы лошадей для армии.

В указанные годы проведение наборов лошадей на общегосударственном уровне становится прерогативой Сената. Благодаря этому сведения о подобных мероприятиях откладываются в делопроизводстве нового ведомства.

Доклад посвящен изучению проводившихся в годы русско-турецкой войны наборов лошадей по документации «верхнего» административного уровня.

На протяжении 1710–1713 гг. было проведено минимум 3 общих набора драгунских лошадей. Кроме того, было организовано проведение нескольких специальных сборов лошадей с отдельных губерний (Московской, Санкт-Петербургской, Киевской, Азовской).

Сборы лошадей для армии во многом опирались на в целом уже устоявшуюся практику рекрутских наборов. Притом использовались схожие процедуры: раскладка повинности (которая даже подсчитывалась в документах вместе с раскладкой рекрутчины), практика зачетов и замены повинности выплатой денег.

Вместе с тем имела и своя специфика: фискальная нагрузка по наборам лошадей продолжала дифференцироваться более подробно в зависимости от величины окладов служилых людей. Недобор лошадей в ходе мобилизационных мероприятий компенсировался практикой закупки лошадей на собранные деньги. (Практика замены поставки лошадей денежными выплатами является отдельной исследовательской проблемой).

¹ Хацкевич Максим Валерьевич, РГАДА (РФ, Москва), mhackevich@gmail.com.

Отработанность большинства процедур тем не менее не означала абсолютную эффективность наборов и не избавляла от некомплекта лошадей в армии.

А.И. Раздорский¹

Курский конский торг в 1726 г.

В докладе приведены предварительные итоги изучения курской конской таможенной книги 1726 г. (РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. Д. 32897), содержащей 1609 записей о купле-продаже и обмене лошадей (для сравнения: в аналогичной курской книге 1677/78 г. зафиксировано 72 записи, то есть с того времени масштабы конской торговли в Курске увеличились в 22,3 раза). Статистической обработке подверглась 161 запись (10% от общего количества). Средняя стоимость лошадей (по обработанным данным) составила 3 руб. 46 коп., что соответствует (в номинальных цифрах) уровню цен, установившихся в Курске в 1640-х – первой половине 1650-х годов; по сравнению с 1677/78 г. средние цены снизились здесь в 1,3 раза (с 4 руб. 57 коп.). Максимальная стоимость лошади составила 10 руб., минимальная — 75 коп. Среди 186 лошадей, зафиксированных в обработанных записях, отмечено 123 мерина, 61 кобыла, 1 жеребец и 1 жеребенок, ни разу не встретился «конь». Средняя стоимость мерин составила 3 руб. 98 коп., кобыл — 2 руб. 60 коп. Среди участников конского торга большинство составляли жители Курска и Курского уезда, отмечены также представители 22 городов и уездов России, в основном южновеликорусских (белгородцы, белевцы, болховчане, обоянцы, рыляне, севчане, старооскольцы и др.). В социальном отношении преобладали посадские люди, однодворцы и крестьяне (в основном помещицы, а также церковные и монастырские), служилые люди различных категорий встречались реже.

¹ Раздорский Алексей Игоревич, Российская национальная библиотека / Санкт-Петербургский институт истории РАН (РФ, Санкт-Петербург), д.и.н., razdor68@mail.ru.

**Социальные и экономические структуры аграрного общества
в России XVI–XVIII вв.**

**К характеристике социально-экономического и фискального
содержания термина «судерев(ь)»
в истории лесного пчеловодства XVI–XVII вв.**

Лесные промыслы и сельское хозяйство в России были тесно взаимосвязаны на протяжении веков. Это помогало обществу расширять ограниченные факторами рискованности земледелия возможности получения прибавочного продукта. Более того, формы природопользования подчас обеспечивали одновременно изъятие и расширенное воспроизводство растительной и животной продукции, позволяя избежать дополнительных амортизационных расходов. Широко известны значимость и затратность закрепления России на южных рубежах, во многом определившие содержание политики ее государей. Представляет исследовательский и практический интерес способ хозяйствования «у черты на кулижках», обеспечивавший при минимальных затратах труда и иных ресурсов одновременно приток денежного капитала, ценных и незаменимых натуральных продуктов, одновременное же улучшение оборонных и хозяйственно-продуктивных качеств засечных лесов, совмещенную с практикой разностороннюю подготовку проводников-(контр)разведчиков с навыками преодоления крепостных стен, а также служивший становлению институтов кооперации, возможно, альтернативных крепостной фискальной общине и военно-служилым корпорациям.

В.Н. Никулин²

**«Не молот железо кует, а кузнец, что молотом бьет» —
Уломский железоделательный промысел новгородских крестьян
(XVI – первая половина XIX века)**

Кузнечный промысел был издавна развит в широких масштабах в Белозерском, Боровичском, Кирилловском, Тихвинском и Череповецком уездах Новгородской губернии. Для удовлетворения растущих потребностей крестьянского населения в топорах, серпах, косах, вилах, сошниках для сох и косуль и других изделий из железа активно трудились у горна деревенские мастера. Сырьем служили обильные болотные руды. Кузнецы, работавшие в деревне, как правило, специализировались на производстве отдельных видов изделий из железа.

Главным занятием для крестьян, живших в волостях Череповецкого, Устюжского и части Белозерского уездов, уже с XVI в. былаковка гвоздей. В различных источниках район распространения этого промысла именовался «Уломой», поскольку центром его являлась Уломская волость Череповецкого уезда Новгородской губернии. В состав гвоздарного района, помимо волостей Череповецкого уезда, входили волости смежных с ним Белозерского и Устюжского уездов, а также отдельные волости Весье-

¹ Быков Дмитрий Александрович, СУНЦ МГУ – Школа-интернат имени А.Н. Колмогорова (РФ, Москва), к.и.н., dmitbykov@mail.ru.

² Никулин Валерий Николаевич, Балтийский федеральный университет имени И. Канта (РФ, Калининград), д.и.н., nikuliny@mail.ru.

гонского уезда Тверской губернии, Мологского и Пошехонского уездов Ярославской губернии.

Характер промысловой деятельности крестьян, а также ее масштабы и направленность во многом определялись особенностями природной среды, влиявшей на все стороны крестьянского быта. Худая, неплодородная земля в Уломе, с одной стороны, и обилие болотных железных руд и леса, с другой, привели к развитию железодобывающего промысла, являвшегося важной частью крестьянского хозяйства на протяжении длительного времени.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. на Северо-Запад начинает поступать железо с Урала и появляются заводы, где оно разрезалось на полосы, использовавшиеся в качестве сырья «уломскими» кузнецами.

Среди кузнецов, занятых изготовлением гвоздей, выделялись две группы. В одну группу входили самостоятельные промышленники, работавшие «на себя». Во второй группе большинство кузнецов трудились на скупщиков, поставлявших им сырье. Продукция, произведенная крестьянами-кузнецами, поступала на рынок либо непосредственно от производителей, либо через скупщиков.

Поговорка «Улому к Петрову дню ветром шатает», возникшая в среде крестьян, ярко и образно характеризует их положение. Кузнечное дело, которым занимались «уломские» крестьяне, прочно входило в структуру сельских промыслов.

А.О. Гуляева¹

**Эволюция фонда дворцовых земель в Тверском регионе
в конце XVI – начале XVIII вв.:
к иллюстрации концепции «служебной организации» общества**

Во втором издании своего труда «Великорусский пахарь» Л.В. Милов отмечал, что «так называемое дворцовое хозяйство не столько обслуживало царя и его окружение, сколько было возрождением в новых условиях и новых формах элементов реликтовой «служебной организации» общегосударственного уровня». Б.Н. Флоря, Л.В. Милов, М.Б. Булгаков, Н.В. Соколова и некоторые другие историки показали пример успешного изучения с этой точки зрения аграрной и промысловой составляющих дворцового хозяйства XVI–XVII вв. Вместе с тем традиционным остается взгляд на дворцовые земли исключительно как на находящийся в частной собственности царский домен.

Нами была предпринята попытка проследить структуру и эволюцию фонда дворцовых земель, а также логику его изменений в Тверском регионе (Тверском, Старицком, Кашинском, Клинском, Ржевском, а также Дмитровском уездах) на протяжении конца XVI – начала XVIII в. В результате сложилась картина постепенного сокращения дворцовых земель на рассматриваемой территории вплоть до полного изъятия от всех компонентов дворцового хозяйства в ряде уездов. Доклад посвящен

¹ Гуляева Алина Олеговна, РГАДА (РФ, Москва), ardillero1720@gmail.com.

изложению итогов этой работы и попытке связать их с концепцией возрождения и распада «служебной организации» русского общества в указанный период.

О.В. Семенов¹

Сибирские ямщики в социальной структуре России конца XVI–XVII вв.

Реформа правительственной связи середины XVI в. изменила общественную структуру Московской Руси. Она привела к появлению ямских охотников (ямщиков). В историографии данная категория населения изучена слабо. Не стремясь к рассмотрению ямщиков в масштабах всего государства (из-за объемности темы и регионального своеобразия), проанализируем их социальную природу за пределами Уральского хребта на раннем этапе русской колонизации края.

В Азиатской России правильные сношения были заведены в конце XVI в. На основных транспортных артериях последовательно возникли Верхотурский (1600 г.), Туринский (1600 г.), Тюменский (1601 г.), Демьянский и Самаровский ямы (конец 1620-х – начало 1630-х гг.). Ямская гоньба в Сибири являлась составной частью общерусского организованного сообщения. Однако она имела особенности, которые в Европейской России до царствования Михаила Романова встречались в виде исключения. «За Камнем» вся полнота власти над правильными сношениями находилась в руках воевод, а решением вопросов, связанных с учреждением и функционированием ямов (в т.ч. их комплектованием и содержанием) целиком занималось государство. Поэтому здесь раньше, чем на большинстве территорий страны, завершился процесс превращения ямщиков в слой профессиональных перевозчиков.

Ямщики представляли многочисленную группу постоянных русских жителей Сибири. Благодаря профессиональной деятельности, участию в экономической и общественной жизни они сыграли заметную роль в закреплении региона за Москвой. Многие исследователи относили их к служилым людям или тяглецам. С этим нельзя согласиться. Изученные нами материалы показывают, что ямщики являлись особым социальным слоем (выражаясь языком того времени, «чином»). От остального населения они отличались юридическим статусом (специфическими обязанностями («гоняли ямскую гонбу») и льготами), имели внутреннюю организацию (светское и церковное самоуправление), обладали корпоративным самосознанием. Отдельными чертами ямщики сближались со служилыми по прибору, стрельцами и городскими казаками (находились на казенном обеспечении, пользовались идентичной формой самоидентификации («холопы государевы») и др.), и тяглыми людьми, посадскими и крестьянами (несли денежные и натуральные повинности, вели земледельческую и торгово-промысловую деятельность и др.), что неудивительно, учитывая необычайную сложность и дробность структуры российского общества допетровской поры. На протяжении XVII в. шел процесс консолидации чина ямщиков (впрочем, не завершившийся к

¹ Семенов Олег Владимирович, Уральский федеральный университет (РФ, Екатеринбург), к.и.н., helg2008@list.ru.

исходу столетия), ухудшалось их материальное и правовое положение, наблюдалось все более бесцеремонное вмешательство государства в жизнь ямских «миров».

Д.А. Черненко¹

Опыт применения методов геоинформационного картографирования в работе с писцовой книгой Суздальского уезда

Начиная с 1990-х гг. ГИС-технологии активно применяются в изучении писцовых книг (работы Н.В. Пиотух, А.А. Фролова, Л.Г. Степановой, Д.А. Хитрова и др.). В докладе представлены подходы и первые результаты использования данного аналитического инструмента применительно к сведениям писцовой книги Суздальского уезда 1628–1630 гг. Специфика данной территории применительно к рассматриваемому периоду заключается в едва ли не наилучшем хозяйственно-демографическом состоянии по итогам Смуты в сравнении с теми уездами, которые уже были объектом анализа посредством ГИС-технологий.

В ходе этой работы использовалась свободная геоинформационная система QGIS, в таблицу атрибутов которой были переведены практически все основные сведения о сельских поселениях Суздальского уезда в границах начала XVII в. Локализация поселений происходила на основе географической привязки растровых изображений Атласа Менде. ГИС-картографирование этих сведений служит основой для создания серии тематических карт, дающих пространственное отображение важнейших параметров структур сельского расселения и землевладения в Суздальском уезде в первой половине XVII в. К числу таковых можно отнести локализацию писцовой оценки качества «четвертной» земли, количество обработанной пашни («пашни паханой»), типологию и населенность сельских поселений, пространственное распространение различных форм землевладения в Суздальском уезде в первой трети XVII в. и др. Данный подход открывает новые возможности для сопоставительного изучения процессов развития пространственных структур расселения и землевладения в XVII–XVIII вв.

М.И. Парфеня²

К вопросу о «злоупотреблениях» старост и целовальников крестьянско-посадской общины Сибири XVII века

В историографии встречаются противоположные мнения по поводу сущности мирских должностей и финансовых отношений мира и старост. Большинство исследователей склоняется к тому, что для крестьян такие должности были дополнительной тяжелой повинностью. В то же время существует и противоположное мнение, соглас-

¹ Черненко Дмитрий Анатольевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., dmitcher@mail.ru.

² Парфеня Мария Игоревна, НИУ «Высшая школа экономики» (РФ, Москва), асп., maryaparfenya@gmail.com.

но которому исполнение мирских обязанностей было источником дохода. В докладе этот вопрос рассматривается на материале общин Верхотурского и Иркутского уездов в XVII в.

Среди документов приказных изб сохранилось множество челобитных мирских старост и целовальников с жалобами на крестьян, не сдающих деньги на общественные нужды, и разорительность общинных должностей. В таких случаях в помощь могли выделяться служилые люди. Кроме того, иркутским уездным старостам (но не целовальникам) для поддержания деятельности полагались «подможные» деньги. Необходимость их выплаты фиксировалась в том числе в выборных актах, а размер значительно варьировался. По данным Е.Н. Швейковской, указание на оплату мирской службы встречается и в северорусских «выборах». Однако на Верхотурье такого явления не наблюдается.

Ярче всего о финансовой тяжести мирской службы говорят сметные и пометные книги. Почти за всеми старостами даже спустя несколько лет числились значительные долги перед государством. В случае смерти человека, занимавшего мирской пост и не выплатившего долг, заплатить за него должны были близкие родственники или избравшие его люди. Однако зачастую недоимки не могли доплатить десятилетиями, так что успевали умереть и бывший целовальник, и его семья, и выборщики.

Вероятно, именно по этой причине представителей на мирские посты старались выбирать из зажиточных людей или хотя бы середняков, чтобы они имели возможность расплатиться за долги общины из собственных средств. Как показывает сопоставление данных «выборов» и переписных книг, и в Иркутске, и на Верхотурье старосты и целовальники в среднем были состоятельнее, чем население в целом.

В то же время бывали случаи, когда старосты пытались присвоить мирские деньги. Таких случаев встречается меньше, и они показывают, что единственной возможностью избежать наказания для человека, присвоившего общинное или государственное имущество, был побег.

И.В. Пугач¹

Вологодские подьячие второй половины XVII в.: служебный портрет

Вологда XVII века была крупнейшим административным центром Русского Севера с довольно разветвленной структурой местных органов власти и многочисленным приказным аппаратом, обеспечивающим административные, финансовые и фискальные потребности Российского государства.

Формирование абсолютизма и укрепление вертикали власти привели к значительному росту местной бюрократии. Если в 1657 г. в 4 учреждениях было 19 подьячих: съезжая изба — 13 (денежный стол — 8, судный стол — 5), таможенная изба — 4, кружечный двор — 1 и губная изба — 1, то к 1681 г. число учреждений выросло до 6, а структурных подразделений — до 9. Общая численность подьячих со-

¹ Пугач Иван Васильевич, Вологодский государственный университет (РФ, Вологда), к.и.н., pugachivan@yandex.ru.

ставляла не менее 50 человек: приказная изба — 32 (денежный стол — 9, судный стол — 6, сыскных дел — 7, по подписным челобитным — 10), таможенная изба — 7, земская изба — 1, конская изба — 1, площадные подьячие — 9, данных по кружечному двору нет.

Всего за 1650-е – начало 1680-х гг. в местных учреждениях Вологды выявлено 99 подьячих. Изначально высокий уровень материального благополучия и престиж службы (реальный оклад старших подьячих денежного стола съезжей избы составлял от 8 до 13 руб., а судного стола — от 6 до 10,5 руб.) для многих фактически превратил ее в пожизненную профессию. Так, у Михаила Колзакова срок службы составил 45 лет, с 1614 по 1659 г., у Воина Семенова — 40 лет, с 1628 по 1668 г., у Григория Федорова — 37 лет, с 1641 по 1678 г., у Григория Коверина — 34 года, с 1644 по 1678 г., у Андрея Андреева — 29 лет, с 1649 по 1678 г., и т. д.

Попасть на приказную службу было легче тем, у кого были влиятельные родственники. В Вологде были целые династии подьячих: Колзаковы, Семеновы, Коверины, Федоровы и др. При этом перемещение по службе определялось, как правило, еще сроком службы и профессиональными качествами. Например, Федор Семенов, сын Воина Семенова, начинал службу в 1651 г., а через 30 лет возглавлял судный стол. Он постепенно шел по карьерной лестнице: в 1657 г. его оклад был 6 руб., в 1674 г. — 8 руб., в 1681 г. — 10 руб. Представитель другой династии Иван Коверин начинал службу в 1647 г., но до 1674 г. служил без жалования, а в 1681 г. уже руководил денежным столом с окладом в 12 руб.

С 1670-х гг. на фоне роста численности приказного аппарата наблюдается явное снижение его материального обеспечения и, как следствие, привлекательности службы. При окладе для подьячих съезжей избы в 80 руб. в 1674 г. им выплатили только 31,2 руб., а в 1681 г. — 68 руб. При этом доля подьячих, которые официально находились на государственной службе, но без жалования или по подписным челобитным, постоянно росла. Если в 1657 г. это 1 из 13 человек, то в 1666 г. — 4 из 15, в 1674 г. — 6 из 22, а в 1681 г. — 24 из 32.

В целом, тенденции как структурного, так и численного роста вологодских подьячих подтверждают их важность в системе местного управления. Они, частично теряя свои привилегии, составляли основу приказной бюрократии, которая и обеспечивала государственные интересы в различных сферах.

Т.В. Жиброва¹

«По торговым делам»:

**некоторые страницы таможенной и кабацкой службы на юге России
по материалам Азовской приказной палаты начала XVIII в.**

Таможенное и кабацкое (питейное) управление находилось на юге России в руках одного административного аппарата — таможенного и кабацкого головы, — в

¹ Жиброва Татьяна Валерьевна, Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко (РФ, Воронеж), к.и.н., tashazhibrova@rambler.ru.

подчинении которого были целовальники, дьячки и ярыжные. В отличие от центральных уездов, где эти должности занимали посадские люди, на окраине страны остро ощущалась нехватка грамотных и, что немаловажно, зажиточных обывателей, для которых таможенная и кабацкая служба определенно являлась тяжелой государственной повинностью. Среди материалов Азовской приказной палаты начала XVIII в. — документы о выборе голов и целовальников, проезжие грамоты «по торговым делам», отписки о продаже питей и сборе явочных денег, допросы, связанные с разбором конфликтов вокруг таможни и кабака, грамоты о выдаче денег из таможенной и кабацкой казны на жалование разным категориям местных жителей, необходимые постройки и другие нужды. Рассмотренные материалы помогают представить быт и жизнь людей того времени, проследить процесс становления всероссийского рынка, очертить основные процессы в социальной и экономической жизни региона.

С.В. Черников¹

Родственные связи в среде правящей элиты 1725–1762 гг.

Исследование посвящено изучению родственных связей в составе правящей элиты России 1725–1762 гг.: лиц, находившихся на действительной службе в чинах 1–5 классов (~1160 человек). К настоящему времени собраны данные о ближайших родственниках (около 4500 персон) представителей элиты 1725–1762 гг. и при помощи программного обеспечения (GenoPro, Gephi) построены «генограммы», отражающие родственные связи между ними. При помощи методов анализа социальных сетей была выявлена структура правящего слоя, в частности, наиболее сплоченные сообщества, тесно связанные между собой кровным родством и брачными союзами, которые мы можем рассматривать как ядро элиты, обнаружены наиболее влиятельные лица в этой сети, проанализирован национальный, социальный и фамильный состав различных страт правящей верхушки, рассмотрены брачные стратегии, использовавшиеся новичками и традиционной элитой, чтобы закрепиться в ее составе, наглядно показано, как родственные связи помогали продвижению по карьерной лестнице, способствовали сохранению и расширению собственности.

¹ Черников Сергей Васильевич, Липецкий государственный технический университет (РФ, Липецк), к.и.н., zserg72@gmail.com.

**От царства к империи:
внешняя политика России в раннее Новое время**

Организационные мероприятия 1644 года по обеспечению выкупа на валуйской размене

В докладе рассматривается механизм выкупа пленных на валуйской размене в 1644 г. Прежде чем пленные выкупались, происходила предварительная работа московских посланников в Крыму по их поиску.

В ходе переговоров с работорговцами, московские посланники составляли «полоняничную роспись», в которой фиксировались имена полоняников и выкупные цены, о которых удалось договориться. Роспись направлялась в Посольский приказ, откуда выделялись деньги на выкуп. Затем эти деньги отправлялись на валуйскую размену, где выкуп происходил.

В настоящее время исследован комплекс материалов Посольского приказа о выкупах на валуйской размене в 40–50-е гг. XVII в. Однако недавно был обнаружен документ о выкупе на Валуйках в 1644 г., ранее не привлекавшийся в исследованиях. В составе этого документа мы обнаруживаем государев указ посланникам Г. Неронову и Н. Головнину о поиске пленных в Крыму. Далее дается общее содержание полоняничной росписи, которую составили посланники, а именно: количество выкупленных людей разных социальных категорий и суммы выкупа по каждой категории. Затем дается итог — общее число выкупленных и потраченная на них сумма денег.

Отличительной особенностью данного выкупа стало активное участие Русской Церкви, которая пожертвовала существенную сумму на вызволение подданных Московского государства.

После этих данных приводится сама полоняничная роспись, где указаны имена выкупаемых пленных; их территориальное происхождение, которое, как правило, совпадает с местом пленения; в каком году взяты в плен; имена владельцев пленных; названия населенных пунктов, где жили пленные в Крыму до выкупа, и договорная цена выкупа.

Свое место в документе занимают несколько челобитных родственников полоняников. В них мы видим просьбы родных о выкупе своих сыновей, жен или крестьян. Замечено, что имена пленных, указанных в челобитных, отсутствуют в полоняничной росписи, за исключением двух случаев.

Автор приходит к выводу, что основная масса выкупленных относится к полону 1633, 1637 и 1640–1643 гг. В числе освобожденных есть также плененные в более ранние годы. Подавляющее большинство пленников — это служилые люди, выходцы из южных уездов, которые больше всего подвергались нападениям крымцев. Среди полоняников присутствуют также крестьяне и несколько женщин.

Выделение государством значительных средств на выкуп связано не только с высоким уровнем выкупных цен, но и с важностью этого направления внешней политики.

¹ Жуков Вечеслав Дмитриевич, РГАДА (РФ, Москва), zhvd@list.ru.

А.В. Лазарева¹

**«Ищут предлог для нарушения договора»:
московская внешняя политика в представлениях немцев
в середине XVII в.**

В XVII в. Священная Римская империя и отдельные германские государства, входившие в нее, стали уделять больше внимания Московскому царству. Тридцатилетняя война, нарушившая международный порядок, создала фундамент для поиска новых внешнеполитических ориентиров. Россия представляла интерес и с точки зрения потенциальных политических союзов, и как экономический партнер. Вектор и цели российской внешней политики, однако, заинтересовали в середине XVII в. не только немецкие политические круги, но и более широкие слои общества, потому что они превратились в предмет публицистических рассуждений и даже стали частью художественной литературы. Подобные сочинения, в которых авторы, иногда действительно очевидцы, как А. Олеарий или А. Мейерберг, предлагали рассказ о русском отношении к Западу, оказались ходовым ярмарочным товаром. Согласно канонам барокко, на основе которых писались эти сочинения, целью литературы являлось «поучение» и развитие морально-нравственных концепций, которые требовали негативного визави для противопоставления, а не реальную картину вещей. Далекая и мало известная Россия давала много материала для литературной конфронтации. Таким образом, в представлениях немцев переплелись действительные исторические сюжеты, связанные с российским внешнеполитическим курсом, и авторский вымысел, необходимый для интересного повествования, что постепенно формировало становление стереотипов (часто негативных) об отношении Московского государства к Центральной и Западной Европе и его внешнеполитических целях.

А.А. Рогожин²

**Феофан (Прокопович) и подготовка
«Разсуждения какие законные причины...»**

Идея «справедливой войны» играет существенную роль в обосновании того или иного внешнеполитического курса. С началом Великой Северной войны российское правительство обратило свое внимание не столько на привычные для средневековой Руси представления о «государевой чести» как причине войны, сколько на правовые основания раннемодерного *jus ad bellum*. Новая трехчастная система аргументации была разработана лифляндцем И.Р. фон Паткулем, считавшим ее более подходящей для европейской публики. «Разсуждение какие законные причины...», написанное преимущественно подканцлером П.П. Шафировым, стало одним из первых сочинений, предлагавших подобную версию начала «справедливой войны» против Шве-

¹ Лазарева Арина Владимировна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., unimoskau@yandex.ru.

² Рогожин Александр Александрович, Орловский музыкальный колледж (РФ, Орел), к.и.н., rogozhin_alexander@bk.ru.

ции. В историографии сочинение часто становилось объектом исследования, но до сих пор есть целый ряд непроясненных вопросов, в том числе и о цели написания «Разсуждения...». Документы РГАДА подтверждают, что часть сочинения написана Феофаном (Прокоповичем), причем в «Разсуждении...» он зачастую повторяет собственные идеи, впервые встречающиеся в произнесенных в 1717 г. проповедях. В своем фрагменте «Разсуждения...» Феофан проявил себя первую очередь как историк. Его идеи стали последними ценными элементами в том построении, которое готовил П.П. Шафиров и читал Петр I. Несмотря на общепринятое в историографии мнение, датировка написанного Феофаном фрагмента, а также ряд несоответствий в переписке П.П. Шафирова свидетельствуют о том, что «Разсуждение...» едва ли могло появиться в 1717 г. Судя по всему, «Разсуждение...» могло готовиться к началу Аландского конгресса как собранная в единое целое программа российского правительства, но появилось в печати лишь тогда, когда переговоры стали совершенно бесперспективными. Эта поправка важна не только с точки зрения библиографического описания, но и для уточнения нюансов внешнеполитического курса России в конце 1710-х гг.

А. Плате¹

«Особенный венский этикет»: о легитимации планов А.И. Остермана по престолонаследию (весна-лето 1739 г.)

Летом 1739 г. при Санкт-Петербургском дворе была сыграна свадьба. Заключение династического брака между Брауншвейгским принцем Антоном Ульрихом, племянником австрийского кайзера Карла VI, и Анной Леопольдовной, племянницей императрицы Анны Иоанновны, было масштабным событием международного значения. Увенчался сколь амбициозный, столь и небесспорный проект графа А.И. Остермана по легитимации его планов по наследованию престола в России.

Вторая попытка закрепить российский престол за Вельфами давно привлекает внимание исследователей из-за печальной участи, которая ждала Брауншвейгское семейство после 25 ноября 1741 г., а также из-за «атипичного течения» брачного проекта 1732–1739 гг. Заключение желанного союза с Габсбургами, залога Венского союзного договора 1726 г., затянулось: снизился авторитет его инициатора А.И. Остермана, и сам проект, прежде воспринимавшийся гениальным внешнеполитическим ходом, превращался в идею фикс лично с 1735 г. не появлявшегося при дворе вице-канцлера. Лед тронулся только осенью 1738 г. Ухудшилось здоровье императрицы, и изменилась не в пользу России международная обстановка: к османской проблеме — в России опасались, что Австрия может выйти из неуспешной для нее войны, заключив сепаратный мир с турками, — добавилась шведская. Требовалось действовать, и А.И. Остерман нашел нужные рычаги.

В мае 1739 г. серьги из жемчуга грушевидной формы, «утренний дар» для невесты, уже прибыли из Вены в Санкт-Петербург, но «главное дело» снова находилось под угрозой срыва. Препятствием оказался «этот особенный венский этикет». Тща-

¹ Плате Алисе, Уральский федеральный университет (РФ, Екатеринбург), к.и.н., aliceplate@mail.ru.

тельно разработанный А.И. Остерманом барочный свадебный церемониал требовал санкционирования австрийским императором. Однако его представитель в России, маркиз де Ботта, вдруг поставил под вопрос свое участие в ритуале, предусматривавшем его интеракцию с принцессой Елизаветой, дочерью Петра I, чем затронул щекотливую тему: отказ Вены признать российский императорский титул в 1721–1725 гг. спровоцировал прекращение дипломатических отношений.

Свадьба в итоге состоялась, и внешнеполитические амбиции графа А.И. Остермана тоже были удовлетворены. Об этом много написано. Менее известно, однако, каким образом тем летом 1739 г. удалось спасти проект. Это освещается в переписке тайного советника А.А. фон Крамма, официального представителя брауншвейгской стороны, и об этом идет речь в предложенном докладе.

М.В. Дмитриев¹

О конфессиональных факторах в политике Московского государства в отношении мусульман России в XVI–XVII вв.

В докладе был рассмотрен вопрос о том, какую роль (предположительно) играли специфически конфессиональные факторы (то есть особенности византийско-православных идеологически-богословских, ментальных и дискурсивных традиций) в политике московского правительства в отношении исламских общин России после «Казанского взятия» и подчинения других территорий, где компактно проживали мусульмане.

Представлена гипотеза, что важным фактором толерантного и «интеграционистского» отношения к «мусульманскому миру» России был не только политический прагматизм (приверженность к которому чаще всего *предполагается* историками, но пока, по строгому счету, не доказана), но и особенности воспринятой из восточнохристианской конфессиональной традиции концепции «церковности» (*Kirchlichkeit*, термин Х.-Г. Нольте), которая предполагала терпимое отношение к «иноверцам» на том основании, что находящиеся вне Церкви люди вовсе не обязательно должны становиться объектом миссий.

Эта гипотеза вырастает из анализа как понятий русских полемических, публицистических, дипломатических и актов текстов, так и некоторых собственно богословских и специфически экзегетических концептов, пришедших на Русь из Византии. Важным аргументом в пользу данной гипотезы оказывается сравнение опыта России с опытом католической культуры (в частности, польской) в XV–XVII вв.

¹ Дмитриев Михаил Владимирович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., dmitrievm300@gmail.com.

**Отношение к учреждению патриаршества в России
на христианском Востоке в XVII–XVIII вв.**

В 1589 г. в России была учреждена патриаршая кафедра. События исторической важности проходили в Москве при личном участии Константинопольского патриарха Иеремии II и с предварительного согласия всех прочих восточных патриархов. Позже решение о возведении московского митрополита в сан патриарха получило дополнительное утверждение на двух общевосточных церковных соборах в Константинополе в 1590 г. и 1593 г. Несмотря на дважды выраженное согласие восточных иерархов с созданием патриаршества в Москве, на самом Востоке постепенно наметилась линия в сторону пересмотра принятых решений и понижения статуса московского патриарха относительно положения предстоятелей древних церковных престолов. На протяжении всего периода, предшествовавшего упразднению патриаршества при Петре I, мы встречаем у греческих и арабских авторов высказывания, как объясняющие и оправдывающие образование новой патриаршей кафедры в России, так и содержащие критику осуществленной реформы. Существует множество документальных свидетельств о том, что, несмотря на обладание собственной патриаршей кафедрой, «Московия» продолжала считаться на Востоке канонической территорией Константинопольского патриархата. С одной стороны, это могло служить оправданием для легального поддержания контактов с русскими государственными и церковными властями на фоне ухудшения и полного разрыва отношений Москвы с Османским государством. С другой стороны, могло подчеркивать непризнание самостоятельного и равноценного статуса Русской Церкви на христианском Востоке.

**Посольство Михаила Салтыкова в Речь Посполитую в 1591 г.
в контексте внутренней и внешнеполитической ситуации
Польско-Литовского государства**

Отношения между Речью Посполитой и Россией для обоих государств являлись одним из главных направлений внешней политики. Несмотря на это, многие их аспекты до сих пор остаются недостаточно изученными. Одной из таких страниц является посольство во главе с окольным Михаилом Глебовичем Салтыковым, думным дворянином Игнатием Петровичем Татищевым, а также дьяками Захарием Григорьевым Свизевым и Посником Дмитриевым. Целью этого посольства была ратификация заключенного в Москве в январе 1591 г. 12-летнего перемирия. Необходимо отметить, что, хотя ход данной дипломатической миссии являлся предметом интереса со стороны ученых (М.М. Щербатов, Н.Н. Бантыш-Каменский, Н.М. Карамзин,

¹ Ермилов Павел Валерьевич, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (РФ, Москва), к.и.н., pavel_ermilov@mail.ru.

² Амброзяк Томаш, Польский культурный центр (РФ, Москва), к.и.н., tomasz.ambr@gmail.com.

С.М. Соловьев, Б.Н. Флоря), материалы посольства изучены в российской историографии в недостаточной степени. Польская наука уделила этому вопросу еще меньше внимания (Х. Виснер, К. Лепший, А. Чволек, П.П. Шпачинский).

Посольство, которое отправилось из Москвы в Речь Посполитую 15 апреля 1591 г. (по старому стилю), происходило в сложной для обоих государств обстановке. Возможности изменения польско-литовской стороной условий перемирия заметно сузило внутривосточное напряжение в стране, связанное с соперничеством нового короля Сигизмунда III Вазы с коронным канцлером и великим гетманом Яном Замойским, а также переговорами монарха с Габсбургами о передаче им польского престола. С другой стороны, Москва столкнулась с походом крымских татар.

В докладе рассмотрены цели и задачи, какие ставила перед собой Москва во время посольства, степень ее осведомленности о внутри- и внешнеполитической ситуации Речи Посполитой в этот период, а также то, каким образом внутривосточные обстоятельства в Польско-Литовском государстве и внешнеполитическая обстановка повлияли на ход переговоров.

А.В. Виноградов¹

Русско-крымские отношения в период династического кризиса в Крымском ханстве 1623–1628 годов

Период 1619–1623 гг. характеризовался борьбой русской дипломатии за сохранение добрососедских и близких к союзным отношений с Крымским ханством. После заключения Деулинского перемирия в ходе тяжелых переговоров в Москве и Бахчисарае обе стороны признали сохранение в силе русско-крымского договора 1614 г. и смогли частично урегулировать вопросы, касающиеся количества дальнейших выплат в Крым Российским государством. Сохранение мирных отношений для обеих сторон определялось наличием общего противника — Речи Посполитой. Москва не без определенных оснований сумела убедить крымскую сторону, что заключение Деулинского перемирия является вынужденной мерой и возобновление конфронтации с Речью Посполитой возможно в обозримом будущем.

Со смещением с престола хана Джанибек-Гирея в 1623 г. терял силу заключенный с ним договор 1614 г. Последующий период ознаменовался значительными осложнениями русско-крымских отношений, на которые в значительной мере оказывал влияние начавшийся в Крыму династический кризис. События эти затрагивались в работах таких выдающихся специалистов, как А.А. Новосельский и Б.Н. Флоря, однако многие детали пребывания годовых посланников в Крыму и ежегодных посольских размен этого периода все еще нуждаются в исследовании.

Хотя большая часть крымской знати, в том числе и клан Яшлавских, признали нового хана Мухаммед-Гирея III, ситуация в крымских верхах была нестабильной. В Москве рассчитывали на лояльность Мухаммед-Гирея III: его отец, хан Сеадет-

¹ Виноградов Александр Вадимович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., avinogradov1957@yandex.ru.

Гирей II, изгнанный из Крыма в 1584 г. османскими войсками, был известен тесными связями с Москвой. Однако надежды русской дипломатии оправдались лишь частично.

В целом, в период династического кризиса в Крыму 1623–1628 гг. русская дипломатия в Крыму продемонстрировала способность действовать в исключительно тяжелой обстановке, быстро перестраиваясь в условиях перманентных катаклизмов. В 1629 г., когда в Крым вторгся в очередной раз назначенный ханом Джанибек-Гирей, московским дипломатам предстояло в очередной раз добиться подтверждения со стороны ханства мирного договора. Начинался новый период русско-крымских отношений.

П.И. Прудовский¹

Первые донесения бранденбургских дипломатов о России (1649–1656 гг.)

В докладе характеризуются и анализируются донесения-реляции дипломатов бранденбургского «великого курфюрста» Фридриха-Вильгельма при русском дворе, а также реляции о пребывании русских послов при дворе курфюрста; проводится сопоставление их данных с показаниями русских источников. Реляция Генриха Райффа (1649–1650 гг.) содержит новый взгляд на Псковское и Новгородское восстания 1650 г. Реляция о посольстве Ф.Ф. Порошина (1654 г.) отличается вниманием к индивидуальным чертам поведения дипломата в рамках придворного церемониала. Реляция Лазаруса Киттельмана (1655 г.) важна тем, что соответствующие материалы Посольского приказа не сохранились, она содержит свидетельство очевидца о пребывании и действиях русских войск в западной части Литвы во время русско-польской войны. Реляции о посольстве Д.Е. Мышецкого (1655 г.) существенным образом дополняют информацию русских источников о его переговорах. Посольский дневник Й.К. фон Эйленбурга (1656 г.) — важный источник о постановке посольского дела во время осады Риги царем Алексеем Михайловичем.

М.Р. Яфарова²

Бахчисарайский договор: его заключение и ратификация.

Историко-текстологический анализ

Бахчисарайский договор 1681 г., завершивший первый русско-турецкий конфликт, впервые официально зафиксировал территориальное разграничение владений России и Османской империи. Заключенный тремя сторонами — Москвой, Стамбулом и Бахчисараем, — договор должен был внести существенные перемены в саму систему международных отношений в этой части восточноевропейского региона. Однако в ходе ратификации договора в 1682 г. османской стороной были внесены значительные

¹ Прудовский Петр Игоревич, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., hypolimnion@gmail.com.

² Яфарова Мадина Рашидовна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., mryaf@bk.ru.

изменения в первоначальный текст документа, что отразило сохраняющиеся противоречия в позициях Москвы и Стамбула. Общий ход переговоров о заключении Бахчисарайского договора был рассмотрен в историографии (С.М. Соловьев, Н.А. Смирнов, Г.В. Ходырева и др.), однако подробный сравнительный анализ двух текстов исследователями не предпринимался.

В докладе предпринята попытка подробно остановиться на сравнении двух вариантов договора, первоначального и ратифицированного, что позволило показать изменения в позициях сторон в ходе дипломатического столкновения.

Н.Е. Домрачев¹

**Судьба «смоленских пожалований»
канцлера литовского князя Марциана Александра Огинского
в контексте русско-польских межэлитных контактов**

Заключение договора о Вечном мире 1686 г. стало важной вехой в истории русско-польских отношений, ознаменовавшей окончательный переход от противостояния двух государств к их военно-политическому союзу. Как показал К.А. Кочегаров, заключению этого договора предшествовало установление и развитие неформальных контактов между главой Посольского приказа князем В.В. Голицыным и лидером одной из влиятельных в 1680-е гг. литовских элитных группировок, канцлером князем Марцианом Александром Огинским. Во многом эти контакты позволили московской стороне иметь ясную картину о возможных уступках польской стороны и противоречиях между руководителями польского посольства. Услуги М.А. Огинского были вознаграждены удовлетворением его просьбы о пожаловании двора в Смоленске, о разрешении оршанским иезуитам вырубить лес на территории Смоленского уезда и о возвращении церковной утвари из бывшего имения канцлера — Дубровны. Этот комплекс пожалований мы условно наименовали «смоленскими». Судьба этих пожалований осталась вне специального внимания исследователей (З. Вуйцика, А. Каминьского, К.А. Кочегарова).

Пожалование было оформлено уже 10 мая 1686 г. через две указные грамоты в Смоленск, по которым, во-первых, канцлеру было разрешено купить «на посаде за городом» «дворовое место» «повольною ценою» и строить на нем «избы и иное дворовое строение», а также размещать на нем «ево, Огинского, людей с товары». Смоленские власти должны были следить, чтобы на том дворе «заповедных товаров, и утаенных товаров, и корчемного продажного вина, и табаку отнюдь не было». Во-вторых, оршанским иезуитам разрешалось «на строение» вырубить 60 коп леса (по 60 бревен в копе) «в Смоленском уезде, где пристойно блиско Днепра» в зимнее время. При этом половина работы по рубке ложилась на иезуитов, а половина — на дворцовых крестьян.

¹ Домрачев Николай Евгеньевич, Санкт-Петербургский государственный университет (РФ, Санкт-Петербург) / РГАДА (РФ, Москва), nickolas-house@yandex.ru.

В результате «смоленские пожалования» стали элементом закрепления важных неформальных связей между В.В. Голицыным и М.А. Огинским, выразившихся в «услугах» Огинского при заключении договора о Вечном мире. В Москве эти действия воспринимались как некий аналог службы. Это позволяло предоставить канцлеру специфическое вознаграждение и пойти ему на уступки в виде предоставления привилегий. Однако болезнь канцлера, его уход от влияния на русско-польские отношения в 1688 г. и опала Голицына в 1689 г. изменили подход русского правительства к собственности Огинского. В итоге подворье в Смоленске, предположительно, превратилось в торговый «двор» и использовалось до конца XVII века уже в таком качестве.

П.А. Аваков¹

Таванский поход 1701 г. и имплементация 2-й статьи Константинопольского мирного договора 1700 г.

Константинопольский мирный договор 1700 г. по праву занимает знаковое место в истории русско-турецких отношений и поэтому давно привлекает внимание историков. При этом имплементация соглашения изучена гораздо меньше, чем обстоятельства его заключения и даже ратификации (Д.И. Эварницкий, В.С. Великанов, А.Г. Гуськов). В этой связи особенный интерес представляет то, как Российское царство выполнило условия 2-й статьи договора, в соответствии с которой были уничтожены взятые в 1695 г. воеводой Б.П. Шереметевым четыре крепости у Таванской переправы в низовьях р. Днепр, а занимаемая ими территория возвращена Османской империи (в наши дни там находится Каховская ГЭС, города Берислав и Каховка Херсонской области).

Реализация данных условий произошла в два этапа во время Таванских походов 1700–1701 гг. под командованием генерала князя И.М. Кольцова-Мосальского. Особое значение имела вторая экспедиция, в ходе которой генерал разрушил модернизированные в 1696–1697 гг. крепости Казыкермень (Газикерман) и Таванск (Нусреткерман) и основал выше по течению Днепра новую крепость Каменный Затон, ставшую главным пограничным форпостом России в регионе на ближайшее десятилетие (близ нынешнего г. Каменка-Днепровская Запорожской области). 2-я статья Константинопольского договора была имплементирована Россией к концу первой декады октября 1701 г., с задержкой примерно на месяц после установленного срока.

¹ Аваков Пётр Ашотович, Южный научный центр РАН (РФ, Ростов-на-Дону), к.и.н., pavakov@mail.ru.

**Коммуникация ногайских элит и представителей крымских ханов
на Кубани с российскими региональными властями
(конец XVII – начало XVIII в.)**

Исследование посвящено малоизученной в российской историографии теме — формам, процедурам и участникам коммуникации ногайских элит Кубани, а также представителей крымских ханов (калги, нурадыны и др. султаны) с российскими региональными властями Северо-Восточного Приазовья (азовской администрации в лице азовских воевод, азовского губернатора) и Войском Донским. Устанавливаются причины и поводы налаживания устной и письменной коммуникации, степень ее интенсивности, направления и участники реализации (включая разных «посыльщиков» и посредников). Разнородная коммуникация органично вписывается в историю русско-крымских отношений указанного периода, а также русско-крымско-османского пограничного взаимодействия 1696–1712 гг. Анализируется состав сохранившейся переписки, способы и особенности ее перевода; оценивается эффективность устной и письменной коммуникации при разрешении конфликтных ситуаций в пограничье. Со стороны азовской администрации подобную коммуникацию с Кубанью направляли воеводы П.Г. Львов, А.П. Прозоровский, С.И. Салтыков, С.Б. Ловчиков, губернатор И.А. Толстой.

После завоевания Россией Азова в регионе возросло количество случаев, требовавших языкового — устного и письменного — сопровождения, вызванных как пограничными конфликтами, так и увеличением их документированного предупреждения, обсуждения, разрешения. Представители крымского хана на Кубани проявили существенный интерес к установлению *регулярных* связей с администрацией российского Азова (одним из первых — калга Шахбаз-Гирей уже в августе-сентябре 1699 г.). Взаимная переписка с азовскими властями стала существенной приметой деятельности на Кубани других представителей правящих ханов (нурадын-султаны Гази-Гирей, Шагин-Гирей, Каплан-Гирей, султан Бахты-Гирей). Ногайские элиты (мурзы Агаш, Аллават, Кубек, Мухаммед-Шабей, Сартлан, Урак и др.), активные участники местной пограничной жизни, разными путями вступали в устную коммуникацию и в переписку с азовскими властями и с Войском Донским. От азовских воевод потребовалось *устойчивое* обеспечение устных и письменных переводов, причем крымцы и ногайцы испытывали аналогичные проблемы. Выгодная для многих участников местной пограничной жизни активизация устной/письменной коммуникации способствовала накоплению ими информации друг о друге, частичному разрешению конфликтных пограничных ситуаций, расширению торговой деятельности, проведению «окупных» или разменных операций.

¹ Сень Дмитрий Владимирович, Южный федеральный университет (РФ, Ростов-на-Дону), д.и.н., dsen1974@mail.ru.

Как возник интерес к сохранению матриц государственных печатей на рубеже XVII–XVIII вв.

Длительное время в русских землях матрицами государственных печатей являлись геммы, оформленные как перстни. Двусторонняя печать с кратким титулом государя, получившая название двойной кормленной или малой государственной, фиксируется только с конца XV в. В правление Василия III Ивановича в документах упоминается большая государева печать. Она отличалась от малой наличием полного титула великого князя / царя, размещенного в три строки. Подобная система государственных печатей просуществовала до рубежа XVIII в. Во второй половине XVII в. она претерпела определенные модификации: печати стали односторонними, а также появилась средняя печать, которой заверялись грамоты в Малороссию. Матрицы подобных печатей известны нам только начиная с правления Федора Алексеевича (1676–1682 гг.). То, как к подобным символам государства относились монархи и высшие администраторы Московского царства, до настоящего времени не подвергалось исследованию.

По косвенным признакам в досмутный период матрицы вышедших из обращения печатей сохранялись. Об этом можно судить по использованию одной половинки большой государственной печати Ивана IV Лжедмитрием I для заверения грамоты к Юрию Мнишеку. В пользу этого говорит и сохранение до середины XVII в. одной половинки печати Бориса Годунова. При Михаиле Федоровиче (1613–1645 гг.) вышедшие из обращения печати начали целенаправленно уничтожать. При его сыне Алексее Михайловиче (1645–1676 гг.) фиксируется стремление сохранять матрицы вышедших из обращения печатей, но при этом они делались негодными путем целенаправленного частичного повреждения помещенных на них изображений путем нескольких ударов молотком. В эпоху юного Петра Алексеевича старые печати также переделывались. Однако с определенного момента их стали целенаправленно собирать в архиве Посольского приказа, далее — Московском архиве Коллегии иностранных дел. Похоже, это делалось по личному распоряжению царя и фиксируется с 1696 г. Более того, в архив передавали почти все петровские печати, в том числе так называемые домовые. После смерти монарха эта практика прекратилась. Вышедшие из обращения матрицы государственных печатей, вероятно, стали передавать в Сенат. В 1753 г. печати было велено очистить, сделать альбом их сургучных оттисков, а для самих матриц изготовили специальные «шкатулы», в каждой из которых хранилось по 6 реликвий.

¹ Беляков Андрей Васильевич, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., belafeb@yandex.ru.

**Эволюция представлений о статусе русского государства
в немецких публицистических изданиях первой половины XVIII века:
от «Московии» к «Российской империи»**

Понятие «Московия» в качестве обозначения русского государства получило широкое распространение в публицистических сочинениях европейских авторов XVI–XVII вв. Это понятие использовалось наряду с термином «Россия».

В первой четверти XVIII в. под влиянием реформ Петра I возрастает роль России в системе европейских государств и представления о ней в Западной Европе меняются.

В этот период термин «Московия» стал ассоциироваться с дореформенной Россией и использоваться в публицистических изданиях, содержащих враждебные оценки в отношении русского государства и проводимой им внешней политики, он становится одним из символов устаревших предрассудков о «русском варварстве».

Если в названиях сочинений немецких публицистов начала XVIII в. присутствует наименование «московитский» (Г.Л. Гуде, П.Я. Марпергер, Хр. Штифф и другие), то к концу правления Петра I оно вытесняется термином «Россия», «российский» (Ю.Г. Рабенер и др.). Так, уже в первой по времени изданной биографии Петра I (1710) он почетно именуется «Отцом Отечества», а в отношении России часто используется термин «Российская империя». Замена термина «Московия» на «Россию» наблюдается и в немецких периодических изданиях того времени («Europäische Fama», «Historische Remarques der neuesten Sachen in Europa» и др.).

При этом понятия «Россия», «Российская империя» становятся символами «Новой России», преобразованной Петром I. Статьи о «России» имеются также в немецких научных словарях и лексиконах первой половины XVIII в.: «Allgemeines historisches Lexicon...» Т. Фрича (Лейпциг, 1722), «Grosse vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste» И.Г. Цедлера (Лейпциг и Галле, 1732–1754). Помещенные в них сведения носят обобщающий характер и отражают представления общественно-политических кругов Западной Европы о русском государстве.

Немецкие публицистические издания первой половины XVIII в. заслуживают внимание в качестве источника по изучению истории России и формированию представлений о Российской империи. Эволюция представлений о статусе русского государства в немецких публицистических изданиях первой половины XVIII в. (от «Московии» к «Российской империи») отражает процесс возрастания роли России в системе европейских государств, признание ее в качестве одной из великих европейских держав.

¹ Ермасов Евгений Викторович, Министерство юстиции Российской Федерации (РФ, Москва), к.и.н., vvk6974@yandex.ru.

Планы российского правительства по экономическому освоению и эксплуатации завоеванных в 1722–1735 гг. азербайджанских земель

Как известно, в 1722 г. Петр I со 100-тысячной армией предпринял поход и занял г. Дербент. По ряду причин царь с основной частью армии вернулся в Россию, однако путем отдельных экспедиций была завоевана узкая прикаспийская полоса до г. Решта в Иране. Русское правительство в первую очередь принимало меры по укреплению новозавоеванных областей. Петр I планировал укрепить крепостные стены Дербента и построить городскую гавань. Крепости и укрепления были построены также в Астаре, Ленкоране, Мушкуре и других местах. Была начата постройка большой крепости в устье р. Куры.

Стремясь превратить прикаспийские провинции в сырьевую базу России, Петр уделял большое внимание их экономическому освоению и строил широкие планы. Для улучшения виноделия в Дербенте он приказал выписать опытного мастера из Венгрии. 22 мая 1723 г. царь распорядился собрать сведения об ископаемых, в первую очередь меди, а также о цитрусовых и других фруктах. Было дано указание собирать доходы и всю экономику областей привести в порядок.

Царские власти старались собирать не только всю сумму ежегодных доходов, но даже недоимки за предшествующий сефевидский период. Сбор налогов и податей уже и без того разоренных крестьян был нелегким делом. Военные власти весьма жестоко поступали с жителями, не платившими налогов.

Особое внимание уделялось добыче нефти на Абшере. Генерал Матюшкин не только должен был обеспечить безопасность бакинских нефтяных колодцев, но и восстановить доходы с них. Русские предприниматели надеялись заполучить в прикаспийских провинциях дешевое сырье не только для своих шелкоткацких, но и шерстяных мануфактур.

Чтобы увеличить доходы казны, в Баку и Дербенте организовывались казенные шафранные плантации, в Дербенте — большое садовое хозяйство, где выращивались яблоки, груши, инжир, шелковица, слива, гранат и в большом количестве виноград.

Петр намеревался использовать прикаспийские области также для транзитной торговли с Индией. Через прикаспийские провинции русское правительство старалось наладить торговлю с грузинскими землями и ближневосточными странами и в этих целях организовать судоходства на Куре и Аразе. Для торговли с прикаспийскими странами было организовано акционерное общество.

Местным купцам при торговле с Россией предоставлялось право пользоваться русскими судами, местные жители могли плавать на своих судах только с разрешения российских властей. Благодаря относительной стабилизации положения в прикаспийских провинциях наблюдалось некоторое оживление экономики. Русское правительство не смогло до конца осуществить свои планы в отношении прикаспийских земель,

¹ Мустафазаде Тофиг Тейюб оглы, Институт истории имени А.А. Бакиханова НАН Азербайджана (Азербайджан, Баку), д.и.н., peri.rustamova865@gmail.com.

поскольку к 1735 г. уступило их возродившемуся благодаря усилиям НаDIR Афшара Сефевидскому государству.

С целью усиления своих позиций в регионе русское правительство стремилось изменить демографическое положение путем переселения христиан, в первую очередь армян. 10 ноября 1724 г. Петр отправил указ генералу Матюшкину, в котором говорилось, что, когда армяне придут в Баку, Дербент и другие прикаспийские места, следует оказать им содействие и предоставить удобные места, отдать им пустующие дома, а также дома, принадлежащие жителям, показавшим недоброжелательное отношение к России.

Б.В. Носов¹

Восстание Барской конфедерации и политика России в Речи Посполитой весной 1768 г.

Барской конфедерации как одному из существенных факторов в политике России в Речи Посполитой в конце 1760-х – начале 1770-х годов уделено в российской историографии относительно немного места. В польской исторической литературе изучение Барской конфедерации имеет богатейшую публицистическую и историографическую традицию, однако и там политике России уделено немного внимания, в частности, — в классической монографии Владыслава Конопчиньского.

Задачей доклада является рассмотрение политики России в отношении республиканских институтов Речи Посполитой в начальный период Барской конфедерации (весной 1768 г.). Первоначально (в марте), ввиду невозможности собрать чрезвычайный сейм, была поставлена задача собрать Сенатский совет и от его имени обратиться к Екатерине II как к гаранту польской конституции. Для подготовки сейма следовало образовать «маленькую» пророссийскую конфедерацию. В любом случае, по словам Н.В. Репнина, было принято решение применить войска и сохранить позиции России в Польше. 31 марта (11 апреля) Н.И. Панин констатировал, что Россия не остановится перед крайними мерами «в утверждении одержанных в Польше знатных успехов», но следует сделать все возможное, дабы не спровоцировать войну с Турцией — последняя, по мнению Репнина, была неизбежной.

Определяя задачи военных действий против конфедератов, Репнин планировал, во-первых, обеспечить военный контроль над Варшавой и главными политическими центрами Литвы (Вильно и Гродно), во-вторых — разгром конфедератов в Великой Польше, в-третьих — отделить кордоном области Малой Польши и Польской Руси, где действия конфедератов носили наиболее активный характер и где столкновение с турками были весьма вероятны. И, наконец, в-четвертых, — взятие главных центров барской конфедерации: Бердичева, Бара и Кракова. При этом, наряду с сугубо военными целями, в политике России, в рескриптах Екатерины II, в инструкциях Н.И. Панина и действиях Н.В. Репнина ясно нашло отражение политика сохранения республиканских государственных институтов Речи Посполитой. Однако для решения

¹ Носов Борис Владимирович, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), д.и.н., bnossov@gmail.com.

всех этих военных и политических задач имевшихся в распоряжении Репнина войск явно было недостаточно. Успешные действия русских корпусов против главных конфедератских центров не привели к желаемым результатам.

**Организация пространства в России XVI–XVIII вв.:
территориальные связи и внутренние границы**

Категории пространства и его психологического восприятия в работах Л.В. Милова

Доклад посвящен особенностям изучения и научной интерпретации Л.В. Миловым пространственной среды и особенностей ее восприятия на примере российской истории периода Средневековья и раннего Нового времени.

Применительно к изучению пространства показано, как в развитие методологических подходов российских и зарубежных (прежде всего, германских) ученых Л.В. Милов впервые среди российских историков, работавших в XX и в начале XXI в., исследовал пространство как системное явление, сочетающее в себе непосредственно связанные между собой природно-географические, ресурсные и институциональные особенности. Применительно к изучению особенностей восприятия пространства на конкретных примерах представлено то, как, творчески сочетая современные достижения теории исторического знания и достижения отечественной науки, Л.В. Милов создал применительно к анализу различных периодов российской истории оригинальную, имеющую большой когнитивный потенциал концепцию комплексной взаимосвязи между средой осваиваемого людьми пространства и их мировоззрением как на духовном, так и на материально-производственном уровне. Особенностью представленного Л.В. Миловым методологического подхода является его универсализм. Он обозначает, что синтетическое изучение особенностей климата, ландшафта территорий и психологических особенностей осваивающих данные территории людей может осуществляться по отношению ко всему процессу развития российской истории.

Исторические сравнения иностранцев городов и построек Московии в XVI столетии: «раньше и теперь»

С восстановлением государственности в конце XV столетия в Россию хлынул поток европейцев, ранее почти не замечавших своего восточного соседа. Выполняя возложенные на них задачи, некоторые путешественники с интересом относились не только к открывшимся перед ними реалиям, но и стремились узнать историю появления нового для них государства, его городов и архитектурных сооружений. При этом, опираясь на разнообразные источники информации — от летописей до преданий, — они стремились сравнить то, что было на Руси «раньше», с тем, что увидели «сейчас».

Авторы были осведомлены, что до Москвы столицей был Киев, а затем Владимир. Более того, им было известно нахождение в Киеве резиденции главы церкви, о чем первым написал С. Герберштейн, дважды побывавший в России в первой четверти XVI в. Из других городов путешественники явно выделяли Великий Новгород, кото-

¹ Ланской Григорий Николаевич, Российский государственный гуманитарный университет (РФ, Москва), д.и.н., gri_lanskoi@list.ru.

² Черный Валентин Дмитриевич, Российский государственный гуманитарный университет (РФ, Москва), д.культ., tchernic@rambler.ru.

рый А. Шлихтинг, служивший в Москве переводчиком в 1568–1570-х гг., назвал «зажиточным издревле», а ныне «сравненным с землей». При Иване Грозном отдельные иностранцы вспоминали об Иване Калите, при котором город значительно расширил свои границы, сообщили в конце XVI в. А. Гваньини и Дж. Флетчер. В это же время с особым пиететом в сочинениях упоминалось имя Ивана III, сформировавшего облик столицы, называемого «спасителем и творцом государства», что, в частности, отметил в середине XVI в. М. Литвин.

Значительный интерес у путешественников вызывал процесс изменения городской застройки. Очень многие из них писали о некогда обширнейшей застройке Москвы, сильно уменьшившейся после ее разорения и сожжения в 1571 г. крымским ханом Девлет-Гиреем, после чего, по словам А. Поссевино, произошло «уплотнение» города.

Столь же популярной темой в записках был вопрос о постепенном отказе в Москве от дерева как основного строительного материала в пользу камня. Эту тенденцию отметил еще в 1578 г. Д. Принц, писавший, что в «прежние годы все их храмы были деревянные, ныне там и сям виднеются выстроенные из жженого кирпича».

Таким образом, ряд иностранцев, приезжавших со своей миссией, кроме решения своих вопросов, были склонны к восприятию реалий Московии в исторической ретроспективе. Они обращали пристальное внимание на состояние прежних политических и торговых центров государства и на тенденции в изменении облика столицы.

П.Н. Дудин¹

**Империя и инородцы: право, границы и пространство
монголоязычных народов в Российской империи и империи Цин
(сравнительный анализ)**

Наследие М.М. Сперанского в русле как общей картины состояния и развития монголоязычных народов Внутренней Азии на излете Нового времени, так и внутренней политики Российской империи в XIX в. не вызывает сомнений — оно чрезвычайно важно и велико.

Вместе с тем в состав Российского государства часть этих народов вместе с территориями традиционного проживания добровольно вошла еще в середине XVII в., и их общественный уклад и, соответственно, занимаемые ими пространства в той или иной форме подвергались определенному государственному регулированию еще до принятия Устава «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г.

С позиции современника давать оценку эффективности этого процесса — задача весьма специфическая. Результат решения этой задачи может претендовать на объективность, например, в случае сопоставления с аналогичным процессом в отношении представителей тех же народов в соседнем государстве, где в это время новая

¹ Дудин Павел Николаевич, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (РФ, Улан-Удэ), д.и.н., д.полит.н., dudin2pavel@gmail.com.

маньчжурская династия конструировала новую империю, вошедшую в историю под названием Цин. Опору этой империи как раз и обеспечивали монголы.

Таким образом, в рамках доклада предпринимается попытка раскрыть государственно-правовые механизмы организации пространства проживания монголоязычных народов Внутренней Азии через сопоставление политики российских и цинских властей в XVII–XVIII вв.

П.В. Чеченков¹

Нижний Новгород и Гороховец в Средневековье и раннее Новое время: территориальные и социальные связи

На раннем этапе своей истории нижегородские земли были частью Владимиро-Суздальского княжества. Звеном в цепи русских городов между Владимиром и Нижним Новгородом являлся Гороховец. Поскольку по своему значению он уступал обоим более мощным городским центрам, то в разное время оказывался под административным контролем одного из них.

Наиболее вероятное время появления Гороховца — между 1158 г. и 1174 г. Как и Городец, он стал предшественником Нижнего Новгорода, закрывая проходы вглубь Владимирского княжества войскам Волжской Булгарии. Основание в 1221 г. в устье Оки Нижнего Новгорода решало эту проблему более эффективно и в перспективе умирало значение предшественников. На крайнем востоке княжества появился новый центр притяжения, который постепенно набирал вес. Процесс обособления этих земель закончился возникновением в 1341 г. Нижегородско-Суздальского княжества, в состав которого вошел Гороховец. Его окрестности образовывали отдельную волость.

На одном из этапов ликвидации нижегородской независимости, в последней трети 1399 – начале 1401 г., Гороховец был передан Василием I представителю местной династии — князю Даниилу Борисовичу. Эта слабая компенсация утраты Суздаля привела к выступлению Даниила против Москвы в 1409 г. и началу борьбы за восстановление нижегородского суверенитета. При Василии II отсюда началось распространение на нижегородскую округу землевладения близких московскому престолу духовных корпораций.

С последней четверти XV в. шло активное формирование нижегородского служилого «города». Однако Гороховец оно слабо затронуло. Земли, не отошедшие монастырям, оставались черными великокняжескими. От 1607 г. дошла небольшая гороховецкая десятня (18 чел.). Ее сопоставление с нижегородской десятней того же времени показало отсутствие каких-либо пересечений.

В XV в. Гороховецкая волость была в составе Нижегородского уезда, но в 30-е гг. XVI в. окрестности Гороховца образовали миниатюрный Гороховецкий уезд. Появление здесь наместников вместо волостелей можно связать с программой усиления

¹ Чеченков Павел Валерьевич, Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексеева (РФ, Нижний Новгород), к.и.н., chechenkoff@yandex.ru.

восточного рубежа при Елене Глинской в 1536–1538 гг., когда строились и обновлялись крепости, менялась система службы.

В 1708 г. Гороховецкий уезд был упразднен, его территория вошла в состав Нижегородской провинции Казанской губернии. Когда в 1719 г. из состава Казанской была окончательно выделена Нижегородская губерния, Гороховец с окрестностями перешел во Владимирскую провинцию Московской губернии. С этого момента административная связь Гороховца с Владимиром больше не прерывалась, а с Нижним Новгородом окончательно ушла в прошлое.

С.В. Шпирко¹

**Система сельского средневекового расселения Северо-Западной Руси
по материалам писцовых книг XV–XVI вв.:
математическая модель двухуровневой иерархии**

Настоящее исследование посвящено моделированию системы пространственного размещения средневекового населения. В основе модели лежит представление о заселении, размещении населения на территории как о процессе, при котором каждый из его участников (дворохозяин) руководствуется в своей деятельности достижением естественных рациональных целей, например, максимальной доступности к своему обрабатываемому участку (пашни, пожни), максимальной близости к центральному поселению (для Новгородской земли это погост — поселение, являвшееся центром приходской жизни и государственного администрирования погоста-округа). Для учета условия неоднородности территории при моделировании автором развивается вариационный подход, предложенный С.М. Гусейн-Заде. Использование в рамках этого подхода методов вариационного исчисления и понятия оптимальности Парето позволяет выявлять и численно описывать оптимальные соотношения между параметрами системы, такими как плотность и численность населения, площадь занимаемого им территориального округа.

Ранее автором настоящего исследования была предложена модель одноуровневой иерархии размещения центров (центральных поселений). Дополнительный анализ исторического материала привел к необходимости уточнения модели, а именно добавления в нее иерархии центров. В связи с этим в настоящем статье предлагается модель пространственного размещения с двухуровневой иерархией центров, а именно погост-округ — волостка — двор. Апробация предложенной модели проводилась на материале писцовых книг Шелонской пятины Новгородской земли рубежа XV–XVI вв. Высокая степень соответствия полученных теоретических и эмпирических данных позволяет рассматривать математическое моделирование в качестве адекватного и удобного вспомогательного средства при изучении характера и динамики систем исторического сельского расселения. Возможности предложенного моделирования также и в плане восполнения данных демонстрируются на примере задачи рекон-

¹ Шпирко Сергей Валерьевич, Российский государственный гуманитарный университет (РФ, Москва), к.и.н., к.ф.-м.н., shpirkos@mail.ru.

струкции приблизительной численности сельского населения Шелонской пятины в рассматриваемый период.

П.В. Гаврилов¹

Сельское храмовое строительство в Тверской половине Бежецкой пятины в конце XV – 60-х годах XVI века

Исследование посвящено изменениям в приходской структуре Новгородской земли, которые произошли в связи с присоединением к Московскому государству в 1478 г. Одним из маркеров перемен является сельское храмовое строительство, на которое обратил внимание А.А. Селин. По его замечанию, новые сельские храмы Водской пятины Новгородской земли, возводимые патронами, отличались от древнейших сооружений времен независимости Новгорода. В настоящей работе предпринята попытка анализа схожего явления для Бежецкой пятины, своеобразия которой, по мнению В.Л. Янина, заключалось в колониационном характере освоения.

Начнем с характеристики допоместной приходской структуры. В новгородское время популярностью пользовались престолы в честь Георгия и Богородицы. Спасские храмы также распределены по западной, южной и северо-восточной части пятины, но отсутствуют на севере, где селения обособлены притоками рек Чагодоши, Колпи и Песи. Три церкви в честь Ильи Пророка расположились в указанных речных бассейнах.

В поместный период ситуация меняется. Храмы в честь Рождества Христова в пятине появляются в XVI в. Церкви с Троицким посвящением возникают среди устойчивых селений. В волостных селах расположились Воскресенские и Покровские церкви. Престолы в честь Николая Чудотворца пользовались наибольшей популярностью как в XV, так и в XVI в. К «холодной» церкви на погосте возводилась «теплая». Всего за XVI в. к 119 храмам пристроено еще 102. Церкви возводились вокруг заселенных территорий Помостья. Восточнее выделяются комплексы Удомельского Поозерья, долины реки Мологи с притоками и северо-восточный угол пятины. В северной и юго-восточной части доминирует парное возведение сельских храмов на погостах. Ктиторами поместного периода являются служилые люди.

Таким образом, приходская структура Бежецкой пятины усложнялась на протяжении XV–XVI вв. Погосты-округа дробились возводимыми сельскими храмами. Испомещенные несли новую традицию почитания святых. Строительство происходило в местах с наибольшей устойчивостью селений.

¹ Гаврилов Павел Владимирович, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), асп., pashagavrilov98@mail.ru.

**Развитие административно-территориального деления
Тверского уезда в конце XV–XVII вв.**

В работе на основе писцовых и актовых материалов рассматривается развитие административно-территориального деления Тверского уезда в конце XV–XVII в. Выявленные по письменным источникам небольшие административно-территориальные единицы — волости, станы и волостки — локализуются на исторической карте. Прослеживается процесс изменения в составе волостей и станов на протяжении XVI–XVII вв.: исчезновение волосток, замещение волостей станами и общее укрупнение административно-территориальных единиц в составе уезда. Исследование волостного деления уезда дает материалы для изучения механизмов территориальной организации сельских сообществ, которая определялась поземельными отношениями, хозяйственной деятельностью, развитием сети дорог и другими факторами.

**Ю.В. Степанова, А.А. Фролов, М.В. Карпова, А.Д. Гусак²
Историческая география Торопецкого уезда XVI–XVII вв.:
источники и методы исследования³**

Торопецкая земля с середины XIII в. являлась частью Великого княжества Литовского (ВКЛ) и вошла в состав Московского государства по перемирной грамоте 1503 г. Целью настоящего исследования является характеристика территориальной организации торопецких земель на поздних этапах нахождения в составе ВКЛ и в XVI–XVII вв. Историческая география Торопецкой земли и восточных районов ВКЛ привлекала внимание исследователей со второй половины XIX в. (см. работы М.Ф. Довнар-Запольского, М.К. Любавского, И.И. Побойнина, Л.В. Алексеева, Л.А. Бассалыго, В.Л. Янина и В.Н. Темушева).

Источниками исследования являются писцовые описания и актовый материал. Наиболее полно характеризует территорию уезда XVI в. писцовая книга письма А.Д. Ульянина и Т.С. Бибилова 1540 г. Территориально-административную систему Торопецкого уезда XVII в. характеризует писцовое описание 1627–1631 гг. письма Д.Е. Воейкова и Ф. Протопопова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 888, 8165, 8166). Торопецкие волости упоминаются в ряде литовских грамот второй половины XV в., а также в перемирных грамотах 1503 и 1522 гг.

¹ Кутаков Сергей Сергеевич (РФ, Старица), k_sergei_s@mail.ru.

² Степанова Юлия Владимировна, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., m000142@mail.ru; Фролов Алексей Анатольевич, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., prkfrolov@gmail.com; Карпова Мария Владимировна, Тверской государственный университет (РФ, Тверь), асп.; Гусак Артем Дмитриевич (РФ, Москва).

³ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01089 «Историческая география Торопецкого уезда в XVI–XVII вв. в GIS и базах данных».

Имеются также поземельные акты XVI–XVII вв., характеризующие землевладение в Торопецком уезде. Сведения о топонимике уезда содержатся в документах Торопецкой приказной избы второй половины XVII в.

Методика локализации населенных пунктов писцовых книг посредством соотнесения их названий с топонимической основой источников XVIII–XX вв., усовершенствованная в XXI в. применением геоинформационных технологий, многократно апробировалась на материалах Деревской и Бежецкой пятин Новгородской земли, Тверского, Бежецкого, Ржевского уездов конца XV–XVII в. Ключевыми для локализации средневековых населенных пунктов являются материалы Генерального межевания второй половины XVIII в.

Работа по картографированию поселений произведена с применением программного пакета QGIS. Волости и перевары отображены полигонами, отдельные поселения и центры погостов — точечными объектами. В результате была получена картина пространственного размещения территориальных единиц уезда XVI–XVII вв., совмещенная с современной картографической основой. Применение данной методики позволило локализовать волости и перевары Торопецкого уезда с привязкой к современной геооснове.

Для Торопецкого уезда XVI–XVII вв. характерна волостная территориально-административная система. Перечень торопецких волостей впервые приводится в перемирной грамоте 1503 г. Это волости Данковская, Казаринская, Любута, Тура, Старцова, Нежелская, Дубна, Рожна и Бибирево, а также Велижская, Плавецкая, Озерская и Жижецкая. В писцовом описании 1540 г. последние пять уже не фигурируют. Специфическими территориальными единицами Торопецкого уезда XVI в. являлись перевары. В XVI в. на территории уезда находилось не менее 17 перевар. Локализация их населенных пунктов по данным описания 1540 г. показала, что они представляли собой компактные территории с поселениями бортников. Для Торопецкого уезда XVI в. характерна «гнездовая» система расселения, характеризующаяся скоплениями небольших деревень (1–3 двора) под общим названием, разделенными незаселенными пространствами. Вероятно, «гнездовую» систему расселения следует рассматривать в связи с бортным хозяйством, требовавшим сохранения значительных лесных угодий.

В первой половине XVII в. после разорения Смутного времени изменяется состав волостей Торопецкого уезда. Территории ряда перевар были преобразованы в волости. «Гнездовая» система расселения слабо прослеживается в писцовых описаниях. Сохраняются территории лишь трех перевар. В то же время актуализируется территориальное деление на десятки.

Результаты локализации отражены в веб-ГИС, размещенной в сети Интернет: https://histgeo.ru/our_projects/project/2/.

Битва «на Пчелне» 1607 г.: проблема локализации

В ходе восстания И.И. Болотникова 1606–1607 гг. повстанцы одержали несколько побед. Наиболее чувствительный удар правительственной армии они нанесли, находясь под командованием боярина князя А.А. Телятевского, 3(13) мая 1607 г. на территории между Тулой и Калугой в битве, получившей известность как сражение «на Пчелне». Источники первой трети XVII в. сообщают о том, что повстанцы наступали, идя на выручку осажденной Калуге, а царские войска двигались им навстречу, или же скупо упоминают о походе царских войск «на Пчелню», не уточняя его причины. В литературе сосуществуют версии о том, что же такое Пчельна: по одной, это название реки, по другой, села; однако в большинстве источников отсутствуют какие-либо указания на статус Пчельны (она нигде не именуется рекой, а селом называется лишь однажды). Вместе с тем большинство исследователей склоняется к локализации места битвы, впервые выполненной И.И. Смирновым (считал Пчельну селом), на территории современного Суворовского района Калужской области примерно в 60 км от Тулы и почти в 40 км от Калуги. Однако анализ состава царских войск и вариантов их перемещения показал, что данный вариант локализации весьма сомнителен. Исследование же дорожной сети, проведенное с привлечением писцовых и межевых материалов XVII в. и материалов Генерального межевания XVIII в., позволяет предположительно локализовать место битвы значительно ближе к Туле (в районе реки Упы), одновременно сделав вывод о наступлении правительственных войск, а не повстанцев.

Станы как территориальные единицы в Российском Черноземье в XVII в.

Деление уездов на станы и волости имеет давнюю традицию. В XVII в. она распространилась и на новые, вновь сформировавшиеся уезды на юге России. В конце XVI в. на территории современного Черноземья, в документах именуемого «Подем», были основаны города-крепости Воронеж, Ливны, Елец, Белгород, Курск, Оскол, Валуйки, Царев-Борисов. В годы Смуты Царев-Борисов запустел, городом-крепостью «на Поде» с 1613 г. считалась Лебедянь. После возникновения названных городов в их окрестностях постепенно формировались уезды.

О складывании уездов свидетельствуют дозорные книги, составлявшиеся после 1613 г. Составными частями уездов в ряде дозорных книг названы станы. В платежных книгах с дозорных книг Елецкого уезда 1614/1615 г. названы четыре стана: Елецкий, Бруслановский, Засосенский, Воргольский. Ливенский уезд в 1615 г. также делился на четыре стана: Красный, Серболов, Мокрецкий, Затруцкий. Оскольская дозорная книга 1615 г. называет пять станов. В одном из них — Окологороднем — нахо-

¹ Зинько Мария Алексеевна, Национальный научно-образовательный центр «Большая российская энциклопедия» (РФ, Москва), к.и.н., mazinko@yandex.ru.

² Глазьев Владимир Николаевич, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), д.и.н., bob60_12@mail.ru.

дилось только одно село. Воронежский уезд по дозорной книге 1615 г. на станы не делился. Писцовая и межевая книга 1628/1629 г. делит Воронежский уезд на четыре стана. Писцовой книгой 1626 г. в Белгородском уезде отмечены четыре стана и одна волость. В Лебедянском уезде писцовой и межевой книгой 1627/1628 г. назван только один стан — Городской. Названия станов отражали географические особенности их расположения, например, Засосенский стан Елецкого уезда, в Воронежском уезде именование одного из сел распространялось на весь стан или станы назывались по расположенным в них лесам, как в Ливенском уезде.

Предположительно, деление на станы возникших «на Поле» новых уездов было осуществлено в ходе писцовых мероприятий. Более компактные станы облегчали сбор податей. В выполнении ряда повинностей, например, выборов губных целовальников, между станами существовала очередь. В документах второй половины XVII в. отмечены становые головы, очевидно, выдвигаемые населением. Следовательно, станы в Российском Черноземье постепенно приобретали черты административных единиц.

О.В. Дудина¹

Белгородский разряд как административная единица и судебный округ в России в 1658–1708 гг.

В 1658 г. на юге России была проведена военно-административная реформа, в ходе которой сформировалось воинское соединение — Белгородский полк. Создание Белгородского полка имело следствием образование крупного военно-административного округа — Белгородского разряда.

В 1658 г. в период образования Белгородского полка в состав Белгородского разряда входило 38 городов с уездами. В связи со строительством новых крепостей и их заселением в 1670-х гг. число городов Белгородского полка превышало 60. В 1700 г., по данным Приказного стола Разряда, насчитывалось 58 городов Белгородского полка. Изменения в составе городов Белгородского полка были связаны с образованием новых административно-территориальных единиц.

Возглавлял Белгородский разряд первый воевода Белгородского полка, как правило, боярин или окольный, входивший в Боярскую думу. Ему помогали «товарищи» — второй полковой воевода, осадный воевода. В подчинении осадного и полковых воевод находилась разрядная изба — как учреждение в Белгороде, в 1670-х гг. сформировалась разрядная изба в Курске.

В зоне внимания воеводы Белгородского полка находились такие вопросы, как земельное обеспечение ратных людей, выплата им жалования, охрана общественного порядка, противопожарные меры и другие многочисленные вопросы, связанные с оперативным управлением пограничными территориями. Руководители Белгородского разряда были обязаны принимать меры по поддержанию социальной стабильности

¹ Дудина Ольга Владимировна, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), к.и.н., +79042112665@yandex.ru.

в Белгородском разряде. Наказы призывали полкового воеводу предупреждать злоупотребления местных властей, оперативно и справедливо решать судебные дела, сохранять общественный порядок и спокойствие.

Для решения судебных дел была создана Белгородская судная изба. Правительство в определенной степени учитывало потребности служилых людей Юга России, приблизив к ним суд и удешевив судебные издержки. Таким образом, в Белгороде (Курске) второй половины XVII в. судебные дела перешли в ведение особого учреждения — судной избы, а в разрядной избе сосредоточились административные функции.

В.М. Жигалов¹

**К вопросу периодизации военно-административного управления
регионом Белгородской черты
в контексте его оборонительного значения**

В представленном докладе рассматриваются основные события, происходившие в XVI–XVII вв. на Днепро-Донском междуречье — территории, известной по архивным источникам как «Поле», где по водоразделам Днепровского и Донского бассейнов рек пролегали основные сухопутные пути: Муравский, Изюмский и Кальмиусский шляхи, соединявшие Московское государство на севере и кочевой мир на юге.

Сторожевая и станичная служба, действующая с 1550-х гг. на Днепро-Донском междуречье как региональная, с 1571 г. утверждается как общегосударственная, но носит все тот же характер «удаленного контроля».

В 1580–1590-е гг. закрепление обозначенной выше территории за Российским государством происходит путем строительства отдельных моногородов, без сооружения между ними какой-либо общей линии укреплений.

События последующих десятилетий показали, что организация обороны с таким подходом недостаточно эффективна. К середине 1630-х гг. принимается решение о строительстве крепостей от среднего течения Дона до одного из притоков Днепра — р. Ворсклы. Работы по организации и возведению оборонительной линии, получившей название Белгородская черта, проводились с 1636 г. по 1654 г. и состояли из двух этапов.

1. Досмотр территории междуречья в 1636 г., в результате которого было принято решение о необходимости строительства в этом регионе оборонительной черты.

2. Строительство первых укреплений отдельными рубежами, центрами которых были города-крепости.

Последующее утверждение Белгорода как административного центра Белгородского разряда повлекло за собой классификацию городов по территориальному признаку: по черте, в черте и за чертой. Сюда же были включены города Подонья и города, расположенные далее на восток до Тамбовского рубежа.

¹ Жигалов Владимир Михайлович, «Историческое общество “Ратник”» (РФ, Белгород), vladimir.zhigalov@inbox.ru.

В 1679–1682 гг. в регионе реализуется следующий этап укрепления южных рубежей: возводятся Палатовский вал и Новая черта, соединенные в определенном месте с Белгородской. К этому времени число городов в регионе выросло с 15 до 60 и более. Города были центром организации локальной обороны, сохраняя при этом зависимость от центра и находясь в непосредственном управлении белгородских воевод.

В результате на южном направлении России удалось выстроить эффективную систему управления территорией и организовать наиболее эффективную оборону, которая строилась на периодическом возведении оборонительных линий, по сути, выполнявших роль опорных наступательных рубежей.

М.В. Калинин¹

Московско-Новгородский тракт в XVII веке

К числу важных вопросов социально-экономической истории, истории освоения пространства следует отнести вопрос функционирования путей сообщения. Настоящий доклад посвящен деятельности Московско-Новгородского тракта. Одна из ключевых дорог государства, Московско-Новгородский тракт, соединяла не только два крупнейших города страны — путем через Новгород, Псков и Ливонию часто пользовались приезжавшие в Россию иностранцы. Их записки позволяют увидеть, как функционировала дорога в XVII веке.

В основу исследования легли дневники трех иностранцев: Иоганна Брамбаха (секретарь посольства Ганзы в Москву, записи 1603 г.), Николааса Витсена (участника посольства Нидерландов в Москву, записи 1664–1665 гг.) и Патрика Гордона (шотландский военный на русской службе, записи за 1686 г.). Все трое авторов проезжали по дороге в летний период (конец мая, июнь и август). Расстояния между указанными на дороге населенными пунктами даны по «Дорожнику российскому...» 1796 г. (трасса дороги в XVIII веке принципиально не изменилась).

В ходе исследования были сделаны следующие наблюдения:

1) В XVII веке Московско-Новгородский тракт представлял собой сложную транспортную артерию, на которой функционировали ямские станы и постоянные дворы.

2) Несмотря на то, что в поверстных книгах XVII века вся Московско-Новгородская дорога представлена как единый тракт, ее финальный отрезок — от Бронницкого яма до Новгорода (35 верст по Дорожнику 1796 г.) — все трое авторов проезжали водой, по реке Мсте.

3) Техническое состояние тракта позволяло преодолевать путь между Москвой и Новгородом (542 версты по Дорожнику) за неделю. Так, Гордон, не испытывая проблем с проезжими грамотами и лошадьми, выехал из Новгорода в ночь на 24 августа 1686 г. и добрался до столичной Иноземной слободы в 5 часов вечера 31 августа того же года. Отметим, что он и его спутники ездили по ночам, останавли-

¹ Калинин Михаил Владимирович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., mixail.k179@gmail.com.

ваясь только для трапез. Встававшие на ночлег Брамбах и Витсен проделали этот путь дольше — за 13,5 и 12 дней. Таким образом, следуя без остановок на ночлег, путник мог проехать за сутки две-три ямские станции (около 80 верст). С остановками на ночлег путник проезжал за сутки только одну-две станции (25–50 верст).

4) Препятствиями на пути были отдельные участки гнилых мостовых (в особенности возле Клина, на них жалуются и Брамбах, и Гордон); остановка в пути могла быть вызвана также отсутствием ямщиков (из-за чего Витсен и его спутники провели целый день в Вышнем Волочке).

М.А. Киселев¹

Проблема формирования «Екатеринбургского ведомства» в 1720-е гг.

Преобразования в царствование Петра I ассоциируются, прежде всего, с унификацией административно-территориального устройства, выразившейся в разделении страны на губернии. В то же время не стоит забывать, что при Петре I сохранялись территории с особым статусом, которые не вписывались в губернское деление. Самый яркий пример — это Гетманская Украина. Кроме того, именно в годы второй губернской реформы Петра I начинает складываться «Екатеринбургское ведомство» — территориально-административная единица внегубернского подчинения, которая управлялась региональным органом Берг-коллегии (Сибирским горным начальством / Сибирским Вышним горным начальством / Сибирским обер-бергамтом), находившимся с 1723 г. в Екатеринбурге. Еще в 1713 г. с целью улучшить работу казенных заводов, находившихся под властью Сибирской губернии, указом сибирского губернатора князя М.П. Гагарина Катайский и Колчеданский остроги и Калиновская, Угецкая, Багаряцкая, Каменская и Камышевская слободы были переданы «в ведомство» Каменского завода, Арамильская, Белоярская и Новопышминская слободы — «в ведомство» Уктусского завода. Как результат, управлявшие этими двумя казенными заводами комиссары сосредоточили в своих руках как управление производством, так и общегосударственную власть (прежде всего, сбор налогов, набор рекрутов, суд) в образовавшихся административно-территориальных единицах.

В 1718 г. для восстановления после пожара Уктусского завода в его «ведомство» был передан Катайский острог. В 1720 г. управление Уктусского и Алапаевского заводов было передано из Сибирской губернии в Берг-коллегию. Прибывший в 1720 г. на Урал представитель Берг-коллегии В.Н. Татищев принял под свое управление Уктусский завод и его «ведомство», а также добился у сибирского губернатора князя А.М. Черкасского в 1721 г. передачи к Алапаевскому заводу трех слобод — Арамашевской, Мурзинской и Невьянской. В конце 1721 г. Татищев организовал из двух заводских «ведомств» два дистрикта с населением около 12 тыс. чел. м.п. — Алапаевский и Арамильский (Уктусский) — во главе с земскими комиссарами, под-

¹ Киселев Михаил Александрович, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (РФ, Екатеринбург), к.и.н., mihail.a.kiselev@gmail.com.

чинявшимися Сибирскому (Вышнему) горному начальству, которое, в свою очередь, подчинялось Берг-коллегии.

После приезда в 1722 г. на Урал генерал-майора В.И. Геннина, отправленного Петром I для развития металлургических заводов, происходит как рост казенного производства, так и передача под власть переехавшего в новопостроенный Екатеринбург Сибирского обер-бергамта (так с 1723 г. стало называться Сибирское Вышнее горное начальство) новых населенных пунктов. Соответственно, образуются и новые дистрикты — Каменский и Камышловский. Правда, Геннин понижает руководителей дистриктов с комиссаров до приказчиков. Кроме того, в 1723 г. создается подведомственная Сибирскому обер-бергамту Земская контора во главе с земским комиссаром, которой подчиняются приказчики данных дистриктов.

Этот состоявшийся из дистриктов и управлявшийся из Екатеринбурга территориально-административный комплекс берг-коллежского подчинения в итоге стал называться уже в середине 1720-х гг. «Екатеринбургским ведомством», в рамках которого к середине XVIII в. проживало около 40 тыс. чел. м.п. Однако появление такой административно-территориальной единицы с особым статусом не было должным образом зафиксировано в имперском законодательстве. Как результат, в середине XVIII в. в некоторых столичных документах можно было встретить упоминание уезда с центром в Екатеринбурге, в то время как во внутренней документации эта административно-территориальная единица называлась не уездом, а «Екатеринбургским ведомством», которое будет ликвидировано лишь в ходе губернской реформы Екатерины II.

Я.А. Лазарев¹

Малороссия в системе имперского управления, 1708–1722 гг.

В предлагаемом докладе предпринята попытка обратиться к истории управления Малороссией в 1708–1722 гг. В историографии данный сюжет неразрывно связан с проблематикой влияния петровских реформ на украинскую казацкую государственность. На страницах научной и публицистической литературы Петр I предстает перед читателем как злой гений для свободолюбивых украинских казаков, чьи государственность и права пали жертвой имперских амбиций царя-преобразователя. В этой логике рационализации вполне естественным выглядело то, что петровские реформы в сфере управления Малороссией и организации казацкого войска вынудили гетмана И.С. Мазепу перейти на сторону шведского короля. Также считается, что Петр воспользовался изменой Мазепы для ужесточения правительственного курса, направленного против украинской автономии. Однако наиболее заметные корректировки внешнего управления Малороссией происходят лишь в самом конце царствования Петра I, в 1722–1723 гг. (создание Малороссийской коллегии и назначение великороссийских полковников в казацкие полки), не затронув особое самоуправление, просущество-

¹ Лазарев Яков Анатольевич, Уральский федеральный университет (РФ, Екатеринбург), к.и.н., 9lazarev@gmail.com.

вавшее до середины 1760-х гг. На основании последних данных предполагается объяснить данный парадокс через анализ планов Петра в отношении Малороссии и их практической реализации, на которую повлиял конфликт внутри российской правящей элиты.

Г.В. Ибнеева¹

Поездки императрицы Екатерины II по стране как способ организации имперского пространства

Объектом рассмотрения являются способы организации имперского пространства в ходе путешествий императрицы Екатерины II по стране. В докладе обозначаются аспекты коммуникации российской власти и российских губерний, в том числе и недавно присоединенных, в момент подготовки этих путешествий, а также во время встречи императрицы.

Важный вопрос изучения — выбор маршрута и цели высочайшего посещения отдельных частей империи, реализация которых и должна была способствовать более высокой организации имперского пространства. В докладе рассматриваются виды транспорта, используемого императорским «поездом», особенности дорожных коммуникаций посещаемых губерний.

Как были представлены губернии в коммуникации с российской властью? Особое внимание обращено на особенности организации подготовки губернской бюрократией встречи Екатерины II: ремонт дорог, пристаней, выстраивание и приведение в порядок присутственных мест. Во второй половине 1780-х гг. станет актуальным показ императрице зданий новых учреждений, в том числе городских дум, которые тогда еще не везде были открыты.

Другим аспектом изучения становится анализ коммуникации Екатерины II с губернаторами и наместниками в момент ее приезда и пребывания в губернии. Объектом рассмотрения является анализ церемониала встречи императрицы на границах губерний, позднее — на границах наместничеств. Важной целью посещения являлся контроль за местной администрацией, ознакомление с результатами реформ, в том числе реформы местного управления 1775 г., преобразований 1780-х гг. В докладе показаны средства возможного ознакомления Екатерины II с положением дел на местах, личное посещение присутственных мест, учреждений, прием рапортов о состоянии губерний. Отдельное внимание уделено работе комиссии для изучения губерний, по сообщениям которой императрица Екатерина II во многом судила о положении дел на местах.

В докладе анализируются особенности коммуникации императрицы с наместниками недавно присоединенных земель (Белорусское, Екатеринославское наместничества), а также с дворянством новых губерний. В Белорусском наместничестве Екатерина II предпринимает меры, направленные на интеграцию польского дворянства в

¹ Ибнеева Гузель Вазыховна, Казанский федеральный университет (РФ, Казань), д.и.н., guzel.ibneyeva@yandex.ru.

новую социальную и административную структуры империи. В докладе показаны конструктивные результаты высочайшего посещения — указы о начале межевании земель в отдельных губерниях и т. д.

И.А. Панкрат¹

Возникновение административной чересполосицы в процессе колонизации степных окраин (на примере Симбирского и Пензенского уездов в первой половине XVIII века)

Во второй половине XVII и первой половине XVIII столетия колонизация правобережного Поволжья была неразрывно связана со становлением вокруг Симбирска и Пензы пространства двух крупных уездов, между которыми не проводилось четкой демаркации границ. При таком раскладе административная принадлежность поселения и его земельной дачи определялась исключительно правовой подотчетностью жителей тому или иному уездному центру, а их дальнейшее расселение в ходе освоения новых земель порождало административную чересполосицу, ликвидированную лишь екатерининской административной реформой. Данное явление проявлялось как в виде анклавов уезда за пределами его основной территории, так и в форме подчинения одного населенного пункта двум разным уездам.

Исследователи, занимавшиеся изучением истории освоения Среднего Поволжья, периодически кратко констатировали наличие административной чересполосицы в Симбирском и Пензенском уездах, однако не уделяли должного внимания ее происхождению. В настоящем докладе представлен разбор отдельных случаев чересполосного деления, дающий возможность выявить причины его появления: если в конце XVII — начале XVIII века рассматриваемый феномен порождался отказом поместных земель на одной территории двумя разными приказными избами, то начиная с проведения первой ревизии к чересполосице приводила миграция ревизского населения вглубь Пензенского уезда с сохранением податной подотчетности Симбирской провинциальной канцелярии.

Д.А. Хитров²

Павловская реформа административно-территориального деления³

Как известно, до последней четверти XVIII в. в основе системы административно-территориального деления страны лежала исторически сложившаяся система уездов, восходившая в центре еще к периоду складывания единого государства, а на окраинах — ко времени их первоначального освоения. Однако в 1775–1802 гг. были проведены две крупные реформы, перестроившие административно-территориальное

¹ Панкрат Иван Алексеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., ipancrat99@gmail.com.

² Хитров Дмитрий Алексеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., dkhitr@yandex.ru.

³ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00391 «Губернская реформа Павла I: Историко-картографическое исследование».

деление на качественно новых принципах — примерного равенства населения губерний и уездов и транспортной доступности административных центров для населения.

Преобразования 1797–1804 гг. стали завершающим этапом этой серии реформ; на сегодняшний день это самая малоизученная их часть. В 1797–1798 гг. было упразднено 143 уезда и несколько губерний, а между сохранившимися свой статус административными центрами произошло сложное перераспределение территорий, логику которого предполагается прояснить. Реформа была отменена спустя четыре года, но возвращение к екатерининскому делению не было полным.

В докладе на основании картографических источников этого времени показано, какие территории меняли свою административную принадлежность, какие уезды и губернии создавались и упразднялись, какие изменения коснулись сети административных центров разного уровня, в каких регионах и по каким причинам не произошло возврата к екатерининскому делению.

Город, горожане, городская жизнь в России XVII–XVIII вв.

Попытка боярина А.Л. Ордина-Нащокина превратить дворцовое село Поречье в город европейского типа

В докладе рассматривается попытка боярина А.Л. Ордина-Нащокина ввести в 1669 г. магдебургское право и самоуправление в дворцовом селе Поречье под Смоленском. Сведения об этом факте содержатся в материалах фонда Приказа княжества Смоленского РГАДА.

Поречская пристань играла важную роль в русской внешней торговле, проходившей через Ригу. А.Л. Ордин-Нащокин видел перспективу развития Поречья как международного торгового центра, организованного по образцу европейских городов. Примеры городов с самоуправлением имелись и в России. Сам Ордин-Нащокин за несколько лет до Поречья организовал самоуправление в Пскове. В Смоленске магдебургское право сохранялось со времен польского владычества. Начальник Посольского приказа, вероятно, решил, что жители Поречья примут присланные им «статьи» и станут жить по-новому: «Священником и мещаном и волостным людем ведать вместе Порецком. Устроена будет Ратуша. И имеют быть бурмистры и райцы с переменою уставно по вся годы. И вместе над мещаны во всяких делах в управных суд и росправа им чинить». Однако уже через три года дворцовые крестьяне и мещане категорически отказались от новшеств. Это было обусловлено не столько неприятием нового и приверженностью к традиции, сколько простым чувством страха и желанием оставаться под защитой дворцовой администрации. Этот страх был вызван действиями смоленских мещан А. Миронова и К. Наумова, управлявшими Порецкой волостью. А. Наумов, например, хвалился тем, как он избивал крестьян. Его зять бил перед ним должников «ослопьем насмерть до крови». Это лишь малая доля из многочисленных и разнообразных преступлений смоленских мещан.

В сказках крестьян Порецкой волости было написано, «что они в ево, великого государя, дворцовых селех хотят быть по-прежнему. А во владению ими смоленским мещаном, чтоб великий государь пожаловал владеть ими не велел, а заводу, ратуше и магдебургскому суду у них не быть». Они хотели «быть по-прежнему в ведомости государских приказных людей».

В памяти великого государя, присланной в сентябре 1672 г., говорилось о прекращении деятельности К. Наумова и А. Миронова в Поречье и об отмене там «Магдебургского суда». Таким образом, А.Л. Ордину-Нащокину не удалось превратить дворцовое село в город европейского типа Порецк. Причина неудачи связана с так называемым человеческим фактором. Возможно, неплохая идея не была реализована из-за недостойного поведения людей, связанных с ее воплощением.

Вероятно, это была последняя инициатива Ордина-Нащокина перед его отставкой.

¹ Беспалёнок Елена Дмитриевна, Смоленский государственный университет (РФ, Смоленск), к.и.н., edbespalenok@mail.ru.

**Связь Белозерья с Московским печатным двором в XVII веке
(по архиву Приказа книгопечатного дела)**

Обширная документация архива Московского печатного двора (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1–3) о разных формах книгораспространения — от административного развоза до розничной продажи и бесплатного («безденежного») дарения книг — позволяет в пространстве и во времени сравнить уровень книжной культуры десятков городов XVII в., среди которых заметное место занимала и древняя Белозерская земля.

Так, в первой половине 1620-х гг., когда правительство предпринимало большие усилия по административному «бесприбыльному» (т.е. по себестоимости) развозу богослужебных книг во многие города страны, Белоозеро получило лишь 15 Миней мартовских 1624 г. издания, тогда как другим городам выделялись десятки и сотни пяти изданий Московского печатного двора (Апостол, Триоди, Миней служебные), что свидетельствовало об удовлетворительном состоянии регионального книжного фонда.

Уже в первый год (1632 г.) работы типографской книжной лавки на Никольской улице ее посетили 4 представителя белозерского уездного монашества (в том числе игумен и строитель Кириллова монастыря), купившие «з братьею» «для келейного правила» и «в церковь» по 3 Псалтыри с воследованием и учебные.

Интересная динамика белозерских книжных покупок в типографской лавке выявляется путем сравнения двух баз данных по записям о розничной продаже книг за 1636/1637 и 1662–1664 гг. Если в 1636/1637 г. лавку посетили только 3 уездных духовных лица (2 монаха и 1 священник, причем не из Кириллова монастыря), которые купили лишь 4 книги, заняв тем самым одно из последних мест среди 80 городов, то через 25 лет уже 13 человек за 21 покупку приобрели 113 книг 10 изданий, поднявшись тем самым на очень высокое 4-е место, пропустив вперед лишь Вологду, Ярославль и Каргополь. В основном покупались Требник и Житие Николая чудотворца. Показательно, что среди покупателей оказался всего лишь один светский человек «белозерец» Яким Семенов (посадский человек или местный дворянин), тогда как остальные были чинами Кирилло-Белозерского монастыря: строители, черные попы, слуги и стряпчий. Книги покупались ими во все времена года, но в основном весной и летом, особенно накануне церковных постов в марте и августе. Среди дней недели наибольшее число книжных покупок приходится на среды, когда в Москве действовал общегородской базар.

В 1650-е гг. при патриархе Никоне белозерцы с целью приобретения «новоисправленных» богослужебных книг регулярно посещали типографскую лавку. Например, 3 сентября 1653 г. казначей Кириллова монастыря Иосиф купил 10 часословов.

¹ Пушков Виктор Петрович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., pushkov@wwwcom.ru.

Новые празднества в городской культуре петровского времени

Русская городская культура допетровской России была теснейшим образом связана с церковным календарем, и все городские праздники носили религиозный характер, порой смешивая с православным основанием языческие пережитки и верования.

Создавая новую столицу Санкт-Петербург как образец европейского образа жизни, Петр I уделял большое внимание массовым городским гуляниям, развлечениям и празднествам. Практически все они носили светский характер, наделялись большим просветительским и пропагандистским содержанием.

Самым зрелищным и насыщенным действием были триумфальные шествия войск, проходившие через «триумфальные врата» и завершавшиеся фейерверком. Начиная с 1696 г. и до 1725 г. в Москве и Санкт-Петербурге было построено 36 триумфальных арок, украшенных аллегорическими и символическими картинами и фигурами, сопровождаемыми пояснительными надписями.

Абсолютной новацией в городской жизни были празднования спуска кораблей на воду. Оставившие описания этих торжеств иностранцы утверждали, что в них принимали участие несколько тысяч жителей столицы.

После создания Летнего сада царь устраивал гуляния для всех жителей города, ставя лишь одно условие для допуска на это мероприятие — наличие чистой одежды. Расставленные в саду копии античных статуй, а также скульптуры животных из басен Эзопа сопровождалось изложением сюжета басен или пояснительными надписями для просвещения посетителей.

Наконец, знаменитые ассамблеи предназначались для всех желающих. Хозяин дома мог даже не присутствовать на этом приеме, но обязан был подготовить прохладительные напитки и настольные игры (кроме карт, которые были запрещены).

Были и другие нововведения, не закрепившиеся в городской культуре Санкт-Петербурга: массовое катание в лодках по Неве всех жителей береговой линии или шуточное празднование первого и последнего дня апреля с устройством фальшивых пожаров.

В целом, общее направление новых празднеств, вводимых Петром Великим, сводилось, по его словам, к «приучению подданных к людскости». Понятие «людскость» в петровское время означало именно умение вести себя в обществе, участвуя в новых массовых городских мероприятиях. К концу XVIII столетия под «людскостью» уже понимали гуманность или человечность, судя по свидетельству Н.М. Карамзина и его современников.

¹ Черная Людмила Александровна, Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова (РФ, Москва), д.и.н., tchernie@rambler.ru.

Е.Н. Наседкин¹

Неожиданные возможности таможи: история одного казуса, случившегося на Московской Большой таможе в 1753 г.

Доклад продолжает дискуссию о злоупотреблениях, которыми сопровождались службы посадских людей в таможнях и других казенных учреждениях. С одной стороны, в историографии подчеркивалась крайняя разорительность служб, с другой — выборная бесплатная служба таможенников нередко вызывала подозрения в коррумпированности у исследователей.

В сообщении проанализирован казус неочевидного, на первый взгляд, нарушения, случившегося на Большой Московской таможе. Таможенники незаконно воспользовались правом задерживать нарушителей. Они задержали оброчного крестьянина подмосковного села Мячкова, чтобы вернуть частный вексельный долг московского купца, поручителем которого являлся задержанный крестьянин. Так совпало, что это случилось прямо накануне знаменитой реформы П.И. Шувалова и отмены архаичной системы внутренних таможен.

Н.А. Четырина²

Градообразующие элементы пространственной структуры Сергиевского посада XVIII–XIX вв.

Сергиевский посад — городское поселение в Московской губернии. Оно возникло и сформировалось из нескольких сельских поселений различного статуса около знаменитого Троице-Сергиевского монастыря к XV в. Застройка происходила стихийно, главным образом вдоль исторически сложившихся дорог, ведущих к монастырю, повторяя их повороты и изломы. Наиболее значимым было село Клементьево. В нем уже в конце XVI в. были две деревянные церкви с колокольней, лавки, монастырский постоялый двор, тюрьма, различные структуры местной власти («тиунский», «земский» и «губной» дворы) и 262 двора местных жителей. Жители вместе с обителью пережили все трагические перипетии осады 1608–1610 гг., а затем восстановили свои жилища. К середине XVIII в. около монастыря существовало уже 6 приходов со своими приходскими церквями. Императорским указом 1782 г. поселение около Троице-Сергиевой лавры было преобразовано в «посад под именем Сергиевский».

Конец XVIII в. — это время проведения активных мероприятий по перепланировке городов, заботы о «регулярности», презентабельности внешнего облика. В 1792 г. губернским землемером Г. Хомяковым был создан проект перепланировки с четкой системой улиц. Он неоднократно уточнялся и дорабатывался, а его реализация растянулась на несколько десятилетий. Уменьшилась плотность застройки, утратилась

¹ Наседкин Егор Николаевич, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., ennhist@gmail.com.

² Четырина Наталья Аркадьевна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., nchetyrina@yandex.ru.

путанность улиц и переулков. К концу XVIII в. были обозначены границы Сергиевского посада и поставлены важные их символы — караульные будки.

В первой половине XIX в. изменилась трассировка Московско-Переславской дороги (шоссе), а в 1862 г. открылась железная дорога со станцией Сергиево. Клементьево оказалось в стороне и потеряло значение торгового центра. Центральное место продолжал занимать ансамбль Троице-Сергиева монастыря, к которому сходились главные улицы, вело шоссе и железная дорога, а вдоль монастыря стояли общественные и частные постройки различного назначения и даже тюремный замок.

Н.В. Козлова¹

Отпуск на волю дворовых людей: законодательные нормы и применяемые практики в городской среде России XVIII в.

С конца XV в. и до податной реформы Петра I наряду со старинными, или «полными», холопами, существовавшими издревле, имелись холопы кабальные, оказавшиеся в неволе по долговым и служилым кабалам. Первые переходили по наследству, а вторых после смерти владельца следовало отпускать на волю, оформив отпускную запись в Холопьем приказе, а по городам — в съезжих избах. Соборное Уложение 1649 г. четко различало эти две категории холопов. Со второй четверти XVI в., то есть задолго до законодательного закрепления этой нормы, практика отпуска холопов на волю, причем не только кабальных, но и полных, прослеживается по духовным служилых людей.

С начала Северной войны Петр I повелел годных к службе дворовых людей, отпущенных после смерти владельцев, записывать в солдаты. Господские люди по собственному желанию также могли поступать на военную службу. После распространения подушной подати на «людей боярских» принимать их на службу было запрещено, и возобновилась практика освобождения дворовых с отпускными письмами. В отличие от законодательных норм практическая сторона этого распространенного социального явления специально не изучалась.

Сохранившиеся в фонде Юстиц-конторы РГАДА (№ 285) крепостные записи отпускных на дворовых за 1717–1780 гг., а также их челобитные и протоколы Юстиц-конторы позволяют выяснить обстоятельства и процедуру отпуска на волю дворовых, возникавшие при этом коллизии, а также перспективы их дальнейшей судьбы и занятий. Отпускные письма, написанные в домах, скреплялись подписью и личной печатью владельца и удостоверялись свидетелями. В этом случае требовалась их регистрация в крепостных учреждениях, а затем представление в надворный суд или губернскую канцелярию для вынесения решения о судьбе отпущенного дворового. Сохранялась, хотя и не была обязательной, практика награждения холопа при отпуске на волю. Податная реформа Петра I способствовала стиранию граней между холопами старинными и кабальными. Термин «холоп» вскоре был вытеснен термином «дворовой», а

¹ Козлова Наталия Вадимовна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., kozlova.n.v.i@gmail.com.

на свободу в равной степени могли отпускать любого дворового человека. Все зависело от воли владельца. Большая часть отпущенных вновь добровольно записывалась «вечно» за старым или новым хозяином. Манифест 17 марта 1775 г. ориентировал отпущенных на волю крепостных людей вступать в мещанское или купеческое состояние, что отражало объективную необходимость изживания архаических форм личной зависимости.

А.В. Барсукова¹

Место «яблоневого сада»

в социально-экономических отношениях коломенцев в XVII столетии

Современное развитие историко-культурного туризма в подмосковной Коломне и продвижение такого бренда, как «коломенская пастила», поставили перед исследователями вопросы, связанные с историей данного продукта, и постепенно позволили выявить традицию яблоневого садоводства, активно процветавшую в XVII столетии и оказавшую устойчивое влияние на социально-экономические отношения горожан.

Анализ содержания таких источников, как таможенные книги, оброчные переписи коломенского торгового двора, «сговорные брачные записи», заключавшиеся между горожанами, показывают, с одной стороны, роль садовых урожаев для расширения товарного ассортимента коломенских посадских людей, а с другой — регламентирование порядка обращения с яблоневым урожаем в случае различных семейных обстоятельств.

Отдельное внимание в докладе уделено богатству яблоневых садов Коломны, которые были включены не только в социально-экономический быт горожан, но и являлись концептуальной частью городского пространства, производящей яркое впечатление на путешественников XVII столетия.

На примере развития городского садоводства в Коломне показано, как процесс выделения конкретных экономических направлений в деятельности того или иного города и отражался на формировании регионального товарного ассортимента, и проявлялся в складывании всероссийского рынка в XVII веке.

Товарное садоводство занимало уверенное место в составе направлений торгового предпринимательства коломенцев, которые деятельно участвовали в организации городской жизни и способствовали экономическому развитию центра, юго-восточного и южного регионов страны.

Изучение истории товарного садоводства Коломны позволяет показать, что рождение новых предпринимательских инициатив, выстроенных с опорой на актуализацию исторического опыта, уникального для определенной территории, может стать «живым словом» и «наглядным образцом» в продвижении успешных примеров опыта

¹ Барсукова Анжелика Владимировна, Национальный центр содействия эколого-социальному и инновационному развитию территорий (РФ, Москва), к.и.н., vtubell14@yandex.ru.

отечественного предпринимательства для реализации лучших традиций экономически сильной России.

М.В. Николаева¹

**Иноземные мастера художественных профессий
(резчики, токари, столяры) в Москве. Вторая половина XVII в.**

История формирования штата квалифицированных мастеров по дереву в московских государственных учреждениях — Оружейной палате и Приказе Большого дворца — во второй половине XVII в., служебная и частная жизнь иноземных мастеров может быть рассмотрена на базе приходо-расходных книг и по столбцовым материалам Архива Московской Оружейной палаты (РГАДА. Ф. 396).

В ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. в Россию из восточных земель Великого княжества Литовского «вышли» и поступили на службу в Оружейную палату резчики Клим Михайлов (родом из Шклова), Герасим Окулов (из Дубровно) и др., в Приказ Большого дворца — Осип Андреев (из Вильно), Андрей Федоров (из Орши) и др. В мае 1660 г. по «призыву» Оружейной палаты из Витебска выехали вместе с резчиками по кости и бронниками «сницари» Давыд Павлов и Якуб Погорельский. «Иноземным» ремесленникам, взятым на русскую службу, был определен денежный оклад и кормовые, но, в отличие от русских мастеров, не дано хлебное жалованье, что привело в 1661–1663 гг. в связи с инфляцией в стране к многочисленным жалобам на обнищание и, как следствие, к ревизии численного состава и системы оплаты. «Мастеровые люди, которые плохи и дела их мастерства не прибыльны», из Оружейной палаты были «отставлены», хотя основной состав резчиков и столяров сохранен (при этом их денежное довольствие — оклад и кормовые — были сокращены, но «учинено хлебное жалованье»). Применялись и другие варианты решений: оклад резчика Якуба Погорельского к 1665 г., например, был уменьшен более чем вдвое (с 13 рублей до 6), а в 1667 г. отдан (вместе с хлебным жалованием и кормовыми) русскому ученику Давыда Павлова, токарю Андрею Иванову.

Особый интерес к служебной деятельности мастеров по дереву «польского выезда» заключается в том, что они специализировались на изготовлении предметов царского обихода (мебели, детских игрушек, настольных игр — многие из этих предметов, характеризующих повседневный быт царской семьи, сохранились в музейных коллекциях), а также на выполнении крупных проектов Палаты, связанных с изготовлением церковных иконостасов для московских монастырей (Новодевичьего, Донского и др.), храмов Теремного дворца в Кремле, подмосковных дворцовых сел (Измайлово, Алексеевское и др.). К этим работам, помимо упомянутых мастеров, привлекали таких талантливых, хорошо известных приезжих «сницарей», как Степан Зиновьев, Антип Леонтьев, Константин Андреев.

¹ Николаева Мария Валентиновна, НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ (РФ, Москва), к.и.н., m-nikol@yandex.ru.

Работа иноземных мастеров и их многочисленных русских учеников во второй половине XVII в. сыграла определяющую роль в развитии новых тенденций в иконо-стасном строительстве: комплекс многоярусных резных конструкций, созданных ими для монастырских храмов и церквей в царских резиденциях, представляет собой уникальное явление в русском прикладном искусстве.

Определенные сведения об условиях, в которых протекала частная жизнь «выезжих» мастеров, дают челобитные и исковые дела, посвященные разного рода просьбам и тяжбам. Разбирательство в Оружейной палате, происходившее в 1668 г. по случаю ссоры на крестинах в доме резчика Г. Окулова «иноземных» гостей, в числе которых были резчики по дереву и кости из «поляков» с женами, позволяет подтвердить следующее явление. Приезжие мастера, расселенные в начале службы в Оружейной палате по тяглым дворам Бронной слободы, затем стремились приобрести там же собственные владения и не только жили по соседству с товарищами «по цеху», но и поддерживали, помимо связей по службе, тесные внеслужебные отношения.

Д.А. Редин¹

Посады Двинского уезда и губернский бюджет (1711–1713 гг.)

Государственное хозяйство (пользуясь термином П.Н. Милюкова) петровского времени имело мобилизационный характер, особенно в 1700–1710-е гг., и было сфокусировано на военных расходах. Идея концентрации материальных ресурсов в едином центре приобрела едва ли не концептуальный характер и легла в основу всех изменений в системе государственного управления: первой городской и первой областной (губернской) реформ, учреждения Сената и других, менее заметных административных мер. Создавая аппарат, наиболее приспособленный к решению задач по мобилизации ресурсов, Петр I не принял во внимание проблему материального обеспечения работы самого этого аппарата, особенно в его местном звене. Губернаторы, получив почти неограниченный административный ресурс, оказались лишены права распоряжаться материальными средствами, необходимыми для функционирования губернского управления. Губернские власти, практически лишены финансирования своей деятельности, стали передаточным звеном внушительных сумм и материальных припасов в т.н. «указные места», простыми кассами, как их называли дореволюционные историки. И тем не менее местным администрациям надо было как-то существовать, обеспечивать свою деятельность по выполнению государственных задач.

Один из таких механизмов решения проблемы демонстрируют документы земского посадского самоуправления Двинского уезда Архангелогородской губернии. Их удалось обнаружить в ходе работы по изучению истории резонансных следственных дел второй половины 1710-х гг. в фонде Канцелярии конфискации РГАДА. Речь идет о сводной табели земских расходов за 1711–1713 гг. и сопровождающих их документов, анализу которых и посвящен доклад.

¹ Редин Дмитрий Алексеевич, Уральский федеральный университет (РФ, Екатеринбург), д.и.н., landrat14@mail.ru.

**Торговля в Китай-городе в конце XVIII в.
по ревизским и другим материалам по истории московского купечества**

Для изучения торговли в Москве в конце XVIII – первой половине XIX в. важнейшим и информативным источником являются ревизские сказки V ревизии (прошла в Москве летом и осенью 1795 г.). Объемистый том (868 страниц *in folio*) со сведениями ревизий в виде регест, опубликованный в 1886 г. Н.А. Найденовым, содержит данные о 10457 купеческих и мещанских семействах (купеческих сказок — около 4 тыс.). При этом в 70% случаев дана информация о предпринимательских занятиях главы семьи (мужчины или женщины), например, «торгует в Старом Овощном ряду шелковым товаром», «торговлю имел у Казанского собора в книжной лавке», «сын торгует в Суровском ряду китайками», «музыкальным товаром на Ильинке в доме Плотникова». Систематизация этих массовых данных позволяет прояснить картину московской торговли в Китай-городе — центральной коммерческой зоне «Московской столицы», в том числе установить социальный статус торговцев, их специализацию по роду товара, дать топографию торговых лавок. В дополнение к этому основному источнику информации будут использованы опубликованные И.Е. Забелиным в 1884 г. реестры лавок, что позволит рассмотреть и типизировать торговые помещения не только по топографии, но и по их архитектурным и физическим параметрам. Для реконструкции биографий ряда лавковладельцев и торговцев, а также их деятельности будут привлечены архивные дела из Центрального государственного архива г. Москвы.

**Генерал-полицеймейстер Санкт-Петербурга А.М. Девиер:
роль личности в системе городского управления³**

Создание на берегах р. Невы новой имперской столицы Санкт-Петербурга представлялось Петру I делом государственной важности — на это было брошено множество человеческих сил, материальных ресурсов, творческой энергии и идей. В силу особого идеологического и административного положения Санкт-Петербурга в системе государственного управления на должности руководителей городских органов власти назначались по преимуществу люди доверенные, проверенные годами службы и близкие государю. Так, в 1718 г. генерал-полицеймейстером столицы стал генерал-адъютант царя, зять светлейшего князя А.Д. Меншикова Антон Мануилович

¹ Ульянова Галина Николаевна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., galina.ulianova@gmail.com.

² Накишова Марина Тазабаевна, Уральский федеральный университет (РФ, Екатеринбург), к.и.н., m-nakishova@mail.ru.

³ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-01059, «Механизмы функционирования социальных связей в контексте государственного реформирования в России во второй половине XVII – начале XVIII вв.».

Девьер. Ему поручалось «добрую полицию учредить», обеспечивать благополучие и безопасность населения, следить за соблюдением регламентаций и «регулярностью». Со временем вокруг А.М. Девьера образовался штат служащих, сформировавших Полицеймейстерскую канцелярию.

Учитывая современные историографические наработки, касающиеся полицейского ведомства в Российской империи, представляется актуальным не только обозначить место Полицеймейстерской канцелярии в системе управления Санкт-Петербургом, указать сферы деятельности А.М. Девьера как генерал-полицеймейстера, но и проследить его стратегии поведения, механизмы взаимодействия с другими политическими акторами. Предполагается, что личностные качества и социальные связи, сложившиеся вокруг А.М. Девьера, наравне с другими ресурсами способствовали достижению «государственного блага», эффективному управлению петровской полицией. Кроме того, включенность в «ближний круг» монарха и широкие должностные компетенции позволяли А.М. Девьеру укреплять свои политические позиции, расширять сферу влияния, реализовывать частные интересы, заручаясь поддержкой других петровских соратников.

Д.В. Гущина¹

Выборные заседатели городских магистратов и ратуш 1700-1760-х годов: социокультурный портрет

Пути экономического, социального и культурного развития русского города 1700–1760-х гг., а также отношения посадских жителей с центральной властью определили преобразования выборных органов городского управления. Однако реальная власть этих учреждений и, следовательно, их возможность влиять на жизнь города существенно варьировались от посада к посаду, варьировалось и поведение самих выборных. В разных городах можно было наблюдать подчас диаметрально противоположные стратегии: от яростной борьбы за магистратские должности до столь же упорного уклонения от службы. Не было единства и в степени преемственности между составами ратуш и магистратов в разных городах.

Исследование разных по количеству населения, административному значению и специализации городов Европейской России (всего 33 города) показало, что в различных городах выборные могли существенно отличаться по степени финансовой обеспеченности. Различалось и семейное положение выборных, что было особенно важно для бессрочной магистратской службы, во время которой делами купца должны были заниматься другие члены его семьи. Нередко в число кандидатов в магистратские служители попадали люди одинокие. При этом, выбирая менее обеспеченных финансово и не «семьянистых» кандидатов, посадские общины тем самым ослабляли как раз те органы городского управления, которые должны были защищать их собственные интересы от произвола иночинцев, а также местной и центральной администрации. Однако, выбирая в органы городского управления более состоятельных куп-

¹ Гущина Дина Вадимовна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., totedo@rambler.ru.

цов, окруженных многочисленными членами семьи, посадские люди могли столкнуться с произволом уже со стороны выборных. Подчас служители органов городского управления могли допускать грубые нарушения в службе, стремясь обогатиться (объявляя неправомерные сборы), или обогатить своих родственников (несправедливо распределяя подряды), или даже комплексно продвигать интересы определенной родственной и, шире, социальной группы внутри посада. При этом кандидаты активно задействовали в выборной борьбе разные виды социальных связей — семейных и деловых, вертикальных и горизонтальных. Таким образом, социокультурный портрет служителя выборного городского управления мог существенно варьироваться от города к городу, и от этих вариаций зависело в немалой степени то, насколько эффективны были эти органы и чьи интересы они проводили в жизнь.

К.В. Купченко¹

Ратуши и магистраты городов Смоленского региона XVIII в.

Материалы по вопросам функционирования городских магистратов и ратуш как судебно-административных органов Смоленского региона XVIII века аккумулированы в 10 фондах ГАСО.

Исследование показало, что городские магистраты и ратуши возникли еще в начале XVIII века, в период петровских преобразований. Закон от 7 ноября 1775 г. подтвердил их права как местных судебно-административных учреждений по делам посадского населения. С 1780 г. они вели дела только купцов и мещан. Магистраты действовали в городах, ратуши — в слободах и крупных торгово-промышленных селах; они состояли из присутствия (два бургомистра и четыре ратмана, избираемых на три года) и канцелярии под руководством секретаря. Претенденты предоставляли аттестаты с прежней службы. Утверждение в должности определялось собранием купцов и мещан в магистрате.

В материалах указанных фондов преобладают такие виды документов, как списки податного населения городов; книги, фиксирующие торговые, промысловые, финансовые и иные операции; реестры и ведомости сбора податей; ведомости цен на товары; дела, касающиеся соляного откупа, поставок и продажи соли; дела по отводу городских земель для застройки; рассмотрение различного рода судебных дел: мелкие уголовные дела (побои, оскорбления, обида), имущественные споры, жалобы на бездействие членов магистрата, правонарушения со стороны горожан по отношению к членам магистрата (побои, рукоприкладство), прошения о переходе горожан из одного сословия в другое и т. д.

Дела рассматривались в магистратах в присутствии сторон. По материалам дела собирались поручные записи, опрашивались свидетели. Допросы и опросы проводились под присягой крестоцелования в присутствии местного священнослужителя.

¹ Купченко Константин Владимирович, Смоленская государственная сельскохозяйственная академия / Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РФ, Смоленск), к.и.н., konstan1977@yandex.ru.

Городовые магистраты и ратуши были ликвидированы в соответствии с «Правилами об упразднении магистратов и судебных ратуш» от 13 апреля 1866 г.

А.Н. Гуслистова¹

Социальная стратификация вологодского посада в первой трети XVII в.

Социальная стратификация русского городского посада, закреплённая Судебником 1550 г., подразумевала деление посадского общества на две страты — «средних» и «молодых» людей. Однако в описаниях вологодского посада начала XVII в. присутствуют формальные признаки деления черных тяглецов на три страты: появляются «лучшие» люди. Разница в их податном обложении не так велика: по дозору 1617 г. «лучшие» (4 семьи) платили 2 алтына, «средние» (24) — от 8 до 0,5 денег, «молодые» — от 1 пирога до 1 пулы. Статистически семьи распределены почти равномерно: все «лучшие» проживали в одном Мироносицком сороке, а «средние» распределены почти поровну между девятью сороками.

Более того, упомянутые в дозорной книге 1616–1617 гг. оклады («до разорения», сразу после него и современный описанию) дают возможность проследить упадок потенциальных «лучших» и «средних» людей, которые на начало века должны были иметь другой статус. Например, убитый в 1612 г. В. Мологин явно был «лучшим», платя до разорения 2 алтын, умерший Б. Стогнин также платил 2 алтын. Целый ряд тяглецов до 1612 г. платили оклад «средних», что, несомненно, свидетельствует о наличии у них иного статуса, который на 1617 г. был понижен до «молодшего» по разным причинам. Являлись ли эти причины реальными или были результатом договоренности внутри посадской общины, сказать сложно. Но по писцовой книге 1627 г. в Вологде остается один «лучший» и три «средних» двора, зато появляются «бедные» и «худые» люди и «бобыли не тяглые бедные худые», которые податей не платят. При этом общая экономическая ситуация в городе, судя по описанию торговых рядов и сведениям таможенных книг 1620-х гг. Сухоно-Двинского региона, намного улучшается.

Парадоксальным образом социальная стратификация вологодского посада, с одной стороны, отражает какую-то степень правды: «лучшие» и некоторые «средние» люди действительно представляют фамилии успешных вологодских торговых семейных компаний XVII в., что выясняется благодаря просопографической базе данных, в которой систематизированы разнообразные источники XVII в., с другой — в городских кадастрах высоким социальным статусом промаркированы далеко не все успешные предприниматели, даже на момент писцового описания 1626–1628 гг.

Таким образом, механизм маркировки посада по стратам был достаточно сложным — по всей видимости, динамичным — и зависел от размера капитала отдельной посадской семьи. Скорее всего, он был результатом неких договоренностей внутри посада, между сороками, и преследовал очевидную цель уменьшения государственного податного тягла.

¹ Гуслистова Анна Николаевна, НП НИЦ «Древности» (РФ, Вологда), annavalentina@mail.ru.

Социально-экономическая структура города Козьмодемьянска в конце XVII – первой четверти XVIII в.

Преобразования петровского времени конца XVII – первой четверти XVIII в. существенно отразились на развитии российских городов, в том числе региона Среднего Поволжья и, в частности, Козьмодемьянска (основан в 1583 г.), расположенного на выгодном пересечении волжского водного пути и сухопутных дорог.

Материалы ландратской книги 1717 г. и «пополнительных» сказок 1723 г. позволяют в известной мере проследить ускорившийся процесс перехода «служилого» города Козьмодемьянска в «смешанный» тип поселения с многоотраслевой экономикой, связанной с торгово-ремесленной деятельностью, сельскохозяйственным производством (хлебопашество, животноводство, огородничество, садоводство) и отходничеством.

Социальная и хозяйственная трансформации охватили почти все социальные группы. Исчезла сословная прослойка стрельцов. Многие из них участвовали в азовских походах и Северной войне, служили городскими солдатами и рассыльщиками. Некоторые «кормились» ремеслом, торговлей и поденщиной, записывались в купечество. Хлебное и денежное жалованье для бывших стрельцов сменилось казенными подачами и повинностями.

Изменилось положение ямщиков, обязанных обеспечивать устойчивое транспортное сообщение до Нижнего Новгорода, Казани и в сторону Вятки. Прежние привилегии были отменены и сменились возросшей тяжестью «ямской гоньбы». Многие по рекрутскому набору были отправлены служить в армию, переведены «на вечное житье» в Тосно — почтовую станцию на новом тракте от Москвы до Санкт-Петербурга. Из-за «оскудения» Ямской слободы некоторые уходили в «бега». Тем не менее в ямской общине значительно активизировалась хозяйственная деятельность. В 1724 г. ямщики стали особой прослойкой — составной частью государственных крестьян.

Большие невзгоды испытывали и тяглые посадские люди. Резко возросли прямые и косвенные налоги. Начались трудовые мобилизации, рекрутские наборы и принудительные переселения, в частности, в Азов и Санкт-Петербург. Многочисленные повинности негативно отражались на «хлебопахотной работе», торгах и промыслах. Замена подворного обложения подушной податью, при которой новой фискально-податной единицей становилась ревизская душа мужского пола с ежегодной уплатой в казну по 1 руб. 20 коп., не привела к уменьшению налогового бремени. Социально-экономический облик посада, как и всего города рассматриваемого времени претерпел заметные изменения.

¹ Иванов Ананий Герасимович, Марийский государственный университет (РФ, Йошкар-Ола), д.и.н., anani@marsu.ru; Иванов Алексей Ананьевич, Марийский государственный университет (РФ, Йошкар-Ола), д.и.н., anani@marsu.ru.

**Социальная структура Екатеринбурга во второй четверти XVIII в.:
по материалам полицейской переписи 1738 г.**

Социальная структура Екатеринбурга во второй четверти XVIII в. является малоизученной темой исследования, которая требует привлечения широкого круга источников. Практически с самого начала своего основания населенный пункт стал важным производственным и административным центром. По мнению ряда ученых, Екатеринбург стал поселением нового типа — городом-заводом. Одной из его особенностей была скорость создания: завод и крепость были в короткие сроки заселены специалистами горно-металлургического производства.

На основе анализа полицейской переписи 1738 г. выявлены данные о составе и численности населения спустя 15 лет после основания Екатеринбурга. Они корректируют уже имеющиеся сведения о его жителях. В ходе переписи были учтены мужчины в возрасте 15–60 лет. Основу населения составили социально-профессиональные группы, занятые в производственных процессах (мастера, подмастерья, ученики, работники, рекруты, ссыльные и каторжные). Административные и инженерно-технические кадры не являлись большинством, но выполняли важную роль в организации производства. Прочие категории населения, за исключением военных, составляли незначительный процент от числа жителей. Изучение переписи показало, что между социально-профессиональными группами не существовало жестких границ, на социальную структуру города оказывала влияние политика горнозаводской администрации.

¹ Бородина Елена Васильевна, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (РФ, Екатеринбург), к.и.н., sosnovi-bor@yandex.ru.

Русская дворянская усадьба в практиках, образах, смыслах

Власть земли и практики добровольного сплочения в сельском мире

Крестьянский двор, помещичий дом и площадь перед церковью в социологии пространства сельского мира принадлежали к разным культурным мирам, но в определенных ситуациях, связанных со значимыми событиями церковного и сельскохозяйственного календаря, эти локусы становились проницаемыми и добровольное сплочение связывало господ, крестьян и священника в одну общность.

Понятие сельского мира, состоящего из крестьян, землевладельца и священника, настраивает исследовательскую оптику не на поиск социальных противоречий, отражающих отношения господства и подчинения, а на внимание к взаимозависимости. Истоки взаимозависимости в земледельческом обществе лежат в понимании свободы. Уважение оседлых земледельцев к безличной власти являлось условием для завершения длительного цикла земледельческого календаря. Что касается религиозных переживаний, нужно отметить, что земледелец был связан с явлениями жизни и произрастания, поэтому трагическому одиночеству и пессимизму здесь не было места. В социальной коммуникации ритуально-обрядовые игровые способы сплочения, такие как братчины и пирования, поддерживали социальный порядок через приобщение к «общей доле», воплощенной в обрядовой пище. Разнообразные обходы, совершавшиеся на разные годовые и престольные праздники, выполняли функцию пространственно-территориальной коммуникации, «горизонтального связывания» членов сообщества посредством ритуализированных форм дарообмена.

Ритуализированные формы общения, выполнявшие роль сплочения общины, в определенных ситуациях включали в круг ритуальной коммуникации в том числе и священника (общественная трапеза после молебна на площади перед церковью со священником во главе стола). В пированиях с последующим «перегащиванием», открытых для всех, участвовал и помещик. В праздничном застолье в самом господском доме на Рождество все садились за общий стол, на это время стирались социальные дистанции, размыкая обособленность господского быта. Ритуализированная пища (каравай) и ритуальное украшение дома (рождественский сноп) утверждали зависимость всего сельского мира от плодов земли. Карнавализованные формы культуры также размыкали границы, когда, например, в «русалью неделю» буйное веселье переносилось и на господский двор. В такие моменты весь сельский мир переживал ощущение нераздельности мира, а ритуальные действия и совместная пища воспринимались как способ обеспечить изобилие и плодородие земли.

¹ Шемякина Ольга Дмитриевна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., shemyakin3@gmail.com.

**Проблема реконструкции сознания
как основа сохранения и возрождения русского усадебного наследия**

Сегодня много говорят о катастрофическом состоянии русского усадебного наследия, о стремительной гибели русских усадеб: дворцов, усадебных парков, хозяйственных построек. На вопрос, что с этим делать, как остановить этот процесс, обычно поступает стандартный ответ: «Нужны деньги, и очень большие». И обыкновенное продолжение: «А их нет». Так ли это? Почему усадьбы оказались заброшены, почему ценнейшие в художественном и коммерческом отношении квадратные метры и гектары земли не используются? Что надо делать, чтобы вернуть жизнь в русские усадьбы и как эти действия повлияют на жизнь и культуру нашей страны? Попытаемся разобраться. И в этом нам помогут примеры из личного творческого и профессионального опыта докладчика. Доклад проиллюстрирован авторской фотосъемкой (в том числе экспозиционных работ автора).

О.В. Белоусова²

**Августейшие визиты в усадьбы гр. Шереметевых
во второй половине XVIII–XIX в.
в контексте развития коммеморативной культуры**

Графы Шереметевы занимали высокое положение при Дворе и были близки к императорской фамилии на протяжении XVIII–XIX веков. Свидетельством тому стали неоднократные августейшие визиты в усадьбы Шереметевых в Подмосковье и на Кавказе. Екатерина II посетила Кусково шесть раз, Александр II провел несколько дней в Останкино накануне коронации. Последний владелец Кусково дважды принимал Александра III и его семью. Во время длительного путешествия по Кавказу в 1888 г. император посетил имение Шереметевых Карданахи, которое было единственной дворянской усадьбой, отмеченной в царском маршруте. Различались сценарии праздничных торжеств в усадьбах (Кусково, Останкино, Карданахи), эволюционировала коммеморативная культура. Особенно отличался сценарий приема в Карданахи. Во-первых, объяснением тому являлась специфика расположения усадьбы, ее хозяйственная направленность, отсутствие исторических аллюзий (в Кусково постоянно делалось сравнение приемов Александра III и Екатерины II). Во-вторых, августейший визит не носил официального характера. Владельцы усадеб не только тщательно готовились к приему высоких гостей, но и старались максимально сохранить память об императорских визитах, что выразилось в создании обелиска, установлении памятной доски, музеефикации предметов, которые имели отношение к членам императорской фамилии, в составлении поэтических произведений и подробных описаний

¹ Путятин Илья Евгеньевич, Московский архитектурный институт (РФ, Москва), д.иск., iliaczerny@yandex.ru.

² Белоусова Ольга Владимировна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., belousova.olga@mail.ru.

этих дней. Примечательно, что к тщательной фиксации происходящего привлекались профессиональные историки (Н.П. Барсуков, Х.М. Лопырев).

Л.Н. Вдовина¹

**«На лоне сельской тишины»: русский дворянин в усадьбе
во второй половине XVIII – начале XIX столетия**

Культура дворянской усадьбы неразрывно связана со всем духовным и социокультурным укладом русской жизни XVIII–XIX веков. Усадебное пространство включало архитектурно-парковую, хозяйственную и культурную составляющие. Но наряду с этим русская усадьба неотделима от личности ее владельца. Усадьба — это место, где происходило личностное становление и самореализация русского дворянина. Вся жизнь большинства русских дворян была связана с усадьбой. Детство, юность, возвращение на некоторое время в годы учебы и службы, жизнь в отставке или опала, старость и упокоение в родовой усыпальнице — всё это этапы жизненного пути, неотделимые от усадьбы. Усадьба формировалась на основе эстетических идеалов и символов классицизма и сентиментализма. Под влиянием идей Ж.-Ж. Руссо в среде просвещенного дворянства возникло идеальное представление о независимой, «естественной» жизни на лоне природы, которое противопоставлялось суетному, «неестественному» существованию в городе, особенно в столице, при дворе. «Назад к природе» — этот призыв Руссо русский дворянин видел в мире своей усадьбы, которая подчас создавалась как своеобразный памятник самому себе.

Усадьба отождествлялась в сознании с Отечеством как «привязанностью к месту рождения». В жизни дворянина в усадьбе личностное, эгоцентрическое начало играло определяющую роль, в том числе и в распространении некоторых явлений из области моды в домостроительстве и парковой архитектуре. Идеал и реальность — две ипостаси века Просвещения, которые сталкиваются в усадьбе, были неразрешимы в российской действительности. Тем интереснее их анализ на материалах источников (мемуары, переписка, дневники, литературные произведения) второй половины XVIII – начала XIX века.

К.А. Петриков²

**Русская дворянская усадьба второй половины XVIII века
в работах Вольного экономического общества**

Анализ содержания публикаций Вольного экономического общества (далее — ВЭО) свидетельствует о многогранном восприятии современниками феномена дворянской усадьбы и различных проблем ее бытования в контексте «экономического просвещения» XVIII в. В основе воззрений авторов «экономических пьес» лежали

¹ Вдовина Людмила Николаевна (РФ, Москва), к.и.н., alvdo@yandex.ru.

² Петриков Константин Александрович (РФ, Москва), konstantinpetrikov@mail.ru.

весьма гетерогенные представления о предмете их изысканий — «экономии» или «домостроительстве», — представлявшем широкий спектр прикладных и теоретических проблем, объединенных идеей поиска «всего полезного», «исправления» человеческой и общественной природы и «улучшения» хозяйства.

Внимание данных авторов было направлено на различные социоматериальные процессы, разворачивавшиеся в усадебном пространстве. Выбор определенных из них в качестве предмета исследования во многом зависел от индивидуальной оптики, понимания стоявших перед ними хозяйственных задач, а также личных стратегий репрезентации. Вместе с тем социально-политическое наполнение проекта ВЭО, задумывавшегося в качестве посредника между придворным и академическим сообществами и проводника частной, прежде всего дворянской, инициативы, задавало этой заочной дискуссии определенные концептуальные рамки. В текстах поднималась проблема сопряжения государственной и «партикулярной» пользы, прорабатывалась идея об управлении помещьем и участии в экономических практиках как альтернативном государственной службе пути самореализации для дворян. Мы выделяем три наиболее часто встречающихся взаимодополняющих ракурса.

Чаще всего об усадьбе писали как о хозяйственной единице. Авторы делились опытом и предлагали новые способы управления материальными объектами (хозяйственными, природными) и обеспечения социальной гармонии в поместье. Обнародование помещиками своих «историй успеха» обозначало их как ревнителей общего блага, не стремящихся исключительно к личному благополучию.

Усадебное пространство рассматривалось и как мастерская или лаборатория, экспериментальный сад, в котором сам дворянин или приглашенный им ученый проводил ремесленные и ботанические опыты, научные изыскания, зачастую не имеющие своей целью прямую выгоду.

«Экономический» взгляд на усадьбу не отвергал и возможность ее восприятия в эстетических категориях. В ряде текстов усадебное пространство прочитывалось как особый ландшафт. Наличие в нем «полезных» ресурсов, правильно организованной инфраструктуры и хорошего порядка позволяло вообразить в рамках данного микрокосмоса схему идеальных взаимоотношений просвещенного дворянина с природой и социумом.

И.П. Кулакова¹

**Усадебный образ жизни русского дворянина второй половины XVIII века
в контексте развития культурных установок раннего Нового времени
(по материалам описи усадьбы Н.И. Новикова Авдотьино)**

Исследование комплекса материалов (описей имения Н.И. Новикова в селе Авдотьино за 1768–1792 гг. в сочетании с перепиской и мемуарами) позволяет расши-

¹ Кулакова Ирина Павловна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., kulakova.letter@gmail.com.

рять представления о чертах усадебной жизни, типичной для просвещенных хозяев-помещиков «средней руки» 70–90-х гг. XVIII в.

Одна из задач — реконструировать по описям предметно-пространственную среду, в которой воплощались на практике идеи Новикова по осмыслению управления хозяйством, рационализации сельского труда на земле как основы процветания не только имения, но и всего государства. Усадьба была также центром издательской деятельности.

Образуя «невербальное поле» культуры, материально-пространственная среда характеризует своего обладателя по признакам, определяющим его достаток, а также место как в социальной структуре общества (определенная роскошь бытовой обстановки), так и в социокультурной среде. Каждая вещь содержит в «свернутом виде» соответствующие культурные практики, а вещевые комплексы отражают культурные установки, разлитые в социуме.

В этом отношении жилые пространства усадьбы Авдотьино включали довольно обширные кабинетные (рабочие) зоны, разнообразную мебель для письменных занятий, книжное собрание в 600 томов. Можно также выявить комплексы предметов, связанных с коммуникативными практиками усадебной жизни: немалое число кроватей (для приема близких друзей и проживания сотрудников издательства), а также посуды, приборов, скатертей и салфеток и пр. для приемов. В усадьбе действительно проводились многолюдные праздники, что зафиксировали мемуарные источники (например, рукописная тетрадь И.П. Тургенева 1788 г.).

В главном доме присутствовало множество изображений (портреты, эстампы, силуэты, алебастровые изображения). Более чем вероятно, что это были знаковые образы деятелей Просвещения, литераторов, религиозных авторитетов. Упомянуты в описях и росписи на стенах (возможно, воплощавшие практику росписи по натянутому полотну, зафиксированную в других усадьбах).

Описи содержат также сведения о ряде производственных «заведений» в Авдотьино, о реалиях господско-крестьянских отношений (в частности, новом типе каменных домов-связей, спроектированных для крестьян).

Таким образом, усадьба Новикова выглядит как среда интеллектуального труда, общения и самовыражения (при возможности воплощать свои идеи на практике в рамках усадебного хозяйства).

В.А. Лётин¹

Ориентальный дискурс художественного универсума русской усадьбы XVIII – начала XX вв.

Ориентализм — одна из важных составляющих «географического атласа» усадебного художественного универсума. О его значимости свидетельствуют имеющиеся научные исследования, а о масштабности и многогранности этого явления —

¹ Лётин Вячеслав Александрович, Ярославский государственный театральный институт имени Ф. Шишигина (РФ, Ярославль), к.культ., liotin@yandex.ru.

выставочный проект «Пламень и негa Востока. Турецкая тема в русской культуре 1760–1840-х годов», представленный в пространстве ГИАХиЛМЗ «Царицыно» (11.10.2017–26.01.2018) и объединивший экспонаты из собраний более 20 российских музеев.

Общее увлечение культурой Востока как стран Европы, так и Российской империи было обусловлено в первую очередь политическими обстоятельствами. Однако в контексте религиозно-философских исканий в художественных практиках образ Востока приобрел специфические черты и стал выражением чувственности и чести. В зависимости от исторического этапа и специфики художественных вкусов хозяев усадеб актуализируется турецкая, мавританская, персидская стилистика.

Соотнесение функции, места расположения и стиля ориентальных сооружений позволит определить специфику этого феномена в художественном универсуме русской усадьбы. В докладе обращается внимание также на использование «восточного» стиля в интерьерах усадеб в виде элементов декора и предметов мебели. Антропологический аспект связан с использованием в быту аутентичных военных трофеев — как неодушевленных (пушки), так и живых (пленники). Это и просветительский, и романтический культурный миф о «восточном» образе жизни и внешнем облике человека в литературе и живописи.

Особый интерес представляет литературная тенденция, представляющая ориентальность как важную черту национально-культурной «русской» идентичности, что находит отражение в специфике усадебной географии, внешности персонажей и их нравов в произведениях И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, В.В. Набокова и др.

В докладе делается вывод о том, что ориентализм если и не определяет общий композиционный замысел усадебного ансамбля, то является важной его составляющей. Вносимые им семантические значения акцентируют важные идеи отечественной культуры, свойственные человеку XVIII – начала XX в. на различных этапах его развития.

Он является гендерным маркером приватного пространства усадьбы, акцентируя важные этапы маскулинного (честь, отвага, мудрость) и феминного (сексуальность, праздность, роскошь) образа жизни. Им же определяется и внешний облик человека, соответствующий гендерным тенденциям организации приватного пространства усадьбы.

А.В. Смирнов¹

Медицинские книги в усадебной библиотеке А.Т. Болотова

В творческом наследии выдающегося деятеля отечественной культуры XVIII века Андрея Тимофеевича Болотова большое место занимают труды по вопросам медицины, фармакологии и гигиены. По подсчетам исследователей, Болотовым

¹ Смирнов Аскольд Владиславович, Российский университет дружбы народов (РФ, Москва), к.м.н., ascold20@yandex.ru.

было опубликовано более 1400 специальных работ на медицинские темы, среди которых можно выделить первое оригинальное русское руководство по фармакогнозии «Руководство к познанию лекарственных трав», одно из первых отечественных исследований по физиотерапии «Краткие и на опытности основанные замечания о электрицизме...», ценные статьи о приготовлении и применении основных лекарственных форм, о помощи при отравлениях.

Медицину А.Т. Болотов рассматривал как один из семи важнейших предметов «сельского домоводства»: «Жизнь и здравие как собственное наше, так и подданных наших и сохранение оных кажутся наиважнейшими предметами, которые бы сельским домостроителям вниманием своим удостаивать надлежало, ибо без здравия куда годимся мы, куда наши подданные!». Стремясь овладеть не только теоретическими, но и практическими познаниями в области медицины, Андрей Тимофеевич осваивал лекарское и аптекарское дело под руководством богородицкого врача Ф.А. Бейтона и успешно лечил всех желающих — как собственных крестьян, так и родственников.

Дополнить наши представления о широте кругозора и начитанности Болотова в вопросах медицины позволяют сведения о составе личной библиотеки А.Т. Болотова в усадьбе Дворяниново Тульской губернии. В докладе рассматриваются некоторые русские и иностранные издания по вопросам медицины, входившие в это собрание: «Полный и всеобщий домашний лечебник...» У. Бьюкена (М., 1790–1792), труды Н.М. Максимовича-Амбодика «Анатомико-физиологический словарь... (СПб., 1783), «Врачебное веществословие...» (СПб., 1783–1789), «Искусство повивания, или Наука о бабичьем деле» (СПб., 1784–1786), а также книга Д.Я. Писчекова «Новый, легчайший и безопаснейший способ лечения чесотки» (СПб., 1786). Изучение личных книг А.Т. Болотова имеет большое значение не только для постижения личности ученого, но и для характеристики состояния медицинской науки его времени.

М.-В.М. Клинка¹

Хозяин городской усадьбы И.М. Шаден и его постояльцы-дворяне

В докладе предпринята попытка рассмотреть немецкого профессора Московского университета Иоганна Маттиаса Шадена (1731–1797) как владельца городской усадьбы в Немецкой слободе. По картографическим данным, профессор Шаден владел обширным участком со строениями, где проживал со своей супругой и одновременно содержал частный пансион, в котором обучались юные дворяне. В число знаменитых воспитанников пансиона Шадена входили, в частности, Н.М. Карамзин, П.П. Бекетов и А.П. Степанов. Целью исследования является реконструкция внешнего облика усадьбы Шадена и воспроизведение характерных для нее повседневных практик. Полученные выводы могут способствовать изучению Немецкой слободы второй половины XVIII века, а также феномена ученого «немца в Москве».

¹ Клинка Михаил-Валерий Михайлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., vosmik@mail.ru.

**Измерение и описание земель в XVII–XVIII вв:
техника и технология**

Землемерные работы по Генеральному межеванию Нижнего Новгорода и слободы Кунавиной в 1784 году²

Инструментальная съемка периода Генерального межевания до сих пор является белым пятном в истории конкретных населенных пунктов, хотя основные картографические материалы городов Центральной России введены в научный оборот историками МГУ и архивистами РГАДА. Реконструкция хода межевания на основании изучения частновладельческих планов, полевых записок и межевых книг отдельных городов открывает перспективы микроисторического исследования в данной области.

Особенности документирования межевых работ 1784 г. в Нижнем Новгороде позволяют восстановить и картографировать даты обмеров частных дач на общегородском плане, который сопровождался Каталогом владельцев (его оригинал и копия выявлены в РГАДА). Благодаря этому мы проанализировали соответствие действий землемеров рекомендациям Наставлений 1766 г. и оценили качество полученных картографических материалов.

В Нижнем Новгороде и состоящей при нем слободе Кунавиной было обмежевано 640 участков. Из них точные даты межевания имеют 209 участков, что составляет 32% от всей совокупности. Изучение этих дат в качестве атрибутов точечного шейп-слоя с дачами на электронной карте в программе QGIS показало, что землемеры двигались не по концентрическим кругам челочно-поступательно, как предлагало Наставление для межевания уездных дач, расходясь от центра к периферии, а иначе. Их трек был хаотичен, они возвращались в одно место несколько раз в разные дни. Возможно, не все владельцы в день проведения инструментальной съемки были дома, и землемерам приходилось возвращаться на следующий день, неделю спустя, иногда и позже к не снятым на план участкам и межевать их.

Также, исходя из анализа дат и локализации участков, мы выяснили, что в Нижнем Новгороде работали как минимум две землемерные команды.

Существовал «идеальный», официальный путь межевания, возникший при составлении общегородского плана в 1792 г. Мы получили его, соединив линией все земельные участки в порядке их нумерации на плане и посмотрели получившийся трек. Он показывал движение землемеров по часовой стрелке концентрическими кругами от Кремля в центре до границ селитьбы в городе, а в слободе Кунавиной — от главной площади также по часовой стрелке, пока круг не замкнулся на первом участке.

Наконец, сопоставив частные и общегородские планы Нижнего Новгорода, мы пришли к выводу, что качество картографирования было выше в первом случае и ниже во втором. Этот вывод соответствует аналогичным фактам, известным из литературы по другим городам Центральной России.

¹ Акашева Анна Анатольевна, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (РФ, Нижний Новгород), к.и.н., annakasheva@yandex.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Программы академического стратегического лидерства «Приоритет-2030» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Экономические примечания к планам Генерального межевания земель по Оренбургской губернии: структура и основное содержание

Измерения в рамках Генерального межевания земель по Оренбургской губернии производились в 1798–1842 гг. В ходе данного мероприятия был собран и систематизирован широкий спектр информации, который был представлен в целом комплексе источников. Среди них выделяются своей содержательностью Экономические примечания к планам Генерального межевания.

Из этих документов можно узнать о площади землевладения и землепользования, численности различных категорий населения к моменту проведения практических измерений на местности. Важной составляющей Экономических примечаний к планам Генерального межевания по вышеуказанному региону является наличие исторической справки о населении, которая была подготовлена местными чиновниками. Здесь констатируется, что «древние обитатели Оренбургской губернии есть башкирцы...». При этом обращается внимание на наличие старинного города Уфы, где традиционно размещался правитель. Кроме того, акцентируется внимание на процесс вхождения края в состав Российского государства: «...с общего всех согласия добровольно пришли в подданство царю Ивану Васильевичу, за что и пожалованы им владеемые ими земли». В свою очередь, башкиры обязались платить ясак в виде шкур пушных зверей и меда.

Весьма развернутая и содержательная информация относительно распределения угодий систематизирована по уездам губернии. При этом выделены несколько видов территорий края — это усадебные места, пашни, сенокосы, леса, степи, солончаки, неудобья. Пространство региона в совокупности охватывало 28125489 десятин. Из этой площади достаточно большое пространство составляли пашенные угодья — 2099170 десятин, сенокосы — 4263692 десятины. Аналогичная информация содержится и по каждой даче Генерального межевания данной губернии. Землей на территории губернии распоряжались или пользовались в зависимости от статуса представители различных этнических и социальных групп. В статусе собственников земли находились дворяне и башкиры. Пользователями угодий были мишари, тептяри, казенные, удельные и крепостные крестьяне. Общая численность населения по всем 12 уездам Оренбургской губернии составила по пятой ревизии 356886 душ мужского пола и 354213 душ женского пола.

Таким образом, Экономические примечания к планам Генерального межевания земель по Оренбургской губернии являются ценным источником информации об истории региона и уровне его социально-экономического развития на рубеже XVIII–XIX вв.

¹ Акманов Айтуган Ирекович, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (РФ, Уфа), д.и.н., aytuganakmanov@gmail.com.

**Новые источники по изучению Генерального межевания —
материалы Московской губернской канцелярии**

Доклад направлен на расширение источниковой базы изучения одного из крупнейших инфраструктурных мероприятий XVIII–XIX вв. — Генерального межевания, в основном связанное с делами Московской губернской канцелярии. В ходе архивных поисков были обнаружены описания городов — несколько дел, в которых отложились описания, по своему потенциалу приближающиеся к полным Экономическим примечаниям Генерального межевания; есть основания предполагать, что эти материалы являются исходными к составлению примечаний, они более соответствуют изложенным в межевом законодательстве положениям о фиксации местных достопримечательностей (например, «за городом Гороховцем вверх по реке Клязме имеется гора, именуемая Николская, оной вышина 73 сажени»). В них собраны ценнейшие статистические сведения о структуре населения городов, сведения об истории и их развитии. Обнаруженные дела прояснили также сравнительно мало известный аспект межевания — о подготовке столбов, предоставлении рабочих людей для их установки и копки ям — многие дела подобного характера из Межевой канцелярии были уничтожены в ходе кампании по уменьшению количества единиц хранения в конце XIX в. В обнаруженных материалах были выявлены сведения о развитии спорных ситуаций со всей сопровождающей внутренней документацией, особенно подробные из которых связаны с церковными землями.

**О способах перевода в десятины
смоленских единиц измерения земельной площади**

В переписных книгах Смоленской земли второй половины XVII в., наряду с общерусскими мерами, встречаются и другие единицы измерения площади пашни: волока, морг, жеребей, служба. Данное многообразие затрудняло работу писцов по подсчету суммарной площади пахотной земли. В настоящее время уже известно соотношение волоки, морга и десятины, но перевод, например, жеребья в десятину по-прежнему вызывает вопросы.

Так, Я.Е. Водарский на основании косвенных данных переписной книги Бельского уезда 1669 г. сделал вывод о том, что в среднем один жеребей засевался жителями 1-2 дворов. В том же источнике есть указания на то, что объем зерна, высеваемый каждым двором, составлял в основном 2 четверти ржи на полжеребья. При условии, что четверть объема обычно сопоставляется с четвертью площади, жеребей приравнивается к двум десятинам в поле, или к 6 десятинам в 3 полях. По словам иссле-

¹ Голубинский Алексей Алексеевич, РГАДА / Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., lehus.gol@gmail.com.

² Сорокина Анастасия Андреевна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., sorokina1999@yandex.ru.

дователя, этот результат может быть заниженным. Добавим к этому, что он основан на сводных, усредненных данных.

Совсем иная методика выявления нужного равенства была опробована во время проведения Генерального межевания. Землемеры искали точное соотношение жеребья и десятины в текстах крепостей, подаваемых землевладельцами. Принцип поиска излагался в «Инструкции Межевым Губернским Канцеляриям и Провинциальным Конторам» 1766 г. (глава V, §17) и применялся как минимум в двух губерниях — Смоленской и Новгородской, — где встречались многочисленные примеры использования локальных единиц измерения, не известных межевым чиновникам. Спустя 14 лет после выхода инструкции было собрано значительное количество актов с одинаковым соотношением десятины и жеребья, после чего вышел сенатский указ «О намеривании в Смоленской губернии на каждой жеребей земли по 13 четвертей с третником или по 20 десятин» (соответственно, количество земли в одном поле и трех полях). На наш взгляд, подход екатерининских межевщиков и полученные ими значения выглядят более убедительно, нежели результат Я.Е. Водарского.

Д.З. Фельдман¹

**Планы дач Генерального межевания
как источники по истории еврейской земледельческой колонизации
Северного Причерноморья в начале XIX в.**

Доклад посвящен анализу картографических материалов Генерального межевания Херсонской губернии как источников по истории еврейской земледельческой колонизации Северного Причерноморья в начале XIX в. Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. на территории Новороссийского края Российской империи (современной южной Украины) проходил активный процесс иностранной земледельческой колонизации. Иностранные колонии в Новороссии были основаны в царствование Екатерины II с целью развития земледелия и скотоводства, заселения безлюдных равнинных мест и активизации торговли. К первой половине XIX в. относится последний этап колонизации новороссийских губерний — Херсонской и Екатеринославской (включенных в состав формирующейся «черты постоянной еврейской оседлости» по именному указу Екатерины II от 23 декабря 1791 г.) — поселение еврейских земледельческих колоний. Первые восемь еврейских колоний возникли в Новороссийском крае в 1807–1809 гг. Планы дач Генерального межевания Херсонской губернии, наряду с Экономическими примечаниями к планам Генерального межевания дают подробное экономико-статистическое и географическое описание первых еврейских земледельческих колоний на казенной земле в Российской империи. Исследованные картографические документы являются ценным источником по истории формирования нового сословия еврейского населения в России — земледельцев-колонистов. Кроме того, данные рукописные картографические материалы в настоящее время

¹ Фельдман Дмитрий Захарович, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., dzfeldman@rambler.ru.

имеют и определенное художественно-эстетическое значение, поскольку их неотъемлемой составной частью является изобразительное цветовое оформление.

**Освоение новых земель и защита окраин России
в Средние века и раннее Новое время**

Причины возвышения М.Б. Шеина в царствование Бориса Годунова после битвы при Добрыничах: гипотеза

Случай возвышения Михаила Борисовича Шеина в годы великой Смуты начала XVII века уникальнейший. После победы армии царя Бориса Федоровича над войсками самозванца в сражении под Добрыничами стряпчий М.Б. Шеин был пожалован чином окольного «по сеунчу». Подобная ситуация не встречает аналогов в более ранней практике награждения за сеунчи. Награждение столь высоким чином, притом «скачком» через чин, всего лишь за сеунч представляется необъяснимым, даже если учитывать брачное свойство Михаила Борисовича Шеина с Годуновыми. Вероятно, разгадку следует искать в сообщении Исаака Массы, согласно которому «гонец», отправленный в Москву после победы под Добрыничами, выручил в названном бою своего воеводу. Одним из воевод полка, подвергнувшегося нападению вражеской конницы и жестоко пострадавшего в боях у Добрыничей, являлся царский родственник И.И. Годунов. Можно предположить, что пожалование думным чином М.Б. Шеина явилось совокупной наградой и за сеунч, и за спасение человека, который принадлежал к семейству Годуновых. Хотелось бы подчеркнуть, что все сказанное выше следует оставить пока в статусе гипотезы.

Артиллерия и артиллеристы городов «в черте» в 1684 г.

В 1635 г. на южной окраине Московского государства началось возведение Белгородской черты. После завершения строительства был образован Белгородский полк, и его городами стали не только города черты, но и многие другие южнорусские города. Их подразделяли на три категории: города «в черте» (севернее черты), города «по черте» (непосредственно крепости черты) и города «за чертой» (южнее черты). На основе сведений из годовых смет впервые реконструировано состояние артиллерийского парка городов Белгородского полка «в черте», основанных в XVI в., — Данкова, Ельца, Епифани, Курска, Ливен, Мценска, Новосили, Старого Оскола и Черни — на 1684 г. Выявлена численность артиллерийских систем и произведена их классификация, определены варианты калибров и численность каждого из вариантов. Также в этих городах впервые для рассматриваемого года выявлены категории, численность и личный состав артиллеристов. Впервые проведено сравнение категорий и численности артиллеристов данных городов. Кроме того, рассмотрены некоторые вопросы, связанные со службой артиллеристов.

¹ Володихин Дмитрий Михайлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., volodih@mail.ru.

² Мишуков Иван Александрович, Воронежский государственный университет (РФ, Москва), асп., ivan.mishukov.99@mail.ru.

**Межтекстовые связи «Записки о беспорядках в Малороссии» Г.Н. Теплова:
к вопросу о формировании исторического контекста**

Со времени первой публикации в 1857 г. «Записки о беспорядках в Малороссии» Г.Н. Теплова документ существует в науке обособленно, без видимых связей с другими современными ему документальными комплексами. Его изолированность затрудняет формирование исторического контекста для убедительного решения вопроса о происхождении «Записки о беспорядках в Малороссии».

Нельзя сказать, что в историографии не было попыток включить сочинение Г.Н. Теплова в определенные событийные контексты. Их к настоящему времени историки сформировали два. Один объясняет появление «Записки о беспорядках в Малороссии» борьбой придворных партий за влияние на императрицу Елизавету Петровну в конце 1750-х гг. Второй сводит составление источника к реформаторской деятельности императрицы Екатерины II, упразднившей в 1764 г. институт малороссийского гетманства. На нынешнем этапе изучения происхождения «Записки о беспорядках в Малороссии» принято связывать ее появление с реформами Екатерины II, и доказательства в пользу данного предположения строятся на поиске историками общих смыслов, с одной стороны, заложенных Г.Н. Тепловым в его сочинении, а с другой — в текстах других исторических источников, датируемых 1763–1764 гг. Среди документов, написанных с учетом смыслов и содержания «Записки о беспорядках в Малороссии», обычно называются записка «Нужных дел для памяти», принадлежащая перу Екатерины II (датируется летом 1763 г.); именной указ от 10 сентября 1763 г. о выморочном имуществе; секретная инструкция генерал-прокурору Сената А.А. Вяземскому (конец января – начало февраля 1764 г.); секретная инструкция малороссийскому генерал-губернатору и президенту Малороссийской коллегии П.А. Румянцеву (конец октября – начало ноября 1764 г.). Однако представляется, что в отношении непосредственной зависимости этих источников от «Записки о беспорядках в Малороссии» исследователи высказали всего лишь свои догадки.

Вообще же для выявления межтекстовых связей исторических источников можно использовать не только смыслы, но и аналогии, реминисценции, сравнения и т. д. В предлагаемом выступлении показаны результаты поиска с помощью метафоры событийного контекста для возможного объяснения создания «Записки о беспорядках в Малороссии».

¹ Круглова Татьяна Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., kruglova008@list.ru.

Эволюция отношений Руси и литвы до образования Великого княжества Литовского

Источники позволяют наметить эволюцию политических отношений между Русью и литвой. Наиболее общая тенденция состоит в постепенном усилении литвы и коренном изменении характера ее отношений с Русью: от безоговорочного подчинения и уплаты дани — к участию в междоусобных войнах и переходу к собственным набегам, а затем и территориальным захватам. Эта трансформация отношений была вызвана не только изменениями политической ситуации в восточнославянских землях (начало периода политической раздробленности), но и трансформациями в самом литовском обществе: распадом родового строя, обособлением племенной элиты, прогрессом в экономическом развитии, позволившем мобилизовать часть населения для ведения военных действий. Но если общая тенденция достаточно полно прослеживается по данным древнерусского летописания, то конкретные обстоятельства, время и механизм трансформации характера русско-литовских отношений требуют уточнений.

Лишь приблизительно можно определить время существования зависимости литвы от Руси. Литва определенно платила дань в начале XII в. Именно в это время создается Повесть временных лет, в недатированном предисловии к которой литва присутствует среди народов, «иже дань дают Руси». Начало покорения литвы следует связать с походом Ярослава Мудрого в 1040 (1044) г. Но предельно сжатое летописное сообщение не исключает возможности того, что поход киевского князя был вызван отказом подчиненного племени выполнять ранее установленные обязательства. Нет указаний на то, что во второй половине XII в. литва продолжала платить дань. Освобождение от даннических обязательств, несомненно, должно быть связано с раздроблением Древней Руси. Но, более вероятно, выплата дани литвой была прекращена после событий 1129 г. — изгнания полоцких князей в Византию. В таком случае поход киевского князя Мстислава на литву в 1132 г. следует рассматривать как попытку восстановить прежние отношения. Кампания, видимо, не достигла своей цели. Как отмечает летописец, «киян тогда много побиша литва». Очередную перемену в характере русско-литовских отношений следует связывать с установлением особых отношений литвы с Полоцким княжеством, которое превращается в плацдарм для литовской экспансии.

В целом, в отношениях между Русью и литвой до середины XIII в. можно выделить три периода: 1) первая половина XI – первая треть XII в.: данническая зависимость литвы от Руси, полное господство Древней Руси в Прибалтике. 2) 1130-е гг. – конец XII в.: паритет сил, использование литовцев в междоусобицах. В этот период литва «поднялась до уровня желанного союзника для русских князей». Тем не менее на данном этапе литовцы выступают в роли пассивной силы, используемой в интересах других. Уже на следующем этапе на первый план выходят их собственные интересы. 3) первая половина XIII в. — переход литвы к активной экспансии на русские зем-

¹ Темушев Степан Николаевич, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь, Минск), д.и.н., stepnik_bsu@tut.by.

ли первоначально в форме грабительских набегов, а затем и территориальных захватов. В связи с намеченной периодизацией требуют пересмотра устоявшиеся в белорусской историографии тезисы о мирных, союзнических отношениях литвы и Полоцкого княжества вплоть до образования Великого княжества Литовского.

И.А. Кирпичников¹

**Дворяне и дети боярские на станичной и сторожевой службе
(конец XVI – начало XVII в.)²**

История станичной и сторожевой службы принадлежит к числу классических сюжетов историографии Московской Руси. Одним из важных аспектов данной проблематики, до сих пор не исследованным систематически, является состав служилых людей, из которых формировалась система пограничной службы на протяжении до-смутной эпохи. Первая часть доклада посвящена руководителям «оскольской» и «донской» общероссийских сторож, которые обычно имели статус «стоялых голов». Показано, что они являлись представителями элит южных служилых «городов». Такие служилые люди могут быть названы местными «экспертами»: они на протяжении многих лет занимали различные военно-административные должности в различных районах южного порубежья. Во второй части доклада на основе опубликованных источников в сравнительном ключе проанализирован городской состав отрядов, которые находились под начальством стоялых голов в 1577 и 1595 гг. В третьей части доклада рассмотрен именной список станичников, заново вводимый в научный оборот, исследован персональный состав елецких и ливенских станиц конца XVI в., выдвинуты предположения относительно истории этих станичных сообществ, а также намечены перспективы их дальнейшего изучения.

Е.В. Камараули³

**Модель служилого землевладения и ее влияние на формирование
сельских поселений на Юге России в первой половине XVII в.**

В первой половине XVII в. на территории южнорусского степного и лесостепного пограничья происходило формирование своеобразной модели служилого землевладения, отличающейся от традиционной, сложившейся в центральных уездах старинного освоения. Характерные черты южной пограничной модели включали в себя

¹ Кирпичников Иван Алексеевич, Санкт-Петербургский государственный университет (РФ, Санкт-Петербург) / МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., ivkirs@mail.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00151 «Изменения состава и облика правящей элиты Русского государства в переломные периоды российской истории в XVI–XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствования Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)».

³ Камараули Елена Владимировна, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), к.и.н., kamarauli@bk.ru.

распространение практики одновременных коллективных испомещений на территории урочищ значительной площади; жеребьевый и сложно переплетенный характер служилого землевладения; формирование значительного сектора землевладения «приборных» чинов в пригородных зонах; быстрое наращивание массы мелкопоместного служилого населения при замедленной крестьянской колонизации. Государство влияло на эту модель, с одной стороны, через ограничение крупного столичного землевладения, причем точечное, локальное ограничение землевладения московских чинов началось сразу после Смуты, еще до оформления системы заказных городов. С другой стороны, имея опыт землеустройства в центральных уездах, государство понимало, что фонд свободных земель Юга России только вначале кажется безграничным и освоение новых районов неизбежно приведет к нехватке угодий, поэтому на законодательном уровне установило невысокие нормы раздачи «порозжих» земель и «дикого поля» в поместья южнорусским служилым людям.

В итоге, среди сельских поселений, формировавшихся в условиях южной модели служилого землевладения, преобладали крупные села при одновременной нераспространенности мелких поселений и слабой починковой колонизации. В то же время крупные села не принадлежали индивидуально таким помещикам, как южнорусские дети боярские, которые представляли собой служилую мелкоту с небольшими окладами и еще меньшими земельными дачами. Фактически крупные села были совместными (жеребьевыми) владениями помещичьих коллективов, для каждого такого поселения было характерно обилие владельческих дворов, количество которых могло сравниться по численности с количеством крестьянских дворов и даже превышать его. Такая жизненная реалья, как постоянная военная опасность со стороны татар, также вызывала потребность селиться сообща и обороняться совместными усилиями. Имевшиеся небольшие деревеньки и починки сильнее, чем крупные села, страдали от татар, набегавших из степи, быстрее приходили в запустение. Таким образом, складывание крупных сел с обширными земельными и промысловыми угодьями было основными вехами на пути формирования обжитой территории.

В.В. Канищев, Д.А. Ляпин¹

**Исторические основы геоинформационной системы
комплекса военно-оборонительных сооружений и поселений
Белгородской черты в XVII – первой половине XIX в.²**

Одной из проблем исторической геоинформатики является наполнение информационно-системы грамотным историческим контентом. В ходе реализации проекта по созданию ГИС Белгородской черты ведущими специалистами по данной тема-

¹ Канищев Валерий Владимирович, Тамбовский государственный университет (РФ, Тамбов), д.и.н., valcan@mail.ru; Ляпин Денис Александрович, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина (РФ, Елец), д.и.н., lyapin-denis@yandex.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00024 «Создание геоинформационной системы комплекса военно-оборонительных сооружений и поселений Белгородской черты в контексте социоестественной истории юга Центральной России в XVII – первой половине XIX вв.».

тике, историками из Белгорода, Воронежа, Ельца, Тамбова, липецкими археологами и московскими почвоведом, систематизированы исторические факты для последующей привязки к электронным картам.

Для представления развития зоны Белгородской черты подготовлены карты предшествующих и последующих хронологических периодов: в целом для эпохи раннего Нового времени, XVII – первой половины XIX в., когда происходило формирование оборонительных сооружений и поселений зоны, ее социально-экономическое освоение.

Подготовлены обзорные карты, отображающие состояние Русского государства к 1630-м гг., административное деление его центральных и южных уездов, оборонительные линии XVII – начала XVIII в. Большая часть карт создана на материалах пообъектного уровня (оборонительные сооружения, дороги, церкви, монастыри) и поселенного уровня (города, слободы, села, деревни, владения монастырей) по таким темам, как военное оснащение городов Белгородской черты в XVII в.; отражение набегов кочевников на отдельные участки черты, изменения административного статуса, плотности, социального состава поселений в зоне черты в конце XVI – первой половине XIX в.

Отдельные слои информации распределены в соответствии с этапами ее освоения и отдельными уездами, входившими непосредственно в состав Белгородской черты и к ней примыкавшими.

Помимо описаний сооружений черты, для создания карт привлекались подворные переписи 1610–1670-х гг., ландратские переписи 1710-х гг., погубернские списки населенных мест середины XIX в.

С позиций историзма учитывается, что поселения, возникшие до и во время возведения черты, в дальнейшем меняли свою типовую принадлежность, превращались из крепостей, городков, служилых слобод в города и села, из деревень в села и т. д.

Для формирования интерактивных связей исторического материала с населенными пунктами Белгородской черты создаются исторические справки с подробными описаниями и изображениями объектов.

Д.А. Ляпин¹

Хозяйственное освоение южных территорий Воронежского уезда в XVII – начале XVIII вв.

Воронежский уезд оформился в начале XVII в. В 1615 г. дозорная книга зафиксировала четыре стана на его территории. Значительная часть земель уезда не была заселена по причине регулярных набегов со стороны крымских и ногайских татар. Плодородные южные территории Воронежского уезда использовались для промысловой деятельности. Особенно важное значение имели «Хворостанские ужожаи» — зем-

¹ Ляпин Денис Александрович, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина (РФ, Елец), д.и.н., lyapin-denis@yandex.ru.

ли по реке Хворостани, левому притоку Дона. Недалеко от этого места находился укрепленный Борщевский монастырь. Полноценное освоение этих земель могло осуществляться только после возведения комплекса военно-оборонительных сооружений.

В 1646 г. начинается активная фаза строительства Белгородской черты. В этой связи на Дону, южнее Хворостани, была построена крепость Коротояк. С этого года начались массовые переселения в окрестности новой крепости и первые раздачи окрестных земель в поместья. Большую активность стал проявлять Борщевский монастырь и возникший недалеко Алексеевский монастырь. Хозяйственное освоение «Хворостанских ухожаев», начавшееся в это время, нашло свое отражение в целом комплексе документов, связанных с конфликтами и тяжбами помещиков и монастырских властей, а также в переписях 1646, 1678 1710 и 1716 гг. Материалы помогают наглядно представить особенности распашки целинных земель русскими переселенцами.

О.В. Скобелкин¹

Южный форпост Московского государства (город Соленой в 80-х гг. XVII в.)

Осенью 1675 г. вблизи Торских соляных озер была возведена самая южная крепость между Доном и Днепром — город Соленой.

Крепостные стены представляли собой стоячий острог с обламами, «кроватями» и «котками», высотой 1,75 сажени (3,7 м), с 6 башнями: 2 проезжими и 4 глухими. С трех сторон крепость окружал ров глубиной 1,5 сажени, шириной 2,5 сажени, с четвертой стороны город защищало Кривое озеро.

В августе 1689 г. в крепости был пожар, когда, по данным Я.Г. Карпикова, под стены города подошли татары и попытались зажечь стены. Выгорела часть стены и одна из глухих башен. Стена была быстро восстановлена «стоячим сосновым лесом», но без обламов и «краватей». Кроме того, состояние укреплений было в целом неважным: в 1689 г. «башни без верхов и не покрыты, и все погнили... ров осыпался, мало что и знать... около Соленого города и посаду которые были надолбы, и те надолбы огнили и опали».

Внутри крепости был «колодезь» с дубовым срубом, вода в котором была «добра»; казенный погреб, в котором хранились порох и свинец; сосновая приказная изба с сенями; сарай «для пушак» и «великих государей двор», включавший в себя две «светлицы» и пекарню.

«Наряд» включал в себя 4 пушки, 3 из которых находились в крепости на протяжении рассматриваемого периода постоянно: вестовая калибром 6 гривенок и 2 пищали (одна «винтовая») в 0,75 гривенки. Четвертая пищаль во всех трех сметах описана по-разному. Кроме того, было 3 затинных пищали, но две из них были без «пулек», а третья была повреждена («стрелять немочно»).

¹ Скобелкин Олег Владимирович, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), д.и.н., olegskob@mail.ru.

Что касается городских жителей, то в 1682 г. всего было 240 человек м.п. (без учета родственников), из которых 35 человек — «русские люди» и 205 человек — «черкасы». Служилых людей среди них не было, и поэтому несли караулы и посылались с отписками «наемные люди черкасы», которых нанимали горожане.

Н.А. Жиров¹

Освоение Черноземных окраин Российского государства в XVII–XVIII вв. на примере Ливенского уезда Орловской губернии

Доклад посвящен рассмотрению социально-экономического развития Ливенского уезда от начала освоения территории и появления первых поселений в начале XVII в. и до конца XVIII в. В центре внимания находится подробное изучение территории села Богоявленского (Навесного) как типичного примера эволюции однодворческого поселения исследуемого периода. Хронологические рамки работы совпадают с первым этапом развития села Навесного от его возникновения до образования сети православных приходов с развитой поселенческой округой, которая исторически имела тесную связь с центральным поселением.

Цель исследования заключается в изучении особенностей социально-поведенческой структуры сельского общества Ливенского уезда (в том числе на примере села Навесного с исторической округой) в контексте хозяйственного освоения региона и протекавших в нем демографических процессов.

В качестве основного источника была выбрана массовая хозяйственная и иная документация XVII–XVIII вв. Методика исследования связана с применением проблемно-хронологического метода в локальных границах сельских поселений, историко-системного метода и современных методов математической статистики. Научная новизна состоит в применении методов локальной истории, которые позволят понять специфику самоорганизации социума (выделение основных факторов, позволявших русскому населению вырабатывать наиболее устойчивые и эффективные модели развития социально-экономических отношений с учетом природно-климатических, военных, политических и экономических особенностей). В исследовании проведен анализ данных о социальном составе жителей Ливенского уезда, типах населенных пунктов, распределении земельных угодий по основным категориям (пашня, сенокосные и лесные угодья, неудобные участки и т. д.), объектах экономической сферы (мельницы, фабрики, заводы, торговые заведения).

По итогам проведенной работы был сделан ряд выводов. Во-первых, за период с XVII до конца XVIII в. территория уезда покрылась разветвленной сетью населенных пунктов, площадь под сельскохозяйственными угодьями существенно превышала неосвоенные участки региона, произошел заметный прирост населения. Во-вторых, село Богоявленское (Навесное) за исследуемый период эволюционировало от пустоши «дикого поля» до одного из самых крупных поселений Серболова стана Ли-

¹ Жиров Николай Анатольевич, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина (РФ, Елец), к.и.н., zhirov-nikolai@mail.ru.

венского уезда в XVII в., а в течение XVIII в. превратилось в центр сети православных приходов, в которых подавляющее большинство населения происходило из этого села.

Н.А. Мининков¹

Крепость Святого Дмитрия Ростовского и крепостная документация

Начало Ростову-на-Дону было положено в 1749 г. основанием Темерницкой таможни и в 1762 г. — крепости Святого Дмитрия Ростовского. К ней с запада примыкали Солдатский форштадт и Доломановская слобода. Фонд 518 ГАРО содержит документальный материал, относящийся к управлению и внутренней жизни крепости. Этот материал, включающий в себя приказы комендантов и обер-комендантов крепости, доношения в гарнизонную канцелярию от командиров полков и батальонов, стоявших в ней, в отдельных случаях — от других офицеров и иные документы, дает представление о крепостной повседневности.

В нем отражены события из жизни прежде всего «военнослужителей» крепости: офицеров, унтер-офицеров, капралов и солдат, а также населения, проживавшего в крепости и на соседних с ней территориях. Документы свидетельствуют о начале строительства крепости, которым руководил инженер-капитан А.И. Ригельман, о служебной и бытовой повседневности в крепости, о многочисленных побегах солдат, о нарушениях дисциплины и наказаниях за них. К таким нарушениям относятся весьма частые случаи кражи разного имущества со стороны солдат, а также их пьянство. Имели место случаи ухода солдат в соседний город Нахичевань, основанный в 1780 г. переселенными из Крыма армянами, где первые напивались и валялись по дорогам. Они свидетельствуют о весьма большом материальном достатке некоторых старослужащих солдат, которые не жили в казармах, имели собственные дома и семьи. Из документов видно, что уже к 1762 г., когда началось строительство крепости Святого Дмитрия, на ее территории уже имелась купеческая корпорация во главе с бургомистром и ратманом, которая принимала в свои ряды новых людей. Особенностью состава населения крепости было значительное количество однодворцев, которые развернули по новому месту своего жительства разностороннюю хозяйственную деятельность, имели торговые связи с населением соседних территорий, в том числе с более отдаленными калмыками.

Документы фонда крепости позволяют получить представление о конкретных случаях в жизни гарнизона и гражданского населения, не связанных, как правило, между собой. Как и во всякой истории повседневности, они дают основание для исследования крепостной жизни в форме «мозаики миниатюр». Тем не менее за этой мозаикой прослеживаются реалии жизни крупного поселения в низовьях Дона, в скором времени получившего статус уездного города с пожалованием собственного герба.

¹ Мининков Николай Александрович, Южный федеральный университет (РФ, Ростов-на-Дону), д.и.н., mininkov@sfedu.ru.

**Дипломатическая деятельность в Сибири
Степана Александрова сына Греченина**

Степан Александров сын Греченин, один из сосланных в Сибирь «греческих» иммигрантов, много сделал для продвижения границ России на Восток. Необычна его судьба. В Россию он прибыл в 1630 г. в составе свиты Дмитрия Палеолога, вместе с ним, очевидно, попытался провести эксперименты по превращению недрагоценных металлов в золото. Но опале подвергся Степан Александров не за алхимические практики, а за мошенничество. Его уличили в обмане русских властей. Представители «греческой» общины Москвы опознали в Степане Александрове монаха, приезжавшего ранее в русскую столицу за получением царских пожертвований. После расследования «греченина» отправили в Сибирь. В Томске, обладавшем правом вести под контролем Москвы переговоры и направлять дипломатические миссии на Восток, его зачислили в дети боярские. Грамотный и образованный Степан Александров был привлечен администрацией Томска к дипломатической деятельности. Он возглавлял посольства к Алтын-хану в 1636 и 1659 гг., в 1647 г. — к телеутскому правителю Коке Абакову, а в 1663 г. осуществил поход на телеутов. В докладе рассматривается его роль в переговорных процессах России с восточными правителями и освоении новых территорий.

**Нерчинский приказчик П.Я. Шульгин
и его роль в укреплении позиций России в Даурии в 1670-е гг.**

Тобольский сын боярский Павел Яковлевич Шульгин занимал пост приказчика Нерчинских острогов 4 года и 5 месяцев (30 ноября 1673 г. – конец апреля – начало мая 1678 г.). К моменту начала его руководства Нерчинским уездом позиции России на этой территории были сильно ослаблены и существовал риск потери контроля над ее ясачным населением. Эта ситуация усугублялась утратой в Сибирском приказе интереса к Забайкалью ввиду отсутствия там больших ресурсов пушнины и возможности выращивать хлеб для обеспечения служилых людей.

Шульгин предпринял активные действия для защиты ясачных людей и разрешения русско-аборигенных конфликтов в пределах Нерчинского уезда. Благодаря успешным военным походам против «немирных» и «воровских» табунутов, тунгусов и «мунгалов» прекратился уход из-под контроля нерчинской администрации ясачных братских людей, тунгусов и намясинцев, сменившись обратной тенденцией. Нерчинский приказчик активно использовал и мирные средства влияния на «иноземцев»: пе-

¹ Опарина Татьяна Анатольевна, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова / Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., t-a-opart@yandex.ru.

² Багрин Егор Андреевич, Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., egor-bagrin@yandex.ru.

реговоры, учет реальных возможностей плательщиков ясака, уплату дани без выдачи аманатов и др.

П.Я. Шульгин укрепил позиции России и в Приамурье, вооружая казаков Албазинского острога и стимулируя их продвижение в бассейн р. Зеи. Таким образом, умелая политика, сочетавшая в себе элементы силового давления и дипломатии, помогла Шульгину создать благоприятные условия для расширения зоны влияния России в Даурии (исторической области, включающей территории Забайкалья и Приамурья), а найденные под его руководством источники серебряной руды вернули интерес к региону в Москве.

Г.Р. Якушкин, М.М. Якушкина¹

**Торговые пути жителей села Нижний Ландех
в XVIII – первой четверти XIX в. в рукописи крестьянина О.П. Голикова**

На территории Ивановской области находится село Нижний Ландех, расположенное на Балахонском торговом тракте. Жители села активно занимались торговлей на ярмарках в различных городах и селах, осваивая окраинные земли. О занятиях односельчан повествует крестьянин О.П. Голиков (1742–1825) в своей рукописной книге «История села Нижний Ландех...», хранящейся в ОПИ ГИМ (Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 290а). О своей торговой деятельности автор пишет, что в «молодые лета отведал и Сибирских краев часть, близ Ишимской линии», а затем начал осваивать южные земли. Он торговал «красным товаром на четыре разбора» в Херсонской губернии, на землях Бугского казачьего войска, с позволения командующего войском, полковника П.М. Скаржинского, впоследствии Астраханского генерал-губернатора, после русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в течение 11 лет. В записках Голикова упомянуты населенные пункты: Новогригорьевское, местечко на Мертвой воде, Николаевская крепость, Соколово, имение П.М. Скаржинского слобода Трикраты, «Белый город турецкий» (Аккерман), в 1793 г. он посетил города Дубоссары и Бендеры.

Подводя итоги, Голиков писал, что «любезные наши обыватели, торгующие по дальним странам, из оных благополучно, яко трудолюбивые пчелы, с приобретенными по милости Божией таланты, в дома свои возвратились», называя фамилии Баженовых, Красильниковых, Паниковых, Копендюхиных, Дубининых, Мошкиных. Наблюдательные крестьяне в ходе торговой деятельности примечали «заводские работы и, находя в них некоторые излишества», занимались изобретательской деятельностью. Так, Иван Мошкин придумал машину для расковки железа вместо молотов, а Василий, Макар и Герасим Дубинины впервые в мире в 1823 г. организовали в Моздоке предприятие по перегонке нефти.

¹ Якушкин Геннадий Радикович (РФ, Москва), mugrya@mail.ru; Якушкина Марина Михайловна, Государственный исторический музей (РФ, Москва), mugrya@mail.ru.

Список сокращений

ГАРО	Государственный архив Ростовской области
ГИАХиЛМЗ «Царицыно»	Государственный историко-архитектурный, художественный и ландшафтный музей-заповедник «Царицыно»
ГНИМА	Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева
ОР ЯМЗ	Отдел рукописей Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РНБ Сол.	Библиотека Соловецкого монастыря в составе Отдела рукописей Российской национальной библиотеки

Научное издание

Труды исторического факультета МГУ: Вып. 257
Серия II: Исторические исследования, 178

РУСЬ, РОССИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

Аннотации докладов всероссийской научной конференции
с международным участием

ВЫПУСК 7

Седьмые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова

Техническое редактирование, верстка *А.А. Сорокина*